

В. и. фрейдзон

НАЦИЯ
ДО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА

Историко-социологический очерк
Центральной Европы
XVIII в. — начала XX в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. И. ФРЕЙДЗОН

НАЦИЯ
до национального государства

Историко-социологический очерк
Центральной Европы
XVIII в. – начала XX в.

Издательский центр «Феникс»
г. Дубна

1999

ББК 66.5(4-8)
Ф86

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 98-06-87006*

Ответственный редактор: кандидат исторических наук О. В. Хаванова

Рецензенты: доктор исторических наук И. В. Чуркина
кандидат исторических наук О. В. Павленко

В. И. Фрейдзон

Ф86 Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. – Дубна: Издательский центр «Феникс», 1999. – 96 с.

Эволюция этносоциальных структур, являвшаяся основой становления наций в восточной части Центральной Европы, рассмотрена в книге в сопоставлении с аналогичными процессами в Западной и Юго-Восточной Европе. С учетом специфики регионов и социальной структуры разных народов (т.е. этносоциальной структуры) автор предложил типологию национальных процессов в рассматриваемом регионе и их периодизацию. В книге освещена роль отдельных социальных слоев в процессе формирования наций. В заключительной части книги представлен классический пример национального процесса у народа, находившегося в весьма неблагоприятных стартовых условиях.

ISBN 5-87905-091-2

- © В. И. Фрейдзон. Содержание, 1999 г.
- © Издательский центр «Феникс». Оформление, 1999 г.

Ответственный за выпуск – *А. В. Пацок*
Обложка и компьютерная верстка – *А. И. Мамиев*

ЛР № 063157 от 03.12.93

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Подп. в печать 29.11.1998 г. Формат 70 x 100 / 16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Объем 7,78 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз. Заказ № 631

Издательский центр «Феникс».
141980, Московская обл., г. Дубна, пер. Хлебозаводской, д. 24, к. 802.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Введение

Сравнительное изучение прошлого отдельных народов и целых регионов – настоящая, теоретически важная задача исторической науки. Это путь к углубленному пониманию конкретного хода истории. Едва ли не наиболее трудным при этом является исследование столь сложной человеческой общности как нация (в каждом случае историк имеет дело с уникальным материалом). Ученые не могут не ставить себе целью познание закономерностей национальных процессов в глобальном масштабе. Этапом при этом является тщательная прорисовка важнейших черт (создание типологии) развития одного из регионов и выяснение своеобразия истории каждого народа в его составе, – также в сравнительном плане. Так по социальным параметрам и их эволюции в XVIII в. – начале XX в. восточная часть Центральной Европы отличалась от соседних регионов. Сопоставление с другими регионами открывает возможность обобщений в пределах Европы в целом. Далее открылись бы еще более широкие горизонты.

Существуют два способа определения границ региона восточной части Центральной (иначе – Средней) Европы (Ostmittleuropa, East Central Europe) – по социально-экономическому принципу или в зависимости от этнического состава населения региона. Первый был предложен Ф. Энгельсом по следующим основаниям: в регионе «восточнее Эльбы» с XVI в. укрепилась феодальная зависимость крестьянства, ликвидированная лишь в XIX в., тогда как западнее Эльбы, как правило, крестьянин был лично свободным и, хотя и значительно медленнее, чем в Западной Европе (Англии, Голландии, Франции), созревали условия для капиталистического развития (это «западная часть Центральной Европы»; в XX в., особенно в последнее десятилетие, в связи с ускоренной модернизацией всей Германии, ФРГ прочно вошла в состав Западной Европы; как видим, при значительной устойчивости границы регионов изменяются). То, что в отношении XVIII в. – начала XX в. по указанному критерию мы называем «восточной частью Центральной Европы», ныне можно именовать просто Центральной Европой.

Другой критерий исходит из того, что между Балтийским и Адриатическим морями пролегла полоса, заселенная народами, в XVIII в. – начале XX в. входившими в многонациональные государства – Австрию, Пруссию (с 1871 г. – Германию) и Россию, причем большая их часть – в состав монархии Габсбургов*; все польские территории в 1795 г. были поделены между тремя названными державами и переданы на целый век в 1815 г. Именно польско-немецкий и польско-восточнославянский (в Российской империи) этнические рубежи стали границами региона.

В Австрийской империи господствующим народом являлись австрийские немцы, а с 1867 г., с преобразованием державы в Австро-Венгрию,

* Чехи, словаки, западные украинцы, венгры (добившиеся равноправия в 1867 г.), словенцы, хорваты (после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. – полностью), часть сербов, итальянцев (в основной массе до 1866 г.), поляков (1772 г.), румын (влахов).

также и венгры (мадьяры). Некоторые из перечисленных народов находились под австрийским господством еще с конца I тысячелетия от Р.Х. (словенцы), другие присоединены в XVI в. (венгры, хорваты, словаки, часть румын), поляки – в XVIII в. и т.д.

Хотя наша работа посвящена различным *социальным* аспектам региона, как это ни кажется парадоксальным, мы выбрали второй (этнический) критерий определения его границ, так как исследование посвящено только неполноправным народам. Итак, в нашем труде «восточная часть Центральной Европы» – территория между гигантским восточнославянским и германским миром. Комплекс владений монархии Габсбургов мы рассматриваем в качестве основной части региона*. Отмечаем, что в монографии для краткости регион восточной части Центральной Европы обозначается как «Центральная Европа».

Итак, необходимо изучить различные социальные аспекты складывания наций в Центральной Европе.

Автор монографии ставил перед собой задачу рассмотрения таких важных проблем процесса формирования наций, как вопросы типологии, периодизации складывания наций, место и роль в этом процессе отдельных социальных слоев. Формы и этапы развития национальных движений, политическая борьба (всегда воздействовавшая на формирование нации) не затрагиваются.

Развитию национального самосознания посвящено специальное исследование**.

Представления о сущности нации складывались исторически. В английском и французском языках нация означает население страны, государства. Понятия «нация» и «государство» сблизились настолько, что современная Организация объединенных наций (ООН) обозначает сообщество государств. Однако из всех западноевропейских стран только во Франции под воздействием как экономического фактора, так и длительных политических усилий принцип «нация – все население государства» был в основном осуществлен (хотя и до сих пор фактически оспаривается на Корсике). Определяемая по тому же принципу американская нация – явление особое: полиэтничное и полирасовое сообщество, обладающее общим чувством государственного единства.

Складывание большинства наций в Европе протекало либо в пределах многонациональных государств (в частности, у западных и южных славян), либо в условиях политической раздробленности этноса (немцы, итальянцы; некоторые территории последних в XVIII–XIX вв. находились под австрийской властью). Принцип «нация – государство» как эт-

* Но и здесь имеются небольшие исключения. Среди исследователей нет единого мнения относительно вхождения в состав региона Трансильвании и Буковины. Захваченные в XVIII в. – начале XIX в. и утерянные в 1859-1866 гг. североитальянские земли были чужеродным для империи телом; оккупированные в 1878 г. Босния и Герцеговина – часть региона Юго-Восточной Европы; небольшая Далмация также выходит за пределы Центральной Европы и является частью Средиземноморского региона. Подробно по затронутым здесь вопросам см. Т. Исламов, В. Фрейдзон. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // *Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1992 г. М., 1992. С.119-133.*

** Мильников А. С. Народы Центральной Европы. Формирование национального самосознания. С-Пб., 1997.

ноконсолидирующий здесь «не работал», но народы провозглашали и его в качестве цели. Для объяснения и оправдания национальной консолидации национальные деятели видели ее основу в формировании национальной культуры, культурных и политических традиций.

Карта-схема: Центральная Европа.

Этнический состав накануне первой мировой войны

—	государственные границы Австро-Венгрии, Российской и Германской империй;	с - сербы;
— · — · —	границы Венгерского королевства;	х - хорваты;
		м - мусульмане (как народ);
		1 - Босния и Герцеговина.

В связи с этим часть современных западных ученых, когда речь идет об эпохе формирования наций в Центральной Европе (XVIII в. – начало XX в.), использует понятия *Staatsnation* (нация с собственной государственностью) и *Kulturnation* (нация, базирующаяся на достижениях в сфере культуры, но не обладающая собственной государственностью). Хотя

вторые превращались в первых (например, чехи в 1918 г.), в условиях развития между первыми и вторыми наблюдались существенные различия. В процессе формирования наций следует отдать должное как фактору национальной государственности, так и складыванию системы национальной культуры. Однако основой всего процесса, причем во всех случаях, была эволюция социальной структуры народа.

В Центральной Европе принцип «государственной» или «политической» нации еще в эпоху феодализма восприняли дворянские идеологи господствующих или привилегированных народов: так обозначался феодальный класс на всей территории государств, например Речи Посполитой, Венгерского королевства. В Новое время, в эпоху формирования наций дворянство и нарождающаяся буржуазия сохранили этот принцип для оправдания своих претензий на различные территории, тем более, если там были расположены имения польских и венгерских помещиков. Это был принцип так называемого исторического права. В составе Венгрии только Хорватия со своим дворянством считалась «политической нацией» и пользовалась автономией. Народы, не имевшие своего дворянства, считались «племенами» или «народцами» (*gentes*), не имевшими не только права на национально-государственную организацию, а частично и якобы обреченными на ассимиляцию.

В сущности из аналогичных взглядов исходили австрийские правящие круги в XVIII в. (просвещенный абсолютизм способствовал германизации чехов и словенцев).

В Венгерском королевстве осуществился смешанный вариант *Staatsnation* и *Kulturnation*¹ (эти термины применяются нами лишь для различения наций со своим государством или без него). Венграм долгое время приходилось добиваться права на развитие общественной жизни и национальной культуры на родном языке. С переходом к буржуазной эпохе венгерские правящие круги стали считать «нацией королевства» уже не дворянство, а все население страны, но отождествляя его с венгерским народом. Официальный латинский язык был заменен венгерским (1840 г.). Это было успехом венгров, но вместе с тем расширило возможности мадьяризации других народов королевства. В сущности политика венгерских господствующих верхов в XIX – начале XX в. означала попытку осуществить «французский путь» формирования нации в совершенно иных, в сравнении с Францией, условиях.

При всех отмеченных выше различиях, между двумя вариантами процесса формирования наций не было непреодолимой пропасти. Дело в том, что обе формулы – *Staats-* и *Kulturnation* – не могут удовлетворить. В них не отражен важнейший компонент, основа национального процесса: в «своем» государстве или без него этой основой становления наций, как мы отметили выше, являлась социально-экономическая эволюция общества, а именно складывание на территории и в рамках данного этноса гражданского общества, развитие промышленности, рынка, разделения труда, резкая интенсификация социальной мобильности населения, рост городов и т.д. Этот же процесс был основой формирования системы национальной культуры (одного наличия своего государства для этого было недостаточно).

Этносы, как сообщества людей с определенными особенностями культуры (включая язык), теснейшим образом связаны с социально-экономическими явлениями. Такая связь в максимальном варианте означает

наличие территориальной, экономической, социальной и политической общности. Основными компонентами такого этносоциального организма являются как этнические, так и социально-экономические факторы (последние мобильны, что и дает возможность выделения историко-стадиальных типов этносоциальных общностей).

Так, в эпоху классического феодализма в Европе массу народа составляло крестьянство, более или менее равномерно населявшее этническую территорию, кое-где возвышались замки феодалов, относительно немногочисленные горожане были заняты преимущественно ремеслом и торговлей, но внутриэтнические коммуникации были скудными. Здесь приведены некоторые стадиальные черты общности, которую называют феодальной народностью. Нация же – общность качественно более высокого уровня, явление Нового времени, буржуазной эпохи, гражданского общества. Ю. В. Бромлей отмечал, что нации определяются «всем комплексом социально-экономических характеристик... интенсивностью этнокультурных связей и т.п.» В национальных процессах, писал он в другом месте, для удобства анализа принято условно выделять «две взаимосвязанные стороны: социально-экономическую и собственно этническую». При этом под первой подразумеваются прежде всего производственные отношения, «классово-профессиональная сфера общественной жизни»².

Развитие науки на Западе в последние десятилетия характеризуется углубленным вниманием к социальным процессам. Уместно привести, например, результаты, полученные британским ученым А. Д. Смитом. Автор считает, что нации присущи следующие качества: 1) историческая территория или родина, 2) общие мифы и исторические воспоминания, 3) общая массовая народная культура, 4) общие законные права и обязанности всех членов, 5) общая экономика при наличии территориальной мобильности для всех³. Нации, по Смиту, феномен Нового времени, члены нации «имеют гражданские права, если нации обладают независимостью», нации базируются на единой экономике при разделении труда, свободном передвижении товаров и лиц по всей национальной территории; нации нуждаются в достаточно компактной территории, предпочтительно с «естественными» защитимыми границами в мире, состоящем из подобных компактных наций, нации требуется единая политическая культура и «единая система массового народного образования и средств информации, чтобы готовить новые поколения стать «гражданами» нации»⁴.

Исходя из вышеперечисленных качеств нации, А. Д. Смит предлагает такое ее определение: это «имеющее определенное наименование человеческое население (population), совместно владеющее исторической территорией, общими мифами и историческими воспоминаниями, обладающее массовой народной (public) культурой, общей экономикой и общими законными правами и обязанностями для всех»⁵.

Нетрудно заметить, что автор перечисляет существенные черты наций эпохи зрелых буржуазных отношений. А. Д. Смиту присущ исторический подход к нации как результату длительного развития человечества. Так он отмечает, что ряд предложенных им характеристик нации отсутствовал у этносов на более ранних стадиях их истории. Достоин внимания, что ученые, ведущие исследовательскую работу в разных социально-политических условиях, пришли к сходным результатам (мы имеем в виду

Ю. В. Бромлея, труды которого вышли в 70-80-х годах, и А. Д. Смита; именно с этой целью сопоставлены их взгляды).

Британский ученый Э. Геллнер полагает, что «национализм создал нацию». Это утверждение могло бы показаться спорным, если бы не следующее рассуждение автора: «определение наций может отталкиваться только от реальностей эпохи национализма». В свою очередь, важнейшей чертой этой эпохи было формирование «индустриального общества». В конечном счете, по Геллнеру, именно последнее, т.е. «социальная среда» требует такой общности, как нация⁶.

Основные итоги изучения формирования наций региона, проведенного в Институте славяноведения и балканистики, подведены в нашей обзорной статье⁷.

Новой истории народов региона, в частности монархии Габсбургов, посвящено большое число трудов зарубежных ученых. Здесь и работы австро-американца Р. А. Канна, чеха М. Гроха, венгра Э. Нидерхаузера, поляка Ю. Хлебовчика, коллективный австрийский труд под редакцией А. Вандрушки и П. Урбанича и др.⁸. Это талантливые исследования различных аспектов прошлого. На некоторые из этих работ в нашем изложении даются ссылки. Однако специального труда, посвященного прежде всего критериям типологии национальных процессов, не имеется.

В нашей книге избрана удобная для изложения материала форма небольших историографических экскурсов в тексте, посвященном той или иной проблеме.

Сведения о формировании словенской нации, содержащиеся в заключительной части монографии, позволяют наглядно представить один из типов процесса.

* * *

Глава 1

ТИПОЛОГИЯ ПРОЦЕССА

Проблема типологии национальных процессов сложна, поскольку в мире нет хотя бы двух народов с тождественными параметрами исторического развития. Однако, существуют объективные основания для выделения групп народов, у которых этот процесс обладал более или менее глубокими чертами типологического сходства – по хронологическим рамкам, по общеисторическим, политическим и идейно-культурным условиям. Поскольку нация – исключительно многогранный исторический феномен, имеется множество критериев типологизации национальных процессов на стадии ее формирования. Сосредоточимся на наиболее существенных. Обращают на себя внимание прежде всего два комплекса объективных условий национальных процессов. Один из них – территориальный или региональный, другой – социально-структурный.

Закономерности (и особенности в масштабе Европы) социально-экономического, политического и культурного развития региона Центральной Европы предопределили как хронологические рамки, так и сам характер процесса формирования наций на этой территории, и, наконец, основные черты национальных движений. Поэтому региональный принцип типологизации процесса – один из наиболее важных.

Другой критерий связан с социальной структурой данного этноса в позднефеодальную эпоху, т.е. накануне начала процесса складывания наций.

Далее следует указать на такие критерии типологизации как территориальная (административная и особенно политическая) целостность или раздробленность этноса, а также на возникновение нации на основе одноименной феодальной народности (т.е. этноса, уже обладавшего самосознанием) или нескольких народностей (или этнотерриториальных общностей) со смутным сознанием своей общности и отличия от соседей. Национальные процессы также различались по своему темпу, плавности, соотношению объективных и субъективных факторов.

1. Региональный принцип

Перейдем к оценке того, что дает для типологизации изучаемого процесса принадлежность того или иного народа к определенному региону. Тип процесса формирования наций определялся различной социально-экономической, политической и культурной ареной. Кроме того, вековое, подчас многовековое, развитие ряда народов в рамках одного государства (социально-политического организма), такого, как Австрий-

ская монархия (являвшаяся субрегионом региона Центральной Европы), накладывало глубокий отпечаток на национальное развитие этих народов, в частности на их быт, культуру, сознание. Австрийское владичество предопределило то общее, что было в политическом и культурном облике народов империи в XVIII в. – начале XX в.

В зависимости от закономерностей социально-экономического развития на стадиях зрелого («позднего») феодализма, разложения феодализма (формирования буржуазного уклада) и победы и утверждения капитализма в Европе можно более или менее четко выделить несколько основных регионов^{*}: Западная Европа, Средиземноморская или Южная Европа, Северная Европа (Скандинавия), западная часть и восточная часть Центральной Европы, Юго-Восточная Европа, Восточная Европа¹. Под историческим регионом мы подразумеваем территорию длительного совместного проживания ряда народов в сходных (близких) социально-экономических, политических и культурных условиях.

Границы регионов, хотя и подвергались изменениям, были относительно устойчивы, что служило основой для складывания на протяжении длительного времени в каждом из них определенных типов народно-бытовой и профессиональной культуры, соответственного образа жизни и черт этнического сознания.

Наиболее характерными и интересными для сопоставления процессов формирования наций в Европе являются наряду с регионом, избранным для изучения, Западная и Юго-Восточная Европа^{**}. Вместе с тем определенный интерес в указанном отношении представляют Италия и Германия, находившиеся в многовековом состоянии политической раздробленности. В этих странах процесс складывания наций преодолевал значительные препятствия и завершился в XIX в., т.е. протекал примерно в тот же период, что и в восточной части Центральной Европы, хотя и с некоторым опережением.

В научной литературе получил распространение тезис о принципиальном несходстве путей складывания наций в Западной и Центральной Европе. Действительно, различия имелись существенные: к XIX в. на Западе – фактически в качестве классического примера рассматривается только Франция – формировалось однонациональное государство, в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе – многонациональные империи. И все же различия не дают основания говорить об отсутствии каких-либо элементов сходства между Западом и Центром Европы².

Исходным рубежом процесса формирования наций в Западной Европе были XV–XVI века – время зарождения в недрах феодализма буржуазного уклада (Нидерланды, Англия). Именно тогда стала складываться

* Дискуссию о понятии регион см.: «Советская этнография», 1984, № 1. В мировой науке имеется множество его определений. Велик и набор принципов, принимаемых в качестве основы выделения регионов. У нас речь идет об историческом регионе.

** Точнее, регион османского господства, охватывавшего в XVI–XVIII вв. почти всю Юго-Восточную Европу. Исключение составляли Далмация, подвластная Венецианской республике, Республика Дубровник. Фактически самостоятельной с XVIII в. была Черногория. Дунайские княжества Молдавия и Валахия, входившие в состав Османской империи, по господствовавшим в них социальным отношениям были близки Центральной и Восточной Европе.

социальная структура буржуазного общества, началась «капиталистическая эра»³, а вместе с ней и Новая история.

Складывавшиеся на Западе государства вовсе не были моноэтническими. Так в Великобритании, где почти повсеместно возобладал английский язык, сохраняли этническую обособленность Шотландия, которая обладала государственной традицией, а также Уэльс. Тем более это относится к Ирландии, подвергавшейся угнетению и борющейся за самостоятельность. Иначе говоря, распространение английского языка не устранило полиэтничность Великобритании, а переход населения той или иной территории на другой язык вовсе не обязательно означает этническую ассимиляцию⁴.

Из нескольких народностей складывалась и французская нация. По словам Ф. Энгельса, провансальская народность «в средние века была не более родственной северофранцузской, чем теперь польская – русской»⁵. Обособленность (и свой язык) долгое время сохраняли бретонцы, немецкоязычное, а затем двуязычное население Эльзаса и Лотарингии. Тенденция к централизации государства во Франции обнаружилась ранее становления нации, утверждает французский исследователь, в силу чего «государство создало нацию»⁶.

Эта централизация как в Великобритании, так и во Франции, все более опиралась на интенсивное развитие общегосударственного капиталистического рынка. В рыночные связи втягивалось лично свободное и поэтому относительно мобильное крестьянство разных национальностей.

В городах и сельской местности основывались мануфактуры (особенно в XVIII в.), складывался слой фермеров, увеличивалась численность наемных работников. В города крестьянина привлекал не только рынок. Здесь находились администрация, суд, нотариат и другие учреждения, в которые он имел право и потребность обращаться⁷.

В этой обстановке постепенно изменялось сознание крестьянства, что являлось компонентом складывания английской и французской наций. Крупным рубежом данного процесса явились буржуазные революции в Англии и Франции XVII–XVIII вв. Они открыли простор развитию буржуазной общественной структуры, создали необходимый для этого правопорядок («права человека»), дали импульс развитию национальной культуры, идеологии и политической организации основных классов капиталистического общества, что вместе с тем означало зрелость процесса складывания наций. Зрелая нация подразумевает также наличие хотя бы минимума либеральных принципов в политическом устройстве. В Англии они уже имелись налицо, во Франции зародились в период Июльской монархии, но закрепились только во второй половине XIX в.⁸

Таким образом, продолжительность складывания английской и французской наций – примерно 300 лет.

Какой же при этом была судьба малых этносов? Развитие мощных городских центров на территории основной национальности (Лондон, Париж и другие города) на протяжении веков сопровождалось распространением густой сети коммуникаций, приводило к абсорбированию (ассимиляции) наиболее активных в социально-экономическом отношении иноязычных элементов, к постепенному расширению использования английского и французского языков. Динамика развития этносоциальной структуры других, не всегда даже родственных этносов, сдерживалась или вообще нейтрализовалась⁹.

Таким образом особенности социально-экономического развития западных стран обусловили высокую способность их обществ к интеграции других этносов, в конечном счете – их ассимиляции.

При всем том имеется немало свидетельств политики насильственной ассимиляции малых этносов даже в XIX в. (высмеивание и преследование народного языка, а также одежды в школе и т.п.). Централизованное государство и аппарат власти играли в этом большую роль. Тем не менее в латентном состоянии эти этносы продолжали существовать как субэтносы в рамках общей нации. По-видимому, – при всех различиях – механизмы этнополитического развития в западной и центральной частях Европы не были вовсе лишены сходства, как это порой принято считать. Пробуждение в большинстве стран современной капиталистической Европы национально-культурных и даже национально-политических (Бельгия, Корсика во Франции) движений подтверждает сказанное.

В Провансе, например, где давно господствует общепрованцузское самосознание, был издан провансальско-французский словарь, выходят провансальские поэтические сборники, проводятся праздники, на которых вручается приз девушке не только за красоту, но и за исполнение песен на местном языке, за сохранение народного костюма. С 1854 г. действует литературное общество Фелибриж, ставящее целью восстановление провансальского литературного языка и национального самосознания провансальцев¹⁰.

Федералистское движение среди фламандцев Бельгии несомненно было связано с крупными прогрессивными изменениями в социальной и культурной структуре Фландрии в XX в. Оно завершилось полным успехом.

Национальные возрожденческие (автономистские) тенденции в Испании естественны при современном либеральном политическом строе, – в условиях централистско-монархических режимов и при фашизме эти тенденции подавлялись насильственно¹¹. Баски и каталонцы организовали на родном языке периодическую печать, телевизионную сеть и т.д. (эти проблемы будут еще затронуты ниже в другой связи).

В целом общество западных развитых стран проявило большую способность к ассимиляции иноязычных этносов. Вне Европы это особенно проявилось в США.

В Центральной Европе результат, аналогичный полученному в западных странах, оказался невозможным. Прежде всего, крупнейший народ региона, польский, попал под иноземное господство лишь в последние десятилетия XVIII в., после многовекового развития в рамках своего государства и в условиях интенсивного процесса складывания польской нации, развития национальной культуры. О широкой денационализации польского народа в эпоху перехода от феодализма к капитализму не могло быть и речи, хотя такого рода попытки осуществлялись как правящими кругами Германии, так и России.

Что касается монархии Габсбургов, то интенсивная ассимиляция ее народов немцами была невозможной уже потому, что последние составляли лишь несколько более четверти населения государства, а столица империи Вена при всей своей значимости как экономический и культурный центр, притягивавший население и культурные силы всей монархии, все же не играла в XVIII в. и тем более в XIX в. столь огромной централизующей социально-экономической и политической роли, как Лондон и Париж.

В Австрийской империи в эпоху перехода к капитализму имелись условия для развития крупных «областных» рынков, никогда полностью не растворявшихся в рынке общегосударственном (Венгрия, Чехия), вплоть до промышленного переворота сохранялась и определенная обособленность окраинных национальных областей (на юге и востоке государства, – славянские и румынские области).

Несмотря на наличие в Австрии мануфактур (правда, в небольшом количестве) уже в XVI в., развитие капитализма тогда не стало необратимым. В государстве утвердилась, особенно в XVII в. феодально-барщинная система. Капиталистический рынок начал развиваться в Австрийской монархии в XVIII в., примерно на двести лет позднее, чем в Западной Европе. Крестьянин, закрепощенный на большей части территории страны и именно на той, которая была заселена немцами народами, долгое время был слабо связан или вообще не связан с немецкими городами, поскольку торговля продуктами сельского хозяйства в преобладающей мере находилась в руках помещиков и купечества до конца XVIII в., а на востоке габсбургской монархии до последней трети XIX в., деревня сама себя обеспечивала ремесленными изделиями.

Тем не менее процесс ассимиляции главным образом в «наследственных» (западных, австрийских) землях Габсбургов, т.е. местах проживания чешского и словенского населения, наблюдался в XVIII в. и позднее. Ассимиляция затрагивала прежде всего элементы, наиболее отделившиеся от крестьянской массы. Особенно это относилось к славянам, переселившимся в Вену и вообще в немецкоязычную среду или тесно соприкасавшимся с австро-немецким бюргерством, буржуазией, властями. Это были прежде всего ремесленники, владельцы мануфактур, часть рабочих, представители образованных слоев, чиновники, военные и т.д. Фамилии многих австрийцев – граждан современной Австрийской республики, принадлежащих к австрийской нации, – убедительное свидетельство этого. В Приморье с его значительным итальянским населением (особенно в Триесте) происходила ассимиляция словенцев.

Ассимиляция была особенно значительной в том случае, когда этносоциальная структура привилегированной нации значительно превосходила по степени зрелости структуру других народов, и ослаблялась по мере социального и культурного подъема этих народов. Так было у чехов, например, уже в третьей четверти XIX в., словенцы же в Приморье достигли этой стадии в начале XX в. (когда их итальянизация прекратилась), а в Южной Каринтии процесс их ассимиляции не был преодолен до 1918 г.

Серьезную преграду на пути ассимиляции создавали религиозные различия. В тех районах протестантской Пруссии, где польский католический этнос был представлен в основном трудовыми слоями, ассимиляторская политика достигла лишь минимальных результатов¹². Православные сербы мало ассимилировались венграми, но в большей мере – православными румынами. Торговцы – греки и армяне, жившие среди сербов, относительно легко ассимилировались ими. Заметной была ассимиляция словаков как венграми, так и чехами. Во всех приведенных случаях среди народов, принадлежавших к одной религии (католицизм, протестантство, православие), ассимиляция облегчалась.

По мере созревания этносоциальной структуры и упрочения внутринациональных связей народов учащалось возвращение в национальную среду ранее германизированных, итальянизированных, мадьяризированных

групп населения. Немцы – представители буржуазии, интеллигенции, жившие в инонациональной среде, все чаще сливались с чехами, хорватами, венграми и др. Кроме того, общие социально-политические и экономические интересы всего многонационального населения данной области (или такой страны как Венгрия) в течение веков способствовали его сплочению, сближению не только политическому, но и культурно-психологическому. Так, часть немцев и словаков (в меньшей мере – представители других национальностей Венгерского королевства) участвовала в освободительной войне против Габсбургов в 1848-1849 гг. Это было проявлением исторического процесса формирования надэтнических общностей в рамках многонациональных государств и в какой-то мере и процесса складывания венгерской нации.

В целом ассимиляционные процессы в Центральной Европе, в отличие от Западной Европы, как правило, не смогли воспрепятствовать развитию этносоциальной структуры разных народов, хотя кое-где (как, например у словенцев Южной Каринтии) затормозили его.

Темп «национализации» ранее немецкоязычных или италияязычных городов, расположенных на этнической территории других народов или на ее рубежах, был связан с интенсивностью переселения в эти города окрестного крестьянства (т.е., в свою очередь, с интенсивностью эволюции социальной структуры местного населения) и ростом внутреннего рынка, ввиду чего буржуазии все более полезно и необходимо было знать язык коренного населения. Бюргерство становилось в массе своей «национальным». Аналогичный процесс коснулся и части дворян. Немецкоязычная и италияязычная среда городов не только не успевала ассимилировать пришельцев, но сама стала сближаться с ними (так в славянской Далмации италияязычные города относительно быстро хорватизировались; это произошло в 60-70-х годах XIX в.).

Вместе с тем формировалась национальная культура всех народов монархии Габсбургов. С XVIII в. здесь необратимо развивался процесс складывания наций.

В восточных областях империи – Венгерском королевстве и Галиции случаи онемечивания вообще были немногочисленны. Наоборот, ввиду престижности венгерского и польского класса землевладельческого дворянства, а также общих социально-экономических потребностей и интересов населения этих территорий независимо от этнического состава там в XIX в. преобладала тенденция мадьяризации и полонизации немецкоязычного населения, проживавшего среди поляков и венгров – буржуазии, чиновников, интеллигенции. В последние десятилетия XIX в., вместе с утверждением либерального правопорядка, значительный масштаб приобрела ассимиляция еврейского населения Австрии, Венгрии и т.д.

Таким образом, германизация школ и учреждений австрийским просвещенным абсолютизмом в последней четверти XVIII в., рецидив этой политики в 50-х годах XIX в. и более поздние такого рода попытки австро-немецких либералов, имевшие локальный характер (в Словении), не изменили общей тенденции этнического развития народов государства.

И все же формирование буржуазного общества в Австрийской империи (с 1867 г. – Австро-Венгрии), процессы урбанизации, а также политика правящих кругов привилегированных наций, – все это обусловило актуальность и в начале XX в. проблем частичной ассимиляции ряда народов – прежде всего словенцев, словаков, румын, западных укра-

инцев, – их германизации, мадьяризации, полонизации, италиянизации. Хотя ассимиляция представителей своего народа с иной нацией даже только в сфере языка воспринималась национальными деятелями как «измена», это был в значительной степени естественный процесс. Критического отношения историка заслуживает не эта стихийная тенденция (никому в голову не придет «осуждать», например, распространение среди жителей Уэльса английского языка), но только политика насильственной ассимиляции, нередко применявшаяся в истории господствующими нациями.

Перечисленные выше народы ощущали свое положение как угрожаемое, формирование наций здесь проходило в условиях национальных конфликтов, периодически обострявшейся борьбы. Национальные движения, имевшие объективные основы, развертывались во взаимосвязанных сферах экономики, политики и культуры. Националистическая идеология завоевывала прочные позиции.

Наряду со странами Западной Европы, представляющими один тип формирования наций, и странами Центральной Европы, в которой отмечен другой тип, Юго-Восточная («османская») Европа может быть выделена как регион, которому также присущ особый тип национального процесса.

По социально-экономическим условиям (по базисному критерию) Юго-Восточная Европа являлась полярной противоположностью Западу. С XV-XVI вв. почти на всей ее территории установился османский военно-феодальный строй. Национальный класс феодалов в Сербии, Болгарии, большей части Греции был устранен, в Боснии и Герцеговине исламизирован. Тем самым средневековое этносоциальное развитие этих народов насильственно прервалось и в дальнейшем осуществлялось на иной основе (крестьяне, торговцы, ремесленники, частично – духовенство).

В отличие от Центральной Европы на Балканах при турках не произошло закрепощения основной массы крестьянства, получила развитие относительная мобильность населения. В XVIII-XIX вв. это благоприятствовало постепенной консолидации феодальных народностей. В общественной жизни сильные позиции занимало греческое православное духовенство (фанариоты), стремившееся затормозить процесс национального пробуждения славянских народностей. Греки преобладали преимущественно и среди крупной торговой буржуазии, а вплоть до XIX в. пользовались значительным влиянием в Стамбуле, при дворе султана. Языком общественно-экономической элиты на Балканах был греческий. Все это стимулировало эллинизацию части славянской торговой среды.

Что касается господствующей народности – турок-османов, то на Балканском полуострове их было мало, а по социально-экономической роли они уступали местным народностям. Поэтому экономических стимулов для османизации (отуречивания) населения не было. Политика Порты заключалась в насаждении ислама и переселении на Балканы мусульман. Это, в частности, привело к исламизации не только феодалов, но и значительной части крестьянства в Боснии, Герцеговине, Санджаке, к возникновению особого южнославянско-мусульманского этноса (феодальной народности)¹³. Перешли в ислам и феодалы Албании и часть крестьянства в Албании, Македонии, Болгарии.

Однако все славянское, греческое и албанское население полуострова сохранило родной язык, а подавляющее большинство греков и славян – христианскую, преимущественно православную, религию.

Военно-феодальный режим, не гарантировавший неприкосновенность личности и собственности (христиан в особенности), был несовместим с капитализмом. Известны случаи ограбления и убийства имущих лиц при попустительстве самой администрации. В 40-80-х годах XVIII в. в руках сербской, болгарской и греческой торговой буржуазии сосредоточился значительный денежный капитал, существовал и внутренний рынок (одним из его очагов являлась столица империи, росли и балканские торгово-ремесленные центры), однако не имелось политическо-правовых условий для развития промышленности. В связи с этим владельцы денег переселялись на земли Габсбургов и способствовали оживлению экономики Австрийской монархии – мануфактурного производства и торговли¹⁴.

Ростки капитализма на Балканах обозначились в конце XVIII в., особенно в Греции, в меньшей мере в Болгарии, – эти страны были тогда наиболее развиты в экономическом отношении. Но вплоть до второй половины XIX в. преобладала рассеянная мануфактура, при которой капитал было легче изъять и скрыть. Социально-правовая и экономическая ситуация в балканских городах несколько улучшилась в результате реформ середины XIX в., но в положении массы сельского населения заметных изменений не произошло.

К концу XVIII в. можно отнести начало складывания балканских наций. Этот процесс развивался медленно не только в связи с отмеченными внутренними условиями. Социально-экономическую эволюцию балканского общества сдерживала и торговая политика, которую было вынуждено проводить правительство Османской империи, попавшей в финансовую кабалу от западных держав. Это так называемый режим капитуляций, т.е. торговые привилегии для иностранцев на территории империи. Иностранная конкуренция, особенно по мере развития промышленного переворота в Англии, Франции, и особенно в Австрии (т.е. если иметь в виду Англию, со второй половины XVIII в.), имела губительные последствия для зарождавшейся промышленности на Балканах, а вместе с тем для процесса складывания здесь буржуазной этносоциальной структуры.

Такая ситуация сложилась не только на территориях под османской властью, но и в автономной с 1815 г. Сербии (на ее внутреннем рынке господствовала Австрия) и в независимой с 1830 г. Греции. Под османской властью возможности для развития национальных культур также были весьма скромными.

Подобная крайне нездоровая ситуация создавала почву для революционной национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Европы. Эта самоотверженная борьба и целая серия русско-турецких войн (с 1768 по 1878 гг.) привели к возникновению национальных государств – Греции, а также Румынии, Сербии, Черногории (официально признанных независимыми в 1878 г.) и Болгарии (автономной с 1878 г., официально независимой с 1908 г.). Так были созданы новые условия для национального процесса.

Но в XIX в. формирование балканских наций не завершилось. По мере того, как национальные государства переходили к политике покровительства национальной промышленности здесь ускорялось формирование структуры буржуазного общества – возрастала численность буржуазии, – городской и аграрной, а также рабочего класса, – про-

мышленного и сельскохозяйственного*. Все более зрелой становилась политическая жизнь, – возник ряд политических партий, в том числе социал-демократические объединения. Крупные успехи имели место в сфере национальной культуры. Все это позволяет утверждать, что основные балканские нации сформировались в первой четверти XX в.¹⁵

2. Структурный принцип

Мы показали, что развитие социально-экономической структуры Центральной Европы как особого региона на протяжении XVIII в. – начала XX в. в общем и целом определило тип протекавших здесь национальных процессов. Однако частично уже из сказанного видно, что в рамках одного региона условия складывания разных наций были неодинаковыми. Эти различия имели место не только в начале указанной эпохи, но и на стадии позднего центральноевропейского феодализма (XVI-XVII вв.).

Важнейшее из отличий заключалось в социальной структуре народов, которая принимается нами за существенный критерий типологической характеристики изучаемого процесса в пределах одного региона. Необходимо выделить те компоненты этноклассовой (этносоциальной) структуры, т.е. социальной структуры отдельных народов, в периоды позднего феодализма и его разложения, которые участвовали в процессе складывания наций.

Можно говорить о двух основных группах этносоциальных общностей (народностей) эпохи позднего феодализма, непосредственно предшествовавшей периоду формирования наций в Центральной Европе. Одна из них (австрийские немцы, итальянцы, поляки, венгры; частично – на меньшей части этнической территории – хорваты и – только в Буковине – румыны) обладала национальным (по языку и самосознанию) развитым классом феодалов (крупные, средние и мелкие феодальные землевладельцы) и в связи с этим относительно большим числом образованных людей, тогда как основную массу этноса составляло зависимое крестьянство, ремесленники, городской плебс. Среди этих народов выделялись австрийские немцы (Deutsch-Österreicher), господствовавшие в Австрийской монархии. В их социальной структуре (как и у итальянцев) имела крупная торговая буржуазия.

Другая группа этносов в разное время лишилась собственного класса феодалов (словенцы, чехи) или обладала только мелким дворянством (словаки, украинцы) или, наконец, небольшим числом дворян из числа выслужившихся офицеров (сербы Военной границы).

Это маловлиятельное слабое дворянство в XVIII-XIX вв. в подавляющем большинстве ассимилировалось с мощным польским или венгерским классом феодалов, поскольку в этом видело возможность отстоять свои социальные позиции в условиях кризиса феодализма.

* Убедительный пример этого дает Сербия, экономическое и социальное развитие которой двинулось вперед в результате австро-сербской «таможенной войны» 1906-1911 гг.

Что касается чехов и словенцев, то у них в это время появился, правда узкий, слой землевладельцев буржуазного происхождения (горожан, купивших или арендовавших дворянские имения), которые сближались по своим интересам с дворянством.

Итак, если трудовое население всех областей Центральной Европы состояло в основном из лиц коренных для данной территории народностей, то этническая ситуация в среде господствующего класса оказывалась иной. В наследственных землях Габсбургов (австро-немецкие области, Чешские земли или «земли чешской короны», Словения, т.е. этническая территория словенцев) дворянство и возникавшая в XVIII в. промышленная буржуазия были преимущественно австро-немецкими (в Приморье с его словенским и хорватским большинством населения – итальянскими). Подавляющая часть феодалов полиэтничного Венгерского королевства (кроме Хорватии) была мадьярской или мадьяризованной, тогда как крестьянство – мадьярским, сербским, словацким, румынским, украинским. В полиэтничной Речи Посполитой класс феодалов был польским, а крестьянство – польским, украинским, белорусским, литовским.

Все это дает основания говорить о народах с «полной» и «неполной» социальной структурой позднефеодальной эпохи*. Поскольку речь идет о классах и слоях, участвовавших в процессе складывания наций, мы применяем понятие «этносоциальная структура» и говорим о ее эволюции.

Итак, существенные различия в этносоциальной структуре народов одного и того же региона предопределили условия и особенности процесса складывания наций, поскольку этот процесс являлся составной частью становления буржуазного общества, т.е. распада феодальных условий и образования основных классов новой эпохи. Так у австрийских немцев, поляков, венгров, итальянцев (частично у хорватов и румын) национальная буржуазия рекрутировалась как из господствующего, так и из трудящегося класса феодального общества, т.е. «сверху» и «снизу», у народов же с неполной структурой – только «снизу». Из разных общественных слоев формировались и рабочий класс, и интеллигенция. В связи с этим последняя, естественно, вносила в национальную культуру различные социальные ценности, поддерживала, культивировала разные политические, идейные и культурные традиции.

Инонациональные господствующие и правящие круги использовали имевшиеся у них возможности для сдерживания развития экономической, социальной и в особенности политической и культурной жизни народов с неполной структурой. Отношение правящих кругов, дворянства и представителей крупного капитала монархии Габсбургов к интересам этих народов определялось «плебейской» социальной структурой последних. Так, например, длительное время в Австрии итальянский язык занимал привилегированное положение в сравнении с языками южных славян¹⁷. Причиной этого была не только великая итальянская культура, но и то обстоятельство, что итальянский был языком дворянского и торгово-предпринимательского общества. Политические учреждения Ав-

* Чешский исследователь М. Грох народы с неполной социальной структурой называет «малыми». Тот же термин использовал польский автор Ю. Хлебович¹⁶. Речь идет преимущественно о народах численностью от одного до нескольких миллионов человек. Понятие «молодые» народы (нации) обоснованно лишь в отношении некоторых из них.

стрии и Венгрии (в частности, избирательная система после 1860 г.) также обеспечивали нациям с полной структурой, т.е. их верхним слоям, привилегированное положение в сравнении с другими (словаками, сербами, румынами и др.).

Аналогичным некоторое время было положение поляков в составе Российской империи (1815-1830 гг.). Крайне неблагоприятная ситуация, в которой оказался польский народ Королевства Польского в последней трети XIX в., сложилась вследствие неудачи национально-освободительного движения (двух восстаний) и ассимиляторской политики царизма.

В национальных движениях второй группы народов отражались социальные противоречия с господствующими классами первой национальной группы. Это давало возможность чешской, словенской, словацкой и другой буржуазии (более успешно, чем у нации первой группы) выдвигать тезис о социальном единстве и абсолютном едином общенациональном интересе. Аналогична была идеология польского или хорватского движения в тех районах, где господствующие классы принадлежали полностью или преимущественно к другим народам (в Силезии, Мазурах, Боснии и др.).

В Центральной Европе эволюция социальной структуры народов независимо от того, началась ли она с полных или неполных структур *феодального* общества, приводила к созреванию полных структур *буржуазного* общества, т.е. структур, включающих прежде всего национальную торгово-промышленную буржуазию, рабочих, средние слои, интеллигенцию. При этом, как было показано на примере западноевропейских стран, само успешное социально-экономическое развитие общества, данного полиэтничного государства, вовсе не обеспечивало процесс складывания в нации всех населяющих страну (территорию) этносов. Примеры этого дают и некоторые области Центральной Европы, например, Лужицы в Пруссии и Саксонии.

Среди народов Центральной Европы лужицкие сербы по динамике развития этносоциальной структуры представляли, если не исключение, то один из немногих случаев (близки к ним в этом отношении польские районы Восточной Пруссии, бургенландские хорваты в Австрии). Они утратили свой едва зарождавшийся феодальный класс и в дальнейшем проживали совместно с немецким народом и немецкой формирующейся нацией, составляя в области своего расселения этническое меньшинство. В их среде появился немногочисленный рабочий класс, но так и не возникла национальная буржуазия¹⁸ (зажиточные круги и большинство рабочих германизировались), т.е. не создавалась этносоциальная структура буржуазного общества. Поэтому не могла возникнуть и нация. В XVIII-XIX вв. лужицкие сербы трансформировались из феодальной народности в буржуазную. Лужичане двуязычны. Многообразные социальные связи на территории, которую они населяли, осуществлялись в основном немцами. Такая народность подчас именуется в литературе «ассоциированной народностью» (ассоциированной с той нацией, среди которой она проживает, в данном случае с немецкой). Можно сказать, что лужицкие сербы прошли тот же путь, что и некоторые этносы Западной Европы.

Кроме того, в полиэтничной монархии Габсбургов, в условиях господства австро-немецкого (в Приморье – также итальянского) капитала развитие той или иной национальной буржуазии временами тормозилось, деформировалось, т.е. в определенной мере действовал тот самый

фактор, который преобладал в Западной Европе. Так временно происходило в Словакии, на части словенской территории, в Хорватии в третьей четверти XIX в. Это создавало кризисную для национального процесса ситуацию и в некоторых случаях, например, в Хорватии, вызывало бурную идеологическую и политическую реакцию (антиавстрийскую пропаганду, распространение национальных и югославистских идей), рост национального самосознания. Как видим, подобный рост нередко вызывался не только успешным развитием этносоциальной структуры, но и был связан с преодолением препятствий, встречавшихся на пути этого развития – особенно когда такие препятствия совпадали по времени с кризисом традиционных докапиталистических структур. (В Юго-Восточной Европе такая ситуация в XIX в. была определяющей.) Целенаправленная национальная деятельность в культурной, политической и экономической сферах (т.е. субъективный фактор) в какой-то мере возмещала слабость социальной основы складывающейся нации.

В связи с выше сказанным понятно, что для степени интенсивности формирования наций, в частности для определения хронологических рамок процесса, особо важное значение приобретал темп складывания этносоциальной структуры буржуазного общества. Этот фактор по своему значению подчас опережал такой важный типологизирующий фактор процесса, как полная структура позднефеодального общества. Так, именно поэтому, в связи с интенсивным складыванием новой этносоциальной структуры с середины XIX в., чешская нация в основном сформировалась в 70-е годы XIX в., по-видимому, несколько обогнав в этом отношении венгров и поляков. Но зависимость между полнотой феодальной структуры и темпом складывания буржуазной структуры (и нации) все же существовала; так, польская и венгерская нации формировались быстрее остальных наций Центральной Европы (кроме чехов; особый случай – австрийская нация, о которой и говорить следует специально).

В условиях Королевства Польского в составе Российской империи становление польской буржуазии и рабочего класса протекало успешно (последняя треть XIX – начало XX вв.), более замедленно оно происходило в других польских этнических областях. Соответствующий процесс у формирующихся южнославянских, румынской и словацкой наций ускорился с конца XIX в.

Темп развития этносоциальной структуры данного народа наряду с политическими и иными факторами неизбежно сказывался на прогрессе образования системы национальной культуры. Последняя, в свою очередь, активно воздействовала на явления не только в сфере политики, но и на социально-экономическое развитие.

От динамики этносоциальной эволюции зависело возникновение общенациональных городских центров. Роль последних в национальном процессе была очень велика, ибо в них формировалась наиболее зрелая структура буржуазного общества, включая интеллигенцию, именно здесь создавалась масса культурных ценностей, сосредотачивались институции культуры и политической жизни.

Первоначально эти очаги, случалось, возникали в столице государства Вене (здесь вышли из печати ранние сербские издания, было создано первое словенское политическое общество, здесь жили и работали выдающиеся ученые – словенец Е. Копитар, серб В. Караджич и др.) или в столице Венгерского королевства Пеште-Буде. Это свидетельствовало о

еще недостаточном уровне общественного развития формирующихся наций или препятствиях, чинимых властями на территории национального ядра. Характерно, что со временем национальные учреждения перебази- ровались на национальную территорию:

Отсутствие национального городского – экономического, политиче- ского и культурного – центра было следствием весьма неблагоприятных условий этносоциального (национального) процесса. В монархии Габс- бургов такая ситуация сложилась только у словаков. Действительно, формирование словацкой буржуазии и словацкой нации вообще в пре- делах Венгрии наталкивалось на крупные препятствия объективного (со- циально-экономического) и субъективного (политического) характера. С этим была связана значительная ассимиляция словаков, наблюдавшаяся вплоть до развала Австро-Венгрии.

Значение фактора темпа складывания этносоциальной структуры столь велико, что, по мнению некоторых ученых, он может служить ос- новой для типологической характеристики национального процесса¹⁹. Это особенно существенно для полиэтничных государств, в которых ус- пешное формирование этносоциальной структуры одного или двух на- родов (например, австрийских немцев и чехов в Австрии) так или иначе воздействовало на аналогичный процесс у всех остальных народов, про- двигавшихся по тому же пути несколько позднее.

Что касается притока инационального (и иностранного) капитала в промышленность, сельское хозяйство и торговлю той или иной этнической территории, то он мог действовать на этносоциальный (национальный) процесс двояко: тормозя в некоторых случаях развитие национальной (промышленной и аграрной) буржуазии, но нередко, наоборот, поддер- живая его и всегда способствуя росту численности рабочих, т.е. воздейст- вие данного обстоятельства было противоречивым и деформировало «ест- ественный» ход событий*. (Следует, однако, отметить, что такому воздей- ствию подвергались и независимые государства, например, на Балканах.)

Далее. Типологически различные (по исходной этносоциальной струк- туре) процессы формирования наций в конечном счете приводили к – в общем и целом – одинаковому результату: в отношении социальной структуры различия между развитыми буржуазными нациями постепенно исчезали. Так, например, в настоящее время практически нет существен- ных различий в социальной структуре между норвежцами и финнами, не имевшими в прошлом земельной аристократии, с одной стороны, а с другой – шведами и датчанами с их в прошлом сильным дворянством.

Однако прежние различия, создавшие определенную традицию, сказыва- лись долго (и нередко сказываются) на национальной культуре, общественной психологии, даже на общественных науках (в особенности в истории).

Значение полных и неполных структур позднефеодального общества в национальном процессе проявляется в тесной связи с общими пара- метрами региона, определяется ими. Так, в Западной Европе (Англии, Франции) этносы с неполными структурами обычно в течение длитель- ного времени в большей или меньшей степени ассимилировались, в

* Так, пока дело ограничивалось сбытом инациональных изделий, разви- тие национальной промышленной буржуазии тормозилось, когда же начиналось вложение «чужих» капиталов в экономику (например, чешского капитала в Хорватии), оно было плодотворным для обеих сторон.

Центральной – как правило, развивались в нации примерно в ту же историческую эпоху, что и их соседи с полными структурами (хотя в своем большинстве несколько отставая от них); в Юго-Восточной Европе полная социальная (феодалная) структура османов, албанцев, южнославянских мусульман на протяжении большей части XVIII-XIX вв. ни в коей мере не обеспечила более быстрого этносоциального (буржуазно-национального) развития в сравнении с соседними народами, так как здесь класс феодалов в указанный период не переживал заметного процесса обуржуазивания. Таким образом, из двух важнейших критериев базисного характера определяющей для типологизации является принадлежность народа к тому или иному региону.

3. Трансформация феодальных народностей или консолидация родственных этносов

Ранние стадии изучаемого процесса существенно различались в зависимости от того, формировалась ли нация на основе единой феодальной народности или же нескольких народностей (или территориальных этносоциальных общностей феодальной эпохи). Этот принцип типологизации процесса связан с основным, базисным, фактором (т.е. полной или неполной этносоциальной структурой). Так, польская нация начала формироваться на основе зрелой феодальной народности, обладавшей развитой культурой (включая литературный язык), собственной многовековой государственностью и этническим (народностным) самосознанием. Разделы Польши (1772-1795 гг.), утеря национальной независимости в начальный период складывания нации не только не ослабили чувства национальной общности, но дали толчок к его углублению и распространению. Разделы не только не привели к снижению уровня художественного творчества, но развитая польская культура послужила одним из средств борьбы за упрочение этнической общности и восстановление собственного государства. Поскольку раздельное существование польских земель совпало с периодом интенсивного формирования новой этносоциальной структуры, именно к этому времени относятся высшие достижения польской культуры (А. Мицкевич, Ф. Шопен).

На основе достаточно развитой феодальной народности, народностной культуры и самосознания, при наличии полной феодальной этносоциальной структуры и государственной автономии начала формироваться и венгерская нация.

Чешская феодальная народность, несмотря на катастрофу в начале XVII в. – утерю национального класса феодалов и государственной самостоятельности, существовавшей на протяжении столетий, связанный с этим упадок национальной культуры*, – сохраняла хотя и ослабленные

* В 1620 г. войско Габсбургов в битве при Белой горе разгромило ополчение чешских сословий. Чехия была включена в состав австрийской державы. Огромные имения чешских феодалов были розданы иноземцам. Чехи стали народом с неполной структурой феодального общества. Белогорская битва явилась крупным событием раннего этапа Тридцатилетней войны.

традиции этнической общности вплоть до периода складывания нации. И все же в массе народа преобладало «земельное» (локальное, областническое) самосознание, особенно характерное для Моравии.

Более тяжелые последствия имела политическая раздробленность бывшей этнической территории у хорватов. Единая феодальная государственность существовала здесь недолго в раннем средневековье (и не охватывала Истрию и Дубровник). Позднее Далмация находилась под властью Венеции, собственно Хорватия – в составе Венгрии (на началах автономии), Славония в XVI-XVII вв. – под властью Турции. В XVIII в. лишь немногочисленные образованные люди в Далмации знали о древней политической общности Далмации с Хорватией, о том, что Далмация была колыбелью Хорватской государственности (традиция этой общности сохранялась в XIX в. в официальном наименовании хорватских земель – Триединое королевство Хорватии, Славонии и Далмации).

В результате, в землях, где началось формирование хорватской нации, господствовало локальное самосознание. В Далмации народ называл свой язык «рвацким» (хорватским), в Славонии – славонским (при этом в среде православного населения относительно рано утвердился современный этноним – сербы и соответствующее название языка). В Истрии и Дубровнике образованные круги называли народ и язык славянским, словинским.

В австрийской (западной) части монархии Габсбургов, с ее уходящим в глубь веков делением на «земли» (Land), даже в сознании господствующей народности австрийских немцев большой вес имела принадлежность к той или иной земле (так немцы Чехии отличали себя от других немцев, что отразилось в самоназвании Deutsch-Böhme, сохранявшемся и в XX в.). Это земельное сознание совмещалось с сознанием этнической общности всех немцев независимо от государственных границ. В XIX в. немцы в пределах бывшей Священной Римской империи германской нации считали себя одной нацией, наследницей средневековой феодальной «государственной нации», в состав которой согласно «историческому праву» включали также чешскую и часть словенской этнической территории. Кроме того, земельное сознание австрийских немцев сочеталось с глубоко укоренившимся сознанием принадлежности к австрийскому государству, к империи. Таким образом, национальное самосознание австрийских немцев имело три уровня. Австрийское самосознание основного уровня (нации) возобладало лишь в Австрийской республике, примерно в 30-50-х годах XX в.

Устойчивость земельного самосознания в Австрии была связана с относительной изолированностью провинций в средние века, разнонаправленностью их торговых интересов. Во многом это определялось природными условиями, ландшафтом. В пределах земель уже в средние века сложились земельные (локальные, областные) рынки, земельные административные, церковные, ремесленные (позднее – мануфактурные) городские центры.

Все это сказалось на процессе развития чешской нации вопреки тому, что она была наследницей развитой феодальной народности (XV в. – начало XVII в.). В значительно большей мере земельная структура Австрии отразилась на судьбе другого славянского народа – словенцев. У массы населения здесь не могло быть общих традиций и господствовало земельное сознание. Словенцы Крайны отличали себя от остального словенского населения и нередко еще в первой половине XIX в. называ-

ли себя (в отличие от «братьев словенцев и хорватов») «краинцами» и свой язык краинским. В связи с этим можно считать, что по условиям складывания нации словенцы представляли тип развития, наиболее далеко отстоявший от венгерского или польского, тогда как чехи и хорваты относились к разным промежуточным вариантам. Таким образом, формирование словенской нации – классический тип процесса в условиях неполной этносоциальной структуры и отсутствия сколько-нибудь существенных общенациональных традиций, в том числе литературно-языковых, общего этнического самосознания, даже скромных элементов национальной государственности (до 1868 г.)^{*}, каких-либо специфических национальных прав (словенцы, как и австрийские немцы и итальянцы, были католиками; специфика состояла лишь в том, что в Словении католическая церковь обращалась с проповедью к народу на его разговорном языке).

Поэтому в данном случае национальный процесс в наиболее «чистом виде» был следствием эволюции этносоциальной структуры буржуазного общества; иных факторов, ему способствовавших, на первых порах не имелось.

Этот вариант по многим параметрам близок к словацкому, однако отдельные части словацкой народности (и начавшей формироваться нации), входившие в состав Венгерского королевства, были менее разделены между собой, чем части формирующейся словенской нации, поскольку между комитатами Венгрии не было столь устойчивых перегородок, как между землями Австрии.

В сущности этнотерриториальные общности феодального типа, сложившиеся в средние века в отдельных провинциях, в состав которых входила этническая территория зарождавшейся словенской нации, мало отличаются от «феодалных народностей». Но мы предпочитаем не пользоваться в данном случае понятием феодальная народность, поскольку в различных провинциях сознание этнической общности и специфики данной группы словенского населения также было выражено слабо (определенное исключение составляла Крайна).

В XVIII в. – начале XIX в. этнонимы «словенцы» и «словаки» означали славян. Однако уже тогда эти народы (или части, из которых они складывались, консолидировались) понимали свое отличие от других славян, как близкородственных им этносов (здесь мы не касаемся теории «единого славянского народа»); так, словацкие авторы Ю. Папанек и Я. Грдличка в XVIII в. называли словаков «паннонскими славянами», имеющими особое «наречие» (язык). Встречалось и самоназвание «придунайские» славяне²⁰.

4. Целостность или раздробленность этнической территории

Данный критерий настолько тесно связан с предыдущими, что нам уже приходилось о нем упоминать. С точки зрения государственного единства или государственно-политической раздробленности этнической территории к близкому типу относились национальные процессы у венгров, чехов, словенцев, словаков, хорватов. Эти народы полностью

^{*} Об этом см. ниже.

входили в состав государства Габсбургов: чехи и словенцы – в пределы Австрии, словаки – Венгрии; территория же хорватов в XIX в. находилась как в Венгерском королевстве, так и в прямом подчинении у венского двора (Далмация, часть Истрии, присоединенные Габсбургами только после наполеоновских войн, а также Военная граница). На национальном процессе у хорватов сказалась вековая раздробленность их территории (до XIX в.). В 1881 г. к Хорватии была присоединена часть Военной границы, а в 1878 г. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, среди части населения которой (у католиков) развивалось хорватское национальное самосознание. Итак, политическая раздробленность хорватских земель в XIX в. несколько уменьшилась, но учреждение австро-венгерского дуализма (1867 г.) ее закрепило вплоть до 1918 г.

К другому типу относились национальные процессы у сербов, румын и поляков. При этом два первых народа в XIX в. имели по соседству с Австрийской империей свои национальные государства – Сербию и Дунайские княжества (Молдавию и Валахию), тогда как польская этническая территория была в 1772-1815 гг. – после ряда перекроек – поделена между Австрией, Пруссией и Россией.

Эти важные различия между первой и второй группами народов обусловили разные социально-экономические и политические обстоятельства формирования наций, идеологию национальных движений, сказались на периодизации национальных процессов, наконец, на времени завершения складывания наций.

Но и между народами первой группы имелись немаловажные различия, относящиеся к сфере административной раздробленности, поскольку в рамках Австрии взаимная отчужденность отдельных земель (например, Чехии и Моравии) была истари значительно большей, чем отдельных комитатов Венгрии между собой. Кроме того австрийские земли с 1860-х годов пользовались определенной автономией.

Та этническая территория сербского народа, которая находилась в пределах монархии Габсбургов, была раздроблена в максимальной мере (сербы жили в трех южных комитатах Венгрии, в Хорватии и Славонии, на Военной границе, в Далмации, в Боснии и Герцеговине). В 1850-х годах румынские области монархии Габсбургов входили как в состав Воеводины (Банат)*, так и Трансильвании и Буковины, находившихся непосредственно под властью Вены. В условиях дуализма Банат и Трансильвания вновь стали принадлежать Венгерскому королевству (Транслейтания), Буковина же осталась в австрийской части государства (Цислейтания).

В Австро-Венгрии административно-политическая раздробленность чешской, словацкой, хорватской, сербской и румынской (как и украинской) этнических территорий являлась одним из важнейших устоев господства над этими народами австро-немецкой, венгерской (итальянской – в Приморье) аристократии и крупной буржуазии. т.е. условием существования самой многонациональной монархии.

Нетрудно заметить, что все народы, территория которых в пределах монархии Габсбургов оставалась раздробленной, принадлежали к группе

* В 1850-х годах существовала административная единица «Воеводина Сербия и Темешский Банат» с румынским, немецким, венгерским и сербским населением (указаны только крупные группы).

народов с неполной этносоциальной структурой позднефеодалного и раннебуржуазного общества. Взаимосвязь этих двух критериев национального процесса столь тесная, что административную раздробленность вполне можно было бы отнести к одной из характерных черт основного (базисного) критерия принятой нами типологии.

В связи с исторически унаследованной от средневековья и преднамеренно сохранявшейся правящими кругами административно-политической раздробленностью этнических территорий находится неравномерность процесса созревания соответствующих наций (как в социальном, так и в культурном отношении). В таких случаях обычно выделялась область относительно рано проявившегося национального процесса, его наибольшей интенсивности, самой активной национальной пропаганды, более глубокого и широко распространившегося национального сознания. Как правило, это область с более развитой этносоциальной структурой (например, собственно Чехия или Хорватия среди чешских и хорватских земель, Воеводина* у сербов), возможно, с элементами национального рынка уже в период позднего феодализма, с более благоприятными условиями зарождения национальной интеллигенции. Мы называем такую область национальным ядром, территориальным ядром нации.

Национальное ядро начинало оказывать все возрастающее идейно-культурное, политическое, организующее влияние на другие территории, где происходил процесс формирования нации. Таково воздействие Чехии на Моравию и Силезию, Хорватии – на Далмацию, Славонию, Истрию, Воеводины – на другие населенные сербами районы, Крайны – на остальные словенские земли.

Из национального ядра на периферию посылались газеты, журналы, брошюры, с разными частями этнической территории поддерживалась переписка, туда ездили агитаторы и пр. Общественная деятельность на территории ядра служила образцом и подспорьем для активистов в других областях. Она преодолевала государственные границы.

На территории национального ядра возникал городской центр, постепенно приобретающий общенациональное значение, с политическими клубами, различными национальными обществами, типографиями, учебными заведениями, финансовыми учреждениями и пр. Таковы Прага, Загреб, Люблина, Нови-Сад. Чем больше была административно-политическая раздробленность территории, на которой формировалась нация, чем труднее был национальный процесс, тем более важную роль играло в нем национальное ядро.

Наряду с административной и политической целостностью или раздробленностью этнической территории существенным обстоятельством, воздействовавшим на национальные процессы, являлась этническая однородность (гомогенность) территории или ее отсутствие. Так хорваты и в меньшей степени сербы в XV-XVII вв. вследствие османского нашествия утратили этническую гомогенность территории – в результате переселений сербов на север и северо-запад (в Венгрию и Хорватию) образовались обширные зоны с хорватским и сербским (точнее сначала – католическим и православным) населением, расположенным совместно или

* Название «Воеводина» применяется условно. Оно выражало стремление сербов создать такую автономную область из нескольких южных комитатов Венгерского королевства. Автономная Воеводина появилась лишь в 1945 г.

чересполосно. В Боснии и Герцеговине к этим христианским этносам добавился мусульманский югославянский этнос, сформировавшийся под воздействием политики османских властей (в отличие от христиан, утративших свой господствующий класс, боснийские мусульмане обладали полной структурой феодального общества). О сильном воздействии этих условий на формировавшиеся национальные идеологии и национальные движения мы здесь не имеем возможности говорить.

5. Элементы национальной государственности

Среди критериев типологизации национальных процессов, критериев, являющихся производными от основного (этносоциальной структуры), существенное место занимает наличие или отсутствие в разные периоды эпохи формирования наций собственной национальной государственности в пределах региона Центральной Европы. От этого мы отличаем наличие национального государства вне региона (Сербия, Молдавия-Валахия); последнее также позволило бы выделить определенный подтип процесса формирования наций в рамках типа, основной характеристикой которого являлась политическая раздробленность этнической территории ввиду ее принадлежности нескольким государствам.

В пределах Центральной Европы некоторые народы (или их части) обладали элементами собственной государственности – разного масштаба и характера автономией. Эта автономия либо была унаследована от средневековья и имела феодальное происхождение либо приобреталась или утрачивалась в зависимости от успехов или неудач национального движения в XIX в. Ее прерогативы и значение для национального процесса изменялись.

В эпоху позднего феодализма автономия была связана с наличием национального класса феодалов. Это естественно, поскольку при феодализме этот класс являлся носителем государственно-политических прав вообще.

У венгров органы сословной автономии Венгерского королевства сохранились даже в период австрийского абсолютизма XVIII в., хотя фактически их деятельность была резко ослаблена. Государственное собрание королевства в Пожони (Пресбург, совр. Братислава) и комитатские (областные) органы самоуправления, периодически переизбираемые, создавали благоприятные условия для политической активности, консолидации дворянского класса и зарождающейся буржуазии в национальном масштабе и выдвижения национально-политических требований. Государственное собрание имело право вотирировать налоги, объявлять набор рекрутов, провозглашать законы. Эта политическая организация приобрела дворянско-буржуазный характер и сыграла огромную роль во время венгерской революции 1848-1849 гг.

Несравненно более скромной, особенно с конца XVIII в., была компетенция сабора (собрания) Хорватии и Славонии, распространявшаяся к тому же только на эту часть хорватской территории. Но и этот форум, в котором хорваты видели живую реликвию былой национальной государственности, стал ареной борьбы за политическую консолидацию хорватов. В частности, здесь был принят закон о возведении хорватско-

го языка в ранг официального (1847 г.). Ограниченная автономия служила стартовой площадкой для движения за объединение хорватских земель и широкие национальные права.

Итак, наличие представительных учреждений (дворянских до 1848 г., позднее – дворянско-буржуазных) отразилось на тактике и идеологии национальных движений, ускорило формирование национального самосознания.

Сильные традиции национальной государственности польского дворянства после разделов Польши не раз воплощались в автономных политических органах, возникавших на разделенных польских землях. Так, Наполеон I учредил Княжество Варшавское (1807-1812 гг.), формально суверенное и союзное Французской империи, со своими органами власти и армией. Венский конгресс (1814-1815 гг.) с согласия Александра I создал в рамках Российской империи Королевство Польское со своим сеймом, государственным аппаратом, армией, официальным польским языком. После поражения восстания 1830-1831 гг. некоторые элементы этой автономии сохранялись до разгрома польского восстания 1863-1864 гг. Фактически в качестве зависимого от Австрийской империи государства после Венского конгресса до восстания 1846 г. существовала небольшая республика Вольный город Краков.

После первого раздела Речи Посполитой и включения Галиции в состав монархии Габсбургов эта провинция надолго лишилась представительного учреждения. Лишь когда Габсбурги убедились в лояльности польской аристократии был учрежден галицийский сейм во Львове. Он проявлял большую активность в 1848 г., и в условиях революции представлял интересы не только польских имущих классов, но и польского и украинского крестьянства. Возрожденный в 1860 г. галицийский сейм оказался в руках польского дворянства. С конца 60-х годов XIX в., в условиях австро-венгерского дуализма и учреждения галицийской автономии, права сейма были расширены, а польский язык стал господствующим в местных учреждениях, в системе просвещения и пр.

По существу, с некоторыми перерывами элементы польской государственности сохранялись вплоть до восстановления независимой Польши. При всех бедствиях, постигших польский народ, это обстоятельство стимулировало польский национальный процесс, в особенности формирование национального самосознания.

С нарастанием кризиса феодализма в первой половине XIX в. старые сословно-территориальные дворянские представительства в Венгрии и Хорватии все отчетливее стали осознаваться общественностью как национальные представительства. Уже отстаивание дворянством своей сословной автономии и самоуправления от абсолютистских претензий двора по мере развития буржуазных отношений все более воспринималось буржуазными слоями и разночинной интеллигенцией как борьба за национальные права. Буржуазные идеологи, в том числе переходившие в их лагерь представители дворянства, выражали недовольство сословным эгоизмом дворянских представительств, стремились превратить их в «национальные». И до и после 1848 г. ссыла на «исторические государственные права» своих наций, живым свидетельством которых были автономные политические органы, являлась (подчас наряду с принципами «естественного права») одним из идеологических обоснований национальных требований.

Народы с неполной этносоциальной структурой таких представительств не имели. Но и между ними имелись важные различия.

Так, особым вариантом дворянского представительства являлись сеймы чешских земель – Чехии и Моравии (с Силезией). В отличие от Венгрии, Польши и Хорватии феодальная аристократия Чешских земель с XVII в. – после разгрома Габсбургами восстания чешских сословий (1620 г.) – не была национальной, она являлась разноплеменной по происхождению и германизированной. Но местная аристократия, по крайней мере ее часть, стремилась сохранить и расширить свои ограниченные (даже символические) автономные права. Она покровительствовала изучению истории страны, созданию земельных учреждений – Музея Чешского королевства (1818 г.), сословного театра в Праге и др. Набиравшее силу чешское национальное движение использовало эти учреждения в своих целях. Земельная автономия, таким образом, создала определенные законные рамки, юридическое прикрытие национальному движению. Примечательна в этом отношении деятельность чешского историка Ф. Палацкого (1798-1876). Близкий дворянским кругам, он был назначен «историографом Чешского королевства» (1838), но написал проникнутую не сословным, а национально-патриотическим духом «Историю чешского народа» (т.1, 1848). Поскольку чехи составляли значительное большинство населения Чешских земель, чешское национальное движение так же, как и названные выше, в своих требованиях ссылалось на «историческое государственное право чешской короны». Это – важная черта идеологии чешского национального движения. После 1860 г. сейм Чехии стал ареной острой политической борьбы чешской буржуазии.

Интенсивное социально-экономическое, политическое и культурное развитие чешского народа, и в связи с этим успешный процесс складывания нации при отсутствии национальной государственности (хотя бы в пределах монархии Габсбургов) порождали глубокие противоречия в чешском обществе и вместе с тем стали причиной одного из неизлечимых недугов австро-венгерского государства. Неспособность последнего разрешить чешскую проблему стала одной из причин распада габсбургской монархии в 1918 г. (кстати, здесь мы отметим, что другой крупнейшей причиной стала южнославянская проблема).

Словенцы, словаки, сербы Габсбургской монархии, румыны Трансильвании и Баната, подобного рода элементами национальной государственности (или их видимостью, как это было в Чехии и Моравии) в период перехода от феодализма к капитализму не обладали. Но существенным для условий формирования и дальнейшего развития наций стало то обстоятельство, что в ходе национального движения в сеймах (ландтагах) Чехии и Крайны в 60-х годах XIX в. преобладающие позиции завоевали чехи и словенцы. На словенскую общественность, не располагавшую политическими традициями, этот факт произвел огромное впечатление, создались новые психологические условия национального процесса. В 70-х годах сабор (сейм) Далмации, в котором ранее господствовали итальянские землевладельцы и буржуазия, оказался в руках хорватско-сербского большинства. В дальнейшем, в последние десятилетия XIX в., ввиду прекращения политического сотрудничества между хорватами и сербами (до начала XX в.) сабор стал органом хорватского национального движения. Таким образом, некоторые народы с неполной

социальной структурой позднефеодального общества по мере складывания структуры общества капиталистического завоевывали определенное, пусть и весьма ограниченное территориально-политическое самоуправление, в котором можно увидеть зародыш (или элемент) национальной государственности. Это была автономия не нации, а какой-либо провинции, части этнической территории. Поскольку в ведении органов провинциальной автономии находилась школа, создавалась более благоприятная ситуация для распространения хотя бы начального обучения и даже среднего образования на родном языке и ослабления процесса ассимиляции. Таким образом, после 1848 г., по мере складывания буржуазного общества острота различий в правовом положении народов, имевших дворянство и не имевших его, несколько смягчалась. Но эта эволюция коснулась небольшой части монархии Габсбургов, причем только Цислейтании с ее системой земельного самоуправления, и совсем не была присуща Венгерскому королевству, которое в условиях дуализма строилось на сугубо централистской основе. Требование народов королевства хотя бы об округлении границ комитатов на этнической основе осталось без внимания.

В целом формировавшиеся нации монархии Габсбургов (в тех случаях, когда их представители не выдвигали требований создания независимых государств) добивались равноправия, федерации и объединения национальной территории в пределах монархии и, поскольку в большинстве случаев это не удавалось (исключение составили только венгры), боролись за осуществление автономных прав в рамках австрийских земель или комитатов Венгерского королевства. Но повсюду прослеживается тенденция к формированию национальной государственности, – хотя бы ее некоторых элементов.

В отличие от народов, обладавших «государственным правом» (или ссылавшихся на политическую национальную традицию), сербы в Австрийской монархии с 1690 г. обладали экстерриториальной церковно-школьной автономией, что было немаловажно для развития национальной культуры и формирования нации вообще*. Эту автономию сербы, хотя и безуспешно, неоднократно в XVIII-XIX вв. пытались превратить в территориально-политическую (на юге Венгерского королевства, в Воеводине). Сама эта автономия также была связана с наличием в сербском обществе если не полноценного класса феодалов, то все же – наряду с небольшим числом денационализовавшихся дворян – одного крупнейшего феодального землевладельца: им являлась церковь – православная митрополия, а с 1848 г. патриаршество с центром в Сремских Карловцах.

Хотя румыны Баната и Трансильвании, наряду со словаками, никакой территориальной (административной) автономией не обладали, все же они имели румынскую униатскую, а с 1864 г., после отделения от сербского патриаршества, свою православную церковь и соответствующую культурную автономию.

В конце раздела приведем еще два удачных, на наш взгляд, предложения по типологии национальных процессов. Чешский историк

* В сущности это первый в Австрии опыт культурно-национальной автономии, уходящей корнями в XVII в.

М. Шмерда выделяет следующие группы народов Австрийской империи накануне 1848 г.

1. Народы западной части государства: а) полноправные (vollerkannte) – немцы и итальянцы; б) добивающиеся равноправия (sich emanzipierende) – чехи, словенцы. Весь этот комплекс выделен на основе более высокой «ступени эволюции к буржуазной социальной структуре».

2. Народы восточной части государства: а) с ведущей ролью дворянства и претензией на положение господствующих наций – венгры и поляки; б) опирающиеся на определенные – государственные, церковные – учреждения и некоторыми своими элементами входящие в состав дворянства Венгрии – хорваты, сербы; в) формирующиеся народы во главе с интеллигенцией плебейского происхождения, с незначительными по количеству, по правам, по влиянию национальными учреждениями – румыны, словаки, украинцы. Для всего второго комплекса характерно место дворянства как сознательного руководителя перестройки общества по буржуазному образцу, но в соответствии со своими интересами, аристократическими принципами. Несмотря на некоторую неполноту (так, словенцы во многом были близки словакам и т.д.), схема, предложенная М. Шмердой, удачно сочетает субрегиональный и структурный (важнейший) принципы с учетом значения различного вида национальных автономий. Автор указывает на необходимость комплексного подхода – сопоставления экономических, социальных, политических, юридических и идеологических моментов. М. Шмерда указывает на различие всего ареала Центральной и Восточной Европы от ее западного региона: в отличие от «государственных наций» (или «наций-государств») на Западе (здесь нации формировались в основном в своих государствах) в Центральной и Восточной Европе в эпоху формирования наций народы обретали свой облик, свою самобытную сущность (идентичность) в языке, истории, культуре (уточним: роль субъективных факторов здесь весьма существенна). Все сказанное М. Шмердой близко нашей концепции. Существенно выделение им субрегионов в пределах монархии Габсбургов²¹.

Исходя из значения экономического развития как основы процесса формирования наций, польский историк Е. Топольский предложил следующую типологизацию процесса в Европе.

1) Наиболее близок к идеальной модели тип развития английской, французской, русской, испанской, швейцарской, голландской, шведской наций. Развитие протекает более или менее гармонично как «естественный» результат разных факторов, в том числе экономического; 2) Формирующаяся нация образует несколько государств, что создавало возможность складывания нескольких наций (например, баварской и др., а не общенемецкой)*. Данные условия вызвали необходимость борьбы за объединение (немцы) или освобождение части территории (итальянцы). Экономическое развитие способствовало национальному процессу, стимулировало его (общенациональный рынок); 3) Национальное государство отсутствует, народ входит в состав одного многонационального государства, но в разной мере имеет собственные господствующие классы и элитарную культуру (а не только народную). Среди факторов национального процесса борьба за освобождение становится главным (венгры,

* Кстати, эта возможность реализовалась в Австрии.

греки, болгары, ирландцы и др.)^{*}. Экономическое развитие укрепляет позиции этих этносов; 4) Народ, обладающий господствующими классами и элитарной культурой, не имеет своего государства и входит в состав нескольких государств. Политическая борьба в этом случае связана с борьбой за развитие общенационального сознания и выходит на первый план (поляки). Экономическое развитие здесь влияло положительно лишь в той мере, в какой укрепляло национальное единство. Деятели национального движения сознательно стремились упрочить экономические позиции представителей своей нации. 5) Формирующаяся нация не имеет ни своего государства, ни национальных господствующих классов, ни развивающейся непрерывно национальной элитарной культуры (чехи, словаки, словенцы, литовцы, латыши, эстонцы, финны, норвежцы и др.)^{**}. Фактором развития (первоначально) является деятельность интеллигенции, ее борьба за общенациональную культуру. Экономическое развитие в разных случаях оказывало различное воздействие (ср.: ассимиляция народностей Франции и упрочение самосознания народов Центральной Европы). Как видим, автор также рассматривает проблемы формирования наций и типологизации процесса комплексно. Е. Топольский подчеркивает, что действие экономического фактора осуществлялось не непосредственно и он не являлся единственным. Сам этот фактор мог возникать спонтанно (особенно в Западной Европе), но мог наряду с этим использоваться и сознательно (в Центральной Европе)²². Автор так или иначе касается комплекса проблем, важных для настоящей монографии.

6. Заключение

Принципы типологии национальных процессов в Центральной Европе обусловлены объективным неразрывным единством всех граней и факторов этих процессов. Поэтому и критерии выделения типологически различных процессов складывания наций находятся во взаимосвязи. Как мы указывали, например, такой фактор, как этносоциальная структура (скажем, наличие национального класса феодалов) действовал по-разному в Центральной Европе и в османских владениях Юго-Восточной Европы. То же в определенной степени относится к роли конфессиональной принадлежности населения. Выше подробно говорилось о том, что с наличием национального класса феодалов обычно было связано сохранение в период позднего феодализма элементов национальной государственности (и вместе с тем непрерывной политической традиции), а также более богатой культурной традиции и более развитого этнического сознания (феодальной народности).

Таким образом, любой критерий, положенный в основу типологизации, находится в определенном сочетании со всеми остальными. Более

^{*} Автор допускает неточность, упоминая здесь же румын и сербов, обладавших (вне монархии Габсбургов) национальной государственностью.

^{**} Именно такие народы М. Грох, как упоминалось, условно называет «малыми». Литовский класс феодалов полонизировался.

того, на разных этапах формирования наций сочетание критериев было оригинальным в каждом отдельном случае. В этом сказались своеобразие, неповторимость развития любой нации в Европе.

Вместе с тем типология национальных процессов не только не отрицает, но, наоборот, подчеркивает общую историческую закономерность формирования наций в эпоху перехода от феодализма к капитализму и позднее – в периоды победы, утверждения и развития капитализма в том или ином регионе. При всех различиях между нациями, сохраняющихся длительное время даже после завершения их формирования и связанных с особенностями их исторического пути (несходство культур, традиций, поведения в разных ситуациях, образа мышления, – в том, что называют элементами психики, «менталитетом»), все нации – этносоциальные общности одной и той же всемирно-исторической эпохи, и по мере их развития и все более интенсивного возрастания связей и взаимодействия между ними их параметры сближаются.

* * *

Глава 2

Проблемы периодизации

Поскольку компоненты, составляющие нацию как этносоциальную систему, созревали постепенно и в Центральной Европе корни этого процесса уходят в средние века, имеются основания для выделения наиболее крупных стадий национального процесса: первая – преднациональный (от «нация») период, когда этнический процесс развивался в рамках феодального способа производства (до возникновения капиталистических отношений), вторая – эпоха национального возрождения (или пробуждения) у народов, переживших в предыдущие столетия упадок национальной культуры и этничности или вообще не имевших значительной национально-политической и культурной традиции. Это, как правило, народы с неполной социальной структурой.

Эпоха национального возрождения – время интенсивного складывания наций. Для аналогичного процесса у народов с непрерывной политико-культурной традицией термин «национальное возрождение» обычно не применяется (поляки, венгры). Но в обоих случаях складывание наций связано с разложением феодализма, формированием и победой буржуазных отношений. В некоторых случаях эпоха национального возрождения захватывает раннюю стадию капиталистического общества, а начало ее относится к последней стадии «преднационального» периода (об этом см. ниже).

Наконец, третья стадия – период дальнейшей консолидации нации, определяющийся созданием зрелой (или, что то же самое, полной) этносоциальной структуры буржуазного общества и зрелой системы национальной культуры. Этот период у разных народов региона завершился на отрезке времени: 70-е годы XIX в. – первая четверть XX в.

Сложность установления критериев периодизации национального процесса у отдельных народов заключается в задаче выяснения их связи не только с внутренними закономерностями этого процесса, но и с периодизацией истории региона (в нашем случае – Центральной Европы) в целом. Поскольку совпадения (тождества) процессов складывания наций у каких-либо двух народов нет, не может быть и полного совпадения периодов этих процессов в масштабе региона. Поэтому говоря о периодизации формирования наций в Центральной Европе и о хронологических рамках процесса в целом, мы имеем в виду лишь некоторые наиболее общие черты периодов. Хронологические границы между ними нередко различны, да и само содержание периодов весьма специфично у разных народов.

1. О «преднациональном» периоде

Для нашего исследования особый интерес представляют процессы этнической консолидации в позднефеодальный период. Самые благоприятные условия для консолидации феодальной народности имелись при наличии собственных национальных государств (Англия, Франция, Швеция, Россия, Польша до последних десятилетий XVIII в. и т.д.) или хотя бы при сохранении значительных элементов национальной государственности (Венгрия). «Такая политическая сила, как государство со всеми его атрибутами» являлась «основным социальным фактором», связывающим народность воедино¹. К этим атрибутам относятся единое законодательство на всей национальной территории (или большей ее части, входящей в состав данного государства), аппарат управления, армия, церковь, система просвещения. Особая роль государства в сплочении феодальной народности объясняется слабостью ее внутриэкономических связей, особенно на ранних этапах развития народности, с внеэкономическими по своей сути производственными отношениями.

Но постепенно развивался общегосударственный товарный рынок. Экономические связи, сплавившие феодальную народность и способствовавшие возрастанию ее культурно-языковой однородности, осуществлялись на основе феодального способа производства (сельское хозяйство, ремесло, мелкие промыслы, там, где имело место закрепощение крестьян – крепостная мануфактура). Это в основном был рынок изделий простого товарного производства, который необходимо отличать от качественно иного этапа – рынка капиталистического². Яркий пример сплочения феодальной народности – (в частности, становления единого языка) на базе развивающегося внутреннего рынка с единым городским центром представляет Англия XIV-XV вв.³ В XVI в., на заре капитализма, в Англии и Уэльсе насчитывалось 800 городов, в каждом из которых имелся один или несколько рынков. Торговые связи Лондона распространялись на всю эту территорию⁴.

Кроме того, сплочению народности, обладавшей собственным классом феодалов и государственностью, способствовал в разной мере осознанный в масштабе всего этноса общий интерес господствующего класса. Этот интерес заключался в упрочении существующего строя, а также в общих политических (например, в Венгрии) и (там, где имелся национальный суверенитет) внешнеполитических целях (например, в Польше).

Внутренние связи у народностей, не обладавших государственностью, при прочих равных условиях развивались медленнее.

Таким образом, в ряде случаев те или иные элементы, в дальнейшем присущие нации, складывались в эпоху феодальных народностей (территориальное разделение труда, литературный язык, сознание этнической принадлежности, определенные стереотипы). Но этническому сознанию эпохи позднего феодализма (в Центральной Европе – XVI-XVII вв.) были присущи областнические, локальные, субэтнические черты, сословность (Польша, Венгрия, Хорватия), в ряде случаев конфессионализм (совмещение сознания этнической и религиозной принадлежности, например, у поляков и сербов).

В Австрийской империи, в ее более развитых западных областях, во второй половине XVII в. наблюдалась товаризация помещичьего хозяй-

ства, активную деятельность развернули австронемецкие торговые компании (монополии), занимавшиеся экспортом и импортом⁵. Здесь же несколько оживляется ремесленное производство («наследственные земли» Габсбургов, включая Чешские земли и словенскую этническую территорию, а также некоторые северные районы Венгрии, т.е. словацкую этническую территорию).

Все эти явления послужили основой для долгое время подспудных, малозаметных процессов этнической консолидации австрийских немцев, а затем чехов, моравян, крайнцев (словенцев), – пока что главным образом в пределах земель. В XVIII в. подобные процессы охватили венгров, словаков, хорватов, сербов.

В XVIII в., т.е. с началом капиталистического развития западной части монархии Габсбургов, оживляется и экономическая жизнь не только северных (Чешские земли, в меньшей мере – Словакия), но и восточных и южных областей государства: на феодальной и фермерской основе происходило освоение обширных плодородных земель юга Венгерского королевства (Бачка, Банат, Срем, – позднее получившие в сербской среде наименование Воеводины, и Славония, которая в 1741 г. была объединена с Хорватией). Началось широкое строительство мельниц и возникли важные торговые пути как вверх по Дунаю, так и вверх по Саве и далее по суше к Адриатическому морю (где возникли порты) и в Словению (Австрию). В Хорватии и Славонии началась вырубка лесов для вывоза и обработки на месте. На транспортировке хлеба и леса было занято множество отходников – бурлаков из Крайны, Военной границы и др., был организован конный извоз, созданы перевалочные пункты и построены небольшие морские и речные верфи. Вывоз хлеба из Венгерского королевства с середины XVIII в. стал решающим фактором его экономики⁶. Но внутренний рынок оставался узким в связи с застоєм в хозяйственной жизни городов.

В целом в восточной части монархии Габсбургов капиталистические отношения утвердились гораздо позднее, чем в западной – в последние десятилетия XVIII в. Земледелие здесь вплоть до середины XIX в. в основном жидилось на феодальной основе.

Поэтому трансформация феодальных этносов в буржуазные по социальной структуре (т.е. формирование наций) на территории Венгерского королевства началась с отставанием, по сравнению с западной частью монархии Габсбургов.

В связи с отмеченным социально-экономическим развитием западной и восточной частей Австрийского государства в XVIII в. перед историком встает проблема значения взаимоотношений между формирующейся буржуазией разных национальных областей. Между народами, веками входившими в состав одного государства, возникало множество разносторонних контактов, которые резко интенсифицировались с начавшимся расширением капиталистического производства. Ввиду этого национальная торговая буржуазия даже более отсталых областей во все большей мере втягивалась в капиталистический рынок передовых областей (например, хорватские и сербские торговцы зерном были связаны с Австрией и германскими государствами). Можно высказать гипотезу, что в этом случае объективный социальный облик национальной торговой буржуазии несколько изменялся. Это означало определенный, хотя и весьма скромный, шаг к буржуазной трансформации данного этноса.

Во всяком случае, почти весь XVIII в. для ряда народов Центральной Европы – время консолидационного этнического процесса на феодальной основе (т.е. феодальных народностей или территориальных общностей) и самого начального этапа этого процесса на буржуазной основе⁷. Хронологически эти явления смыкались, и в какой-то период происходила не только трансформация первого во второй, но и параллельное развитие обоих. По-видимому, такова всеобщая закономерность этносоциального развития в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Однако изменения в социальной структуре некоторых народов (зарождение буржуазных отношений) составляли только объективную и подспудную основу для складывания наций, начало же этого процесса в собственном смысле следует датировать временем ранних проявлений национального (от «нация») самосознания. Так было, в XVIII в. например, у словенцев или хорватов (т.е. народов, переживших многовековую эпоху административно-политической раздробленности и не обладавших (словенцы) общезтнической традицией феодальной эпохи или в основном ее утерявших (хорваты)). Активизация этничности имела место у словаков и румын в XVIII в.⁸

Вместе с тем активность в этнической сфере у народов, либо обладавших государственностью, либо сохранивших политическую традицию со времен средневековья, проявлялась уже до отмеченных экономических сдвигов (так, венгры в XVII – начале XVIII в. неоднократно вступали в борьбу с Габсбургами, а сербы получили от Габсбургов определенные национальные права уже в 1690 г.).

С наступлением капиталистической эры в Центральной Европе, в первой половине XVIII в., этнические процессы у разных народов не сразу приобрели однозначно прогрессивный характер. К XVII – первой половине XVIII в. относится упадок национальной культуры ряда народов и сокращение сферы функционирования народного языка. Подобное явление, например, у чехов явилось следствием разрушения полной феодальной структуры чешской народности и утери государственной независимости Чехией после поражения 1620 г. и во время Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.). Усиленное закрепощение крестьянства и контрреформация в Чешских землях, Хорватии, на словенской территории также привели к кризису национальной культуры. Кроме того, в Хорватии национальный класс феодалов был ослаблен в результате подавления крупного антиавстрийского заговора (1671 г.). Не только в Чешских землях, Хорватии и у словенцев, но и в Венгрии родной язык в общественной жизни уступал место латыни, а в XVIII в. – немецкому языку.

С развитием капитализма в Австрии наметился процесс германизации чехов и словенцев. Восточная часть габсбургского государства была менее затронута германизацией, но и в Венгрии и в Хорватии немецкий язык распространился в дворянской и бюргерской среде. Процесс этот имел как стихийный, так и целенаправленный (политический) характер.

Просвещенный абсолютизм Габсбургов насаждал по всей монархии немецкий язык, но вместе с тем основой стихийной германизации являлось относительно быстрое развитие буржуазной структуры господствующей австро-немецкой народности. Другие народности в XVIII в. отстали в социальном плане, и это обстоятельство явилось причиной того, что они были потеснены и в этнокультурной сфере и подверглись частичной ассимиляции. Таким образом, как мы уже писали, здесь намети-

лась та самая тенденция, которая стала основной в Западной Европе. Однако в Австрии ей победить не удалось. И все же трансформация этносов феодального типа в этносы буржуазного общества не всегда происходила «по нарастающей». Для Центральной Европы в XVII-XVIII вв. были характерны сложные, противоречивые этнические процессы, но в конечном счете одержала верх этноконсолидационная тенденция.

Преднациональный период имел место в разных регионах Европы – от Англии до Балканских стран. В Англии это – XIV-XV вв., когда сформировалась английская народность. Что касается Юго-Восточной Европы, то – в отличие от некоторых народов Австрийской монархии – здесь процесс консолидации народностей в XVIII в. протекал более однозначно. Оживление интереса к этническим проблемам здесь объективно основывалось на товаризации феодальной экономики⁹. С этим был связан рост мобильности городского и сельского населения¹⁰. Характерно, например, появление у болгар обычая собираться по праздникам со всей округи к монастырям – очагам культурной традиции. Ю. Кожевников отметил, что в румынской истории «весь XVIII век» был эпохой, для которой характерным являлось «стремление к национальному самопознанию»¹¹. Как и в Болгарии, капитализма в Дунайских княжествах в это время еще не было. Аналогичные тенденции национального пробуждения наблюдаются в прекапиталистическую эпоху в истории греков и албанцев¹².

И здесь, как и применительно к ряду народов Центральной Европы (полякам, мадярам, хорватам, сербам и др.), нельзя игнорировать воздействие на народы новой, буржуазной структуры, развивавшейся пососедству. Мы имеем в виду не только идеологическое влияние, но и некоторое, хотя и весьма слабое, изменение социальной роли самих классов и сословий феодального общества¹³.

Что касается идейного воздействия, то большую роль в формировании идеологического облика образованных кругов восточной части Центральной Европы играли университеты и вообще городская культура Германии и Австрии, в меньшей мере – Франции и Англии. Трудовое население (ремесленники) также все чаще вступало в контакты со странами, которые в XVIII в. – начале XIX в. становились капиталистическими. Особый импульс внешнему идеологическому воздействию на Центральную Европу дала Великая Французская революция и более поздние (в XIX в.) революции и восстания – от Испании и Бельгии до Сербии и Греции.

В отличие от народов Польши и Венгрии, где национальное самосознание, как было отмечено, проявилось уже в период феодальной народности (вследствие политических интересов, товаризации хозяйства и внешних влияний), у австрийских немцев, чехов, словенцев оно начало формироваться вместе со становлением буржуазного уклада на их территории (мы не касаемся здесь национальных процессов в эпоху Реформации XV-XVI вв., которые в дальнейшем были прерваны). Экономические процессы в позднефеодальное время в этом случае приводили к этнической консолидации в рамках одной или нескольких областей (земель).

Таким образом, как в сфере социально-экономической, так и этнокультурной, в ряде случаев мы выделяем преднациональный этап. Именно тогда активизируется интерес к этническим аспектам жизни народов, причем не только в среде интеллигенции.

Распространение сознания общей этнической принадлежности, кодификация литературного языка и пр. свидетельствуют об определенной сту-

пени этнической консолидации, которую исследователи иногда называют «национальностью». Так, немецкий философ А. Козинг рассматривает «национальность» как форму, «исторически предшествующую нации», и вместе с тем как ее этническую основу¹⁴. Здесь «национальность» относится к донациональному (от «нация») периоду, что соответствует и нашим наблюдениям («народность»), о которых только что говорилось.

Несколько иная (чем у А. Козинга) точка зрения на «национальность» представлена польским ученым Ю. Хлебовчиком. Последний видит в «национальности» не форму, «предшествующую нации», а важный результат первой фазы процесса формирования нации, заключающийся в «эмансипации, интеграции и унификации отдельных языковых и этнических групп», при этом «условия для возникновения национальностей создает стандартизация языка»¹⁵ (по нашему мнению, пример этого дает история чехов и словенцев).

В любом случае имеется в виду важный качественный сдвиг – этническая (культурно-языковая) консолидация, присущая периодам позднего феодализма либо разложения феодализма на той или иной территории. Заслуга указанных авторов заключается в том, что они фиксируют внимание на этой стадии национального процесса. Само же применение термина «национальность» представляется Ю. Бромлею «нецелесообразным ввиду и без того многозначности этого термина» (им обозначают национальную принадлежность и подданство). Более подходящим, как полагает этот ученый, является термин «народ». Народ появляется тогда, когда имеется общее сознание этнической принадлежности и происходит известная унификация языка¹⁶.

2. Национальное возрождение

Понятие «национальное возрождение» применяется нами по широко распространенной традиции. Как уже говорилось, национальное возрождение (или пробуждение) в Центральной Европе переживали, как правило, народы с неполной этносоциальной структурой позднефеодального общества, народы, которым были присущи важные особенности этнокультурного развития. Это относится и к истории хорватов, сохранивших национальное дворянство на меньшей части этнической территории. Но уже в Венгрии, где также имела место тенденция сужения функций национального языка и культуры в XVII – начале XVIII в., она никогда не достигала такой глубины и угрожающего этническому бытию масштаба, как в первом случае. В Польше аналогичного периода вообще не было, хотя в XVIII в. феодальная реакция обозначилась и в культуре, что было связано с торжеством крепостничества. Понятие «национальное возрождение» применимо лишь к ряду периферийных районов польской этнической территории, давно утерявших государственную связь с Речью Посполитой. Дворянство здесь было немецким (Силезия, Цешин, Вармия, Мазуры)¹⁷.

Термин «национальное возрождение» применялся уже в XIX в., при этом имелись в виду явления в сфере языка, культуры, оживление общественной жизни народов. В современной науке в основном сохраняется это

значение термина, однако все отмеченные явления рассматриваются в тесной связи с общеисторическим, прежде всего социально-экономическим процессом. В связи с этим целесообразно различать понятия «процесс национального возрождения» и «эпоха национального возрождения».

В сущности под «эпохой национального возрождения» в общем и целом имеется в виду время перехода от феодализма к капитализму, нарастания кризиса феодальных отношений, складывания буржуазной экономики (уклада) и соответствующей социальной структуры, активизации антифеодальной борьбы, развития современной культуры. Именно эти условия предопределили интенсивный процесс формирования национального самосознания и начало национального движения. Процесс национального возрождения не исчерпывает всего содержания этой эпохи, название которой в истории ряда народов Центральной Европы происходит от одного из существенных компонентов общеисторического процесса, а именно от процесса формирования наций в определенных неблагоприятных условиях.

Как видно уже из сказанного, у некоторых народов постепенная активизация этничности относится уже к периоду зрелой феодальной народности, т.е. по времени до начала формирования буржуазного уклада, и происходит на основе товаризации хозяйства, развития торговых связей и роста иных внутринациональных и межнациональных контактов. В этих условиях, особенно характерных для Юго-Восточной Европы (османский регион), но имевших место и в Центральной Европе, национальное возрождение начинается несколько ранее перехода от феодализма к капитализму.

Ситуация отдельных народов Центральной Европы в этом отношении была различной. В австрийской монархии сдвиг в торговле отмечается во второй половине XVII в., лишь после завершения Тридцатилетней войны, которая задержала развитие экономики в целом. Но торговые компании (монополии) находились в руках австрийских немцев, они же – большей частью крупные землевладельцы – являлись учредителями ранних мануфактур, в которых применялся труд как зависимых крестьян, так и наемных рабочих. Бюргерские элементы постепенно овладевают производством лишь во второй половине XVIII в.

В этой обстановке, сложившейся в наследственных землях Габсбургов, наиболее развитой части монархии, эпохе национального возрождения у чехов и словенцев предшествовал этап развития буржуазной экономики (с конца XVII в. по середину XVIII в.), не отмеченный активизацией этнического самосознания. В восточной же части монархии, например, у сербов и румын, уже на этапе товаризации хозяйства в условиях феодализма (XVIII в.) наблюдается активность в национальной сфере. У сербов вообще не было перерыва национальной традиции, сохранявшейся церковью и торговыми слоями. Эти наблюдения подтверждают характеристику «донационального» или «преднационального» периодов, данную выше.

Достаточно сложным является установление критериев завершения эпохи национального возрождения. Определить исторические рамки национального возрождения (и соответствующей эпохи) означает охарактеризовать содержание данного процесса.

В Центральной Европе этим содержанием в конечном счете было качественное изменение этнического самосознания значительной массы или большинства населения¹⁸. Мы имеем в виду не только распространение нового сознания этнической принадлежности (т.е. оттеснение на второй план областнического, локального самосознания), но и созревание

новой системы ценностей, в центре которой находились национальные интересы. Складывается система аргументов в защиту этих интересов. Эти радикальные изменения в сознании являлись результатом антифеодалной борьбы, становления буржуазных отношений и связей, целенаправленных действий (агитации) формирующейся национальной интеллигенции. Все эти явления сопровождалось и в свою очередь стимулировались кодификацией национального литературного языка, появлением национальной периодической печати, литературы и искусства, науки.

Определенным упрощением было бы строго датировать завершение национального возрождения годами смены феодализма капитализмом в регионе (в Австрийской империи – 1848-1849 гг.). Критерии периодизации общеисторического и национального процессов не совпадают или совпадают лишь приблизительно. Во втором случае речь идет не о развитии общества вообще, а той или иной этносоциальной структуры. Кроме того, для периодизации необходимо принимать во внимание результаты развития в сфере этнокультурной (язык, литература, искусство, наука и др.) и национального самосознания. Последнее обладает определенной самостоятельностью.

Так, в связи с комплексным характером процессов эпохи национального возрождения некоторые авторы обращают внимание на такой их важнейший компонент, как складывание современной национальной культуры, и этим определяют рамки эпохи. И. А. Богданова относит к национальному возрождению «стадию формирования», «становления» национальной культуры, обретения ею «социального, идеологического, философского и эстетического фундамента»¹⁹. По С. В. Никольскому, «к концу эпохи национального возрождения уже можно говорить о сформировавшемся организме национальной культуры нового времени»... Для «завершающего этапа в развитии художественного сознания эпохи национального возрождения» характерно «освоение социального анализа авторов»²⁰ и т.д. Отметим, что, как правило, в формулировках разных авторов сказались их фактологическая основа, конкретный материал истории того или иного народа. Хотелось бы подчеркнуть необходимость анализа совокупности различных компонентов эпохи, имевшей у каждого народа свой неповторимый облик. В частности, укажем на важность (для периодизации эпохи) такого критерия, как формулирование буржуазных по содержанию национально-политических программ, начало открытого политического движения. Но и это не имело абсолютного и всеобщего значения.

И все же, буржуазная революция 1848-1849 гг. в Австрии являлась той осью, вокруг которой располагались во времени процессы завершения национального возрождения у народов империи (или, во всяком случае, у наиболее развитых их частей). Так, чехи достигли этого рубежа несколько ранее революции, словенцы – в 60-х годах, т.е. несколько позднее революционных событий и т.д.

В случае длительной раздробленности территории и различных исторических условий национальное возрождение на ее отдельных частях, например, у хорватов, протекало в хронологически разные периоды (в разное время оно начиналось и завершалось в собственно Хорватии, в Славонии, Далмации, Истрии, хорватских районах Военной Границы, Боснии и Герцеговины). Поэтому национальная историография особо исследует национальное возрождение в каждой области.

Итак, однозначная датировка эпохи национального возрождения невозможна ввиду многоплановости процесса и его национальной специфики. Можно говорить о периоде завершения целой эпохи и выступающих на первый план новых процессах и проблемах.

В исследовании национального возрождения важное место занимают работы чешского ученого М. Гроха. Он отметил, что для начальной стадии этого процесса характерно возникновение научно-просветительского интереса небольших групп образованных людей – интереса к языку, фольклору, обычаям, истории своего народа (области или страны). Эти группы первоначально не располагали широкой общественной поддержкой и подчас сами и не помышляли о широкой пропаганде своих взглядов (по М. Гроху, это стадия «А»). Ко второй стадии («В») относится оживленная и все расширяющаяся патриотическая агитация, постепенное распространение национального самосознания в массах. Эта стадия имела решающее значение для процесса формирования нации: успех национальной агитации, возрастающая общественная поддержка, которую она получала, свидетельствовали о необратимости национального процесса. На стадии «С» национальное самосознание утверждалось в большинстве данного этноса. В связи с этим и национальное движение приобретало все более массовый характер. Эти явления автор рассматривает в качестве критерия завершения национального возрождения²¹.

Таким образом, при рассмотрении проблемы периодизации процесса складывания неполноправных наций М. Грох уделяет особое внимание периодизации национального движения, поскольку последнее является таким общественным движением, в котором его участники стремятся обеспечить все неотъемлемые атрибуты существования нации. Национальное движение – одна из ряда, но «важнейшая форма проявления процесса становления современных наций»²². Автор убедительно подтверждает свой тезис. При всем том, по нашему мнению, следует принимать в расчет, что развитие национальных движений существенно различалось в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы (ввиду различных условий социально-экономического, политического и религиозного характера) и, соответственно, различалось его соотношение с национальным процессом.

Так как османское господство препятствовало формированию структуры гражданского общества, условия для складывания наций здесь были крайне неблагоприятными, и только массовые народные восстания и обретение автономии (например, Сербией) или независимости (Грецией) могли изменить эти условия. Следовательно, массовое движение национального характера здесь имело место еще в примитивных этносоциальных условиях, когда в несравненно более развитой Чехии движение находилось на этапе создания ученых кружков, подготовки научных трудов и пр. В Чехии, в регионе Центральной Европы, движение, охватившее широкие слои народа, действительно свидетельствовало о стадии завершения формирования нации, тогда как в Сербии, в «османском» регионе, массовое национально-освободительное восстание являлось предпосылкой более свободного формирования нации. Завершение же процесса могло иметь место лишь в суверенном государстве. Поэтому Османская империя постепенно разваливалась. Следовательно, при изучении Юго-Восточной Европы необходима иная, чем у Гроха, теоретическая конструкция.

Периодизация, предложенная М. Грохом, несомненно, важна для региона Центральной Европы и близких ему по социальной структуре регионов. Существенно, что умственное, идейное и политическое развитие автор «накладывает» на происходившие в то время социальные структурные сдвиги, т.е. подчеркивает динамику целого комплекса этносоциальных связей. При этом различные виды связей в тех или иных случаях и на разных этапах имели относительно неравное интегрирующее значение.

Мы считаем, что ведущим обычно оставался процесс эволюции этносоциальной структуры (во всей его противоречивости, о чем см. ниже). Прежде всего социальный интерес (но не автоматическое воздействие «национального рынка», на что иногда делается упор в трудах по национальной проблематике) в эпоху складывания буржуазного общества способствовал формированию национального самосознания. Понятно, что буржуазные революции в Европе, открывавшие новые возможности для развития этносоциальной структуры, занимали в национальном процессе особое место.

В эпоху национального возрождения оформляется этническая территория, подчас для самих национальных деятелей становятся ясными ее пределы: так, например, совершая поездки в районы, где происходил процесс национальной дифференциации близкородственного южнославянского населения, идеологи национального возрождения – хорваты и сербы – приобретали или подтверждали аргументы в пользу своих взглядов, – так было в Далмации, Боснии, на Военной границе.

В зависимости от конкретных условий процесс национального возрождения развивался в большей или меньшей степени неравномерно на всей этнической территории. Всегда выделялась определенная ее часть, где утверждение национального самосознания и активизация национального движения происходило наиболее интенсивно. Мы называем эту область «национальным ядром». Именно отсюда идейные, культурные и политические импульсы распространялись на всю этническую территорию даже за пределы государства (путем корреспонденции, рассылки газет, книг, журналов, поездок активистов и т.д.). На территории национального ядра обычно возникал городской центр общенационального масштаба (Прага, Любляна, Загреб, Нови-Сад, Львов и др.).

Роль национального ядра в национальном процессе являлась особо значительной, когда этническая территория была сильно раздроблена в административно-политическом отношении (у сербов, хорватов, румын, несколько меньшей эта роль была у словенцев и чехов).

Что касается сербов, то национальный центр у них появился уже в XVIII в., на стадии феодальной народности, это Воеводина с гор. Нови-Сад. Но с возникновением Сербского княжества (1804, 1815 гг.) последнее стало вторым центром (с гор. Белград), – его нациоконсолидирующая роль систематически возрастала и в третьей четверти XIX в. стала доминирующей. Таким образом некоторое время у сербов было два притягательных центра – в рамках Австрийской империи и вне ее. У словенцев национальная активность была весьма оживленной в Триесте, который объективно некоторое время выступал как «конкурент» Любляны. Вообще, национальные центры подчас утверждались в своей роли не без борьбы, поскольку национальным деятелям приходилось преодолевать местную замкнутость и «сепаратизм».

Значение нациообразующего городского центра и вообще городов для национального возрождения было велико. Здесь формировалась наиболее развитая этносоциальная структура буржуазного общества, включая научную и художественную интеллигенцию, возникали экономические, культурные и политические организации (кредитно-сберегательные кассы, обычно становившиеся оплотом национальной буржуазии, издательства, музеи, библиотеки, театры), выходили газеты и журналы, развевалась борьба за национальное представительство в магистрате (если город был многонациональным), за просвещение на родном языке (в особенности за создание гимназий, а затем и университетов).

Централизирующая, этноконсолидирующая роль городов продолжала возрастать и по завершении эпохи национального возрождения. У народов с полной структурой феодального общества общенациональные городские центры возникли значительно раньше – уже при феодализме (Варшава, Краков, Пешт-Буда, Прага до трагических событий в начале XVII в.)^{*}.

Отсутствие у формирующейся словацкой нации в XIX в. городского центра свидетельствует об особо неблагоприятных условиях национального процесса.

Именно в многонациональных городах с наибольшей остротой сказывались противоречия национальных процессов: на первых порах значительной была ассимиляция населения господствующей инациональной (немецкой, итальянской) средой, но здесь же возрастало сопротивление ассимиляции и выявлялись результаты национального развития, о которых говорилось выше.

Всюду в Центральной Европе по мере социальных сдвигов начинаются национальные движения. С разными отклонениями нарастающая активизация этничности датируется второй половиной XVIII в. Объективное антифеодалное содержание процесса на его ранней стадии несколько завуалировано в регионе Центральной Европы (и в этом его отличие от Юго-Восточной Европы): оно выражается не в массовой борьбе под национальным флагом против существующих отношений и, как правило, не в радикальных программах, но в идеях национального Просвещения, обычно в поисках компромисса между идейными импульсами, шедшими с Запада, и национальной традицией, в поддержке политики просвещенного абсолютизма Габсбургов. Это связано с общественной основой движения, в котором преобладала разночинная – бюргерская, духовная и служилая образованная среда.

У народов, имевших собственное дворянство, в общественном движении относительно долго преобладали его представители. В этих случаях существо проблемы формирования национального самосознания в дворянской среде заключалось в трансформации политической идеологии дворянства как феодального класса-сословия в идеологию буржуазную по содержанию, точнее дворянско-буржуазную. Национальная идеология буржуазии и тем более крестьянских масс складывается несколько позднее.

Расстановка сил в общественных движениях – немецком и в среде других народов монархии Габсбургов – определялась тем, что примерно до конца наполеоновских войн дворянские (в Венгрии) и нарождающиеся буржуазные круги приспособлялись к существующим отношениям,

^{*} Прага постепенно возвратила ведущее место в эпоху национального возрождения.

чему способствовали и реформы Иосифа II 80-х годов XVIII в. Дворянство торговало хлебом и скотом. Буржуазия не только втягивалась в торговые связи с помещиками, но и в ходе скупки и аренды помещичьих земель сближалась с ними и социально. К тому же большинство ее было политически неразвитым, а нередко и малокультурным. Просвещенные представители народов, не имевших полнокровного класса дворян, ограничивались культурно-языковой программой, которая однако объективно имела антифеодальное содержание. В Польше же и Венгрии деятельность в сфере культуры сопровождала политическую активность дворянства. При всем том общественное движение в среде всех народов и процесс складывания национального самосознания нельзя понять без учета систематического – в XVIII в. – первой половине XIX в. – брожения крестьянства, временами перераставшего в волнения и восстания, и нарастающей в первой половине XIX в. социальной напряженности в городах, обусловленной разрушением цеховой системы и традиционных отраслей ремесла и зарождением пролетариата. Общий кризис феодальных отношений и связей побуждал имущие слои искать новые – внесловные этнические связи.

В этих условиях «вечным» вопросом, особенно после 1789, 1793 и 1815 гг., было отношение к французскому способу преобразования общества, прежде всего к рационализму, материализму, революциям 1789, 1830, 1848 гг. Известен пример русского славянофильства, как реформистской, дворянской, позднее – дворянско-буржуазной идеологии, проповедовавшей принципиальную неприемлемость западных идей для России и самобытность нашего исторического развития. Несомненно, что отталкивание от французского рационализма XVIII в. и его грозных последствий – характерная черта славянофильства, как и взглядов Н. Я. Данилевского (1822-1885 гг.) Но сходные, при всей национальной специфике, идейные построения имели место в ряде европейских стран восточней Франции, – в Центральной Европе, например, в Польше. Подобные идеи обнаруживаются и у разных народов Австрийской империи. Повсюду, где предстояло общественное преобразование – ликвидация феодализма, понимание неизбежности чего в XIX в. стало почти всеобщим, – выдвигались идеи национально-самобытного пути. При всем том, как наиболее мудрый, рассматривался английский вариант преобразований в XIX в. (о событиях XVII в. предпочитали забывать). Но в Центральной Европе положение осложнялось национальной проблемой, которая, как выяснилось в 1848-1849 гг., не поддавалась решению.

Ставшие нетерпимыми для развития общества феодальные пути были сняты в Австрийской империи буржуазной революцией 1848-1849 гг. и реформами в Австрии, Пруссии и России, польскими освободительными восстаниями и преобразованиями в Польше с 1791 г. по 1864 г. Но традиционные режимы чуженационального господства сохранились в Центральной Европе до 1918 г. В этих условиях продолжался процесс складывания наций. Все это свидетельствовало о значительных возможностях эволюции этносоциальной структуры, которые существовали в тогдашних многонациональных государствах Центральной и Восточной Европы.

Своеобразием отличался общественно-политический и культурный процесс в Юго-Восточной Европе, в регионе османского господства. Здесь наблюдались весьма серьезные, труднопреодолимые препятствия развитию нового общества, этносоциальной структуры буржуазного типа.

Хотя уже в 40-80-х годах XVIII в. у купечества были в наличии значительные денежные средства, происходил процесс социальной дифференциации и развивался рынок, переход к капиталистическим отношениям оказался невозможным²³. И в дальнейшем, вплоть до освобождения от османской власти, капиталистические отношения на Балканах за отдельными исключениями оставались на уровне рассеянной мануфактуры. Иностранная конкуренция, особенно с середины XIX в., разоряла традиционное ремесло, замены же ему не создавалось.

В XVIII в. османский регион вступил в полосу кризиса. Репрессии против сельских старейшин, торговцев и крестьян лишь ускорили подъем освободительной борьбы сербов и греков. В отличие от Центральной Европы, социальное движение масс здесь сразу приняло национальный характер. Эта борьба привела, как отмечалось, к возникновению Сербского княжества, вассального султану (1815 г.) и независимого Греческого государства (1830 г.). Развернулась культурно-политическая и вооруженная борьба крестьян, ремесленников, части торговцев, интеллигенции (в том числе духовенства) в Болгарии, в Боснии и Герцеговине. В результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. возникло Болгарское княжество, а Босния и Герцеговина (по мандату Берлинского конгресса) были оккупированы Австро-Венгрией (1878 г.).

С точки зрения национального процесса на Балканах эти события указывают на существенную особенность региона: возникновение Сербского государства (уже во время первого восстания 1804-1813 гг.) произошло в условиях товаризации сельской экономики (рост торговли скотом во второй половине XVIII в. – начале XIX в.), но еще при феодализме, т.е. в эпоху феодальной народности, при отсутствии капиталистического уклада (хотя правда, выше мы отмечали контакты балканской торговой буржуазии с регионами, где капитализм уже формировался). Трансформация сербской народности в нацию раньше началась в рамках Австрийской империи. Греческое и болгарское государства возникли в условиях национального возрождения, на относительно ранней стадии формирования наций.

В отличие от этого в Центральной Европе нации в основном формировались в пределах многонациональных государств. Таким образом, характер (формы, движущие силы) национальных движений и их результаты в связи с национальными процессами в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX в. были разными.

В целом, подводя итоги эпохи национального возрождения у народов Центральной Европы (и соответствующей эпохи у народов, к которым это понятно не применяется), можно сказать, что эти итоги заключались в создании прочной основы формирующихся наций, что свидетельствовало о необратимости их этноконсолидационного процесса.

Наконец, необходимо сопоставить эпоху национального возрождения в Центральной Европе с эпохой Возрождения (Ренессанса) в Западной Европе*. В Центральной и Юго-Восточной Европе речь идет лишь о

* О потребности терминологически различать эти процессы свидетельствует хотя бы крайнее неудобство, которое выявилось при ссылках на такие труды как: Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. Речь идет о разных эпохах всемирной истории.

народах с неполными структурами, народах, испытывавших угнетение в составе чуженациональных государств. Далее, имеются в виду разные эпохи всемирной истории: на Западе – канун и начало «капиталистической эры» (К. Маркс), у изучаемых нами народов – время развития буржуазного общества, промышленного переворота в Европе. Возрождение на Западе (XV-XVI вв.) было отделено целой эпохой от Просвещения (конец XVII-XVIII вв.). Национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе восприняло результаты Просвещения²⁴, сопровождалось или завершалось национально-политическими требованиями.

Хотя XV век – время возникновения объединенных государств в Западной Европе – Англии, Франции, Испании, и, в сущности, преднациональных процессов, стимулировавших создание этих государственных образований и развивавшихся в их рамках (имеем в виду консолидацию феодальных народностей в условиях развития товарного хозяйства), все же в центре мировоззренческих систем тогда находился Человек и уже за ним – нация. В национальном возрождении в Центральной Европе в центре внимания этнос, народ, нация (для становления которой приходилось сознательно прилагать усилия) и вместе с тем Человек.

Содержательны рассуждения С. В. Никольского возражающего против «проведения знака равенства» между национальным возрождением и Ренессансом и смешения эпох. Поскольку «возрожденческие» (ренессансные) черты развития были присущи культуре Польши, Чехии или Далмации в XVI в., то пришлось бы говорить о «двух ренессансных эпохах». «Не говорим же мы о Ренессансе, например, относительно польской общественной и культурной жизни первой половины XIX в., хотя она была гораздо более мощной, нежели в соседних странах, переживавших в это время этап национального возрождения²⁵. В культуре национального возрождения в странах Центральной Европы «черты, характерные для эпохи Просвещения и для освободительных движений эпохи буржуазной революции, проявляются, вероятно, в большей степени, чем ренессансные»²⁶. Убедительны также возражения И. С. Миллера против сближения национального возрождения в Центральной и Юго-Восточной Европе с эпохой Возрождения в Европе²⁷.

Необходимость избегать путаницы в понятиях подтверждает и опыт изучения истории Италии. Национальное возрождение в Центральной Европе так же нельзя смешивать с Ренессансом, как и итальянское Рисорджименто второй половины XVIII-XIX вв. Сами итальянцы четко различают эти понятия: Ренессанс (Возрождение) (XIV-XVI вв.) обозначается термином Ринашименто (Rinascimento). Хотя буквально слово Risorgimento также означает «Возрождение», составители словарей хорошо схватывают реальное содержание понятий, перевода Ринашименто – Возрождение (ренессанс), а Рисорджименто – «эпоха воссоединения Италии», т.е. эпоха национально-освободительной борьбы, подъема национальной культуры, восстаний и войн, эпоха Мадзини и Гарибальди.

Таким образом, прямолинейное сопоставление или отождествление содержания эпох Ренессанса и национального возрождения неправомерно²⁸ *.

* Добавим, что термин «национальное возрождение» применяется в отношении современных этнокультурных и национально-политических движений в высокоразвитых странах (Испания, Бельгия и др.). Это вновь свидетельствует о неправомерности смешения процессов национального возрождения и Ренессанса.

Эпоха национального возрождения – уникальный период в этнической истории. Всего на протяжении одного, самое большее – двух поколений, произошел кардинальный сдвиг в этническом самосознании миллионов людей. В дальнейшем это новое самосознание закреплялось, углублялось, наполнялось новым социальным, идеологическим содержанием, однако основа была заложена именно в эту эпоху. Но столь решающая перемена в течение короткого времени, естественно, не могла стереть в сознании народов-этносов прежние представления, – они сохранились в различной степени у разных народов в виде субэтнического сознания разной глубины, происхождения, распространения и значимости²⁹. Если это сознание сохраняется и порой радикализируется в Западной Европе (провансальцы, каталонцы, баварцы и др.*), где национальный процесс развивался медленней, но зато более «основательно», то тем более неизбежно это явление в изучаемом регионе.

3. Период дальнейшей консолидации и завершения формирования наций

После возникновения основных устоев нации происходила ее дотройка по всем направлениям, в связи с чем она достигала стадии зрелости. Структура нации, несомненно, зависела от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения³⁰. Важное место в Центральной Европе при этом занимал промышленный переворот. Следует однако иметь в виду, что у большинства народов этого региона (и у всех народов Юго-Восточной Европы) процесс социально-экономической модернизации был столь трудным, замедленным и противоречивым, что нет оснований говорить о «перевороте»³¹.

Особенность процесса сплочения буржуазии в национальном масштабе в более отсталых аграрных районах Центральной Европы (а таковые составляли большинство) первоначально заключалась в том, что интересы преобладающей ее части были связаны с внешними (для данной нации, т.е. точнее, инонациональными) рынками, куда вывозились продукты местного земледелия, животноводства и, частично, ремесла. Для большей части аграрных районов (территории румын, южных славян, частично – венгров) внешние рынки находились в промышленных областях Австрии, включая Чешские земли, а также в Германии, северной Италии, некоторых районах Венгрии. Польские аграрные области до промышленного переворота в Польше ориентировались преимущественно на Западную Европу. Ещё в большей мере все сказанное относится к балканским нациям, даже развивавшимся в собственных национальных государствах.

В связи с этим нуждается в уточнении и конкретизации известный тезис о национальном рынке как основе сплочения нации. Длительное

* Баварцы, пользующиеся особым диалектом, рассматривают себя как нацию, вместе с тем не отрекаясь от общенемецкого самосознания. Каталонцы не считают себя испанцами. Шотландцы и уэльсцы создали свои парламенты. Об этнополитическом самоутверждении фламандцев Бельгии мы упоминали. На другом континенте часть франкофонов Квебека не желает быть канадцами.

время для «национальных интересов» внутренний национальный рынок аграрных земель, складывавшийся в условиях многонациональных рынков (общеевропейского, общероссийского, общеевропейского) имел меньшее значение, чем внешний, а экспортно-импортная торговля прева-лировала. Но все это свидетельствовало незавершенности процесса формирования нации.

Процесс возникновения национального рынка (товарообмен между городом и деревней и между различными территориями, а также рынок капитала и труда) в многонациональных монархиях подвергался сильному деформирующему воздействию со стороны общегосударственного рынка, что вызывало недовольство части национальной, в особенности мелкой, буржуазии, издавна действовавшей на местном рынке или связанной с традиционными способами транспортировки грузов (по рекам, парусный и гужевой транспорт). Эти явления в особенности присущи периоду промышленного переворота и революции в средствах коммуникации – прокладки железнодорожных путей, развития парохозяйства. Так, проведение железных дорог от Вены к окраинам Австрийской империи в 50-60-х годах XIX в. коренным образом изменило сложившуюся в течение полутора столетий систему хозяйственных связей в Воеводине, Славонии, Хорватии, так как потерял значение старинный речной путь по рекам Дунаю, Саве, Купе и гужевой извоз к морю, в Словению и австро-немецкие земли.

Все это имело болезненные социальные последствия, особенно в аграрных районах, поскольку разорение традиционного ремесла и немногочисленных мануфактур не сопровождалось одновременным адекватным подъемом фабричной промышленности. Последняя развивалась медленно и – ввиду инациональной конкуренции – однобоко, т.е. главным образом в тех отраслях, которые не встречали конкуренции (мельницы, выделка кожи, добыча ископаемых, вырубка лесов и т.д.).

Промышленный переворот повсеместно вызвал упадок множества традиционных производств. Наиболее рано это произошло в самых развитых районах (например, в Чехии) и постепенно – уже после 1848 г. – распространялось на окраинные, аграрные. И всюду эти процессы сопровождались дальнейшим оживлением национальных чувств и оппозиционных настроений, поскольку большая часть фабричной промышленности поначалу принадлежала австро-немецкой буржуазии, а государственное управление находилось в руках немцев. Мелкая буржуазия разных национальностей в этих условиях стала оппозиционной не только по отношению к бывшим феодалам, сохранившим привилегии, но и крупной инациональной буржуазии. Поэтому в национальных движениях демократизм нередко сочетался с консерватизмом (оппозицией либерализму).

В Королевстве Польском эпоха после 1864 г. характеризуется интенсивным ростом промышленного производства, развитием городских центров, прежде всего Варшавы, разложением ремесла, социальным расстройством крестьянства. Компактность обширной территории, отдельные части которой постепенно соединялись сетью водных путей и железных дорог, способствовала упрочению национального капиталистического рынка³². Польский промышленный капитал не встречал в Российской империи такой мощной конкуренции, как национальные капиталы в Австро-Венгрии. Российский рынок содействовал его развитию (как, впро-

чем, австровенгерский рынок, несмотря на все противоречия, благопри-
ятствовал развитию чешского капитала).

Польский этносоциальный процесс в России в последней четверти XIX в. характеризовался сближением имущего дворянства с буржуазией, формированием слоя крепких крестьян и фабрично-заводского рабочего класса, зрелостью национального самосознания массы народа. Эта ситуация способствовала четкому выражению взглядов разных слоев населения на национальные проблемы поляков³³.

С некоторым запозданием, будучи отмеченными многочисленными особенностями, аналогичные процессы происходили в других частях польской территории. Так, спецификой отличались польские земли Германии, большая часть которых (кроме Верхней Силезии) оставалась аграрным «хинтерландом» рейха. Национальное самосознание здесь сформировалось в ходе сплочения разных слоев польского населения против политики германизации и антикатолического «культуркампа» О. Бисмарка. В противоположность этому в Австрии (Галиции) после 1867 г. существовали благоприятные условия для развития польской национальной культуры и самосознания. Несмотря на социально-экономическое отставание от Королевства Польского, в Галиции поэтому также четко выявились установки различных социальных сил в сфере национальной. Галиция (Краков и особенно находившийся вне польской этнической территории Львов, административный центр провинции) стала опорным пунктом развития польской общественной мысли и деятельности в национальном масштабе.

Прочные контакты между общественными течениями разных польских земель, взаимовлияние близких по социальной основе группировок – все это свидетельствовало о зрелости внутринациональных связей в последней четверти XIX в.

В Чехии и наиболее крупных центрах Венгрии (Пешт-Буда) национально-политическая активизация мелкобуржуазных слоев имела место уже в 30-40-х годах XIX в., особенно она проявилась во время революции 1848-1849 гг., когда действовали радикально-демократические антигабсбургские группировки. В Хорватии сходные явления наблюдались в 50-80-х годах XIX в. и т.д.

Таким путем национальное самосознание и осознание национальных интересов в связи со своими социальными целями утверждалось во все более широких слоях городского и несколько позднее – сельского населения. Этот процесс был не только следствием товаризации экономики и развития капитализма, но и кризиса старого способа производства и обмена, болезненного вымывания традиционных торгово-ремесленных слоев и нарушения прежних хозяйственных связей. Первый фактор вскоре приобрел решающее значение в более развитых районах (Чешские земли, области Пешта-Буды, Варшавы, Лодзи и др.). Действие второго фактора было особенно длительным в районах, менее развитых экономически и испытывавших особые трудности перехода к новому экономическому и социальному строю (восток и юг монархии Габсбургов). При этом в политических программах и всей системе национальных взглядов отразилось разнообразие конкретных «национальных» интересов отдельных слоев, – как тех, которые более или менее успешно приспособлялись к новым условиям (либералы), так и переживавших длительный кризис (радикалы, консерваторы, шовинисты и пр.).

В частности, обострение чешско-немецких отношений в 60-х годах XIX в. было связано с этими разнообразными явлениями, причем крепнувшая чешская буржуазия призывала все слои населения к национальному единению под своим идеологическим и политическим руководством. В дальнейшем проблема национального единства в идеологии буржуазии повсеместно стала выходить на передний план. В конце XIX – начале XX в. усиливаются клерикально-реформистские течения христианско-социального толка, по-своему добивавшиеся модернизации общества, и с другой стороны леволиберальные, буржуазно-демократические течения. Все они призывали к национальному сплочению. Таким образом, политическая консолидация наций вызывалась различными конкретными обстоятельствами.

У разных наций региона консолидация буржуазии в национальном масштабе проявлялась в оформлении групп богатой буржуазии, в интенсивном обуржуазивании дворянства в конце XIX в. – начале XX в. Имущее дворянство, титулованные лица все больше выступали в роли держателей акций банковских, промышленных, железнодорожных и иных компаний. В крупных земледельческих хозяйствах с наемным трудом широко применялись машины. В этой обстановке возникла тенденция политического сближения дворянства с буржуазией.

Пока все «денежные люди» (землевладельцы, чиновники, купечество, представители духовенства, адвокаты и пр.) в большинстве районов Центральной Европы (районов отсталых) без особых забот получали огромные прибыли, помещая свои средства в кредитные кассы (а отсюда деньги в конечном счете попадали к массе нуждающихся крестьян – для уплаты немислимых налогов, для покупки хлеба обычно уже зимой, задолго до нового урожая и т.д.), они не видели смысла в развитии отечественной промышленности. Однако сеть филиалов банков и кредитных касс, постепенно покрывавших национальную территорию, свидетельствовала о стягивании единого финансового *национального* рынка. Впрочем, это было лишь началом.

Постепенно промышленная прибыль (извлекаемая в основном инациональными предпринимателями) стала обгонять доходы в банковско-кредитной сфере. В остальных районах Австро-Венгрии и польских земель вне ее все перечисленные общественные круги на рубеже XIX-XX вв. начали проявлять интерес к промышленности. Помещики сами основывали предприятия на своей земле, охотно сдавали землю предпринимателям для строительства фабрик (вот оно «буржуазное дворянство!»), банковский капитал стал переливаться в производство. Встречая разного рода препятствия, чинимые австро-венгерскими властями, представители неполноправных народов, заинтересованные в развитии национальной промышленности, спланивались для политической борьбы. Таким образом создавались банковско-аграрно-промышленные блоки, что само по себе свидетельствовало о новом этапе в сплочении наций. Кроме того, землевладельцы были заинтересованы в развитии промышленности, ибо это вело к расширению внутреннего аграрного рынка. Крестьянская беднота, нередко представленная социал-демократией (у южных славян), ожидала от новых экономических веяний рабочих мест. В начале XX в. на отсталом юге и юго-востоке монархии Габсбургов ускорился рост городов (Загреб, Любляна, Сараево, Клуж и др.), хотя преобладающим слоем вплоть до 1918 г. оставалась мелкая буржуазия.

На польских землях Российской империи происходил промышленный бум.

Но при этом продолжали существовать, особенно в южных и восточных областях монархии Габсбургов и в Польше, многочисленные элементы прежних отношений в сельском хозяйстве – помещичьи латифундии, фидеикомиссы, отработки, кабальная аренда и условия найма батраков и поденщиков. Это сохраняло почву, с одной стороны, для радикально-демократического движения крестьянства с требованием раздела помещичьей земли, с другой – для помещичьего консерватизма. Вплоть до распада империи Габсбургов землевладельческое дворянство не утратило здесь политические и экономические привилегии, по существу имевшие сословный характер, и оставалось (по крайней мере, часть его) наиболее консервативной социально-политической силой. Полного слияния дворянства с буржуазией до полного развала Австро-Венгрии не произошло.

Консолидация национальной буржуазии проявлялась также в ускорившемся росте фермерского крестьянства. Хронологические рамки этого процесса в деревне – от третьей четверти XIX в. в наиболее развитых районах (Чехия) и последней четверти XIX в. – в среднеразвитых (Центральные районы Венгрии и Польши) до начала XX в. в остальных.

Итак, в Чешских землях с середины XIX в., в более отсталых (юг и восток монархии Габсбургов) в конце XIX в. – начале XX в. происходило сближение национального кредитного капитала, переживавшего бурный подъем (на основе спекуляции земельными участками, ростовщичества, финансирования торговли), с национальной промышленностью и сельским хозяйством³⁴. Вместе с этим росла заинтересованность национального капитала не только в выходах на внешние рынки, но и во внутреннем промышленном рынке, происходила консолидация буржуазии в общенациональном масштабе, усиливалось и ее стремление быть «хозяйном в собственном доме» на основе широкой автономии или национального суверенитета.

С буржуазией по своим интересам сливались богатые и зажиточные круги образованных людей, верхние слои интеллигенции. Это сближение шло не только по линии «материального положения» (высокие гонорары лиц свободных профессий, профессуры, адвокатов и пр.), но и непосредственно путем включения представителей интеллигенции в капиталистическое предпринимательство в качестве владельцев акций и т.д. При этом именно интеллигенция выдвигала из своей среды «национальных идеологов», политических лидеров, публицистов, идейно оформлявших национальные интересы.

Другой стороной созревания социальной структуры буржуазного общества являлось формирование фабрично-заводского рабочего класса и других слоев населения, работавших по найму, в том числе трудовой интеллигенции и служащих. Создание рабочих организаций – профессиональных союзов и политических партий, возникновение массового рабочего движения, все это свидетельствовало о зрелости наций. В Центральной Европе указанные процессы приходятся на период 70-х годов XIX в. – начала XX в.

Итак, основа консолидации буржуазных наций и завершения их формирования заключалась в глубокой социальной дифференциации, в том числе крестьянства, ставшей следствием процессов его пауперизации

и пролетаризации, нараставших в Центральной Европе во второй половине XIX в. – начале XX в. С этим была связана массовая эмиграция бедноты, преимущественно в США. Одновременно формировались новые средние слои буржуазного общества, однако в большинстве случаев этот второй, интеграционный, процесс заметно отставал от первого. Именно с консолидацией основных классов буржуазного общества была связана длительная историческая полоса обострения социально-политических противоречий в рамках каждого национального организма, причем противоречия буржуазного общества переплетались с еще неизжитыми феодальными антагонизмами.

Явления, знаменующие собой неустойчивость, глубокую противоречивость социальных связей, присущие буржуазному обществу на этапе его становления и даже позднее, имели место и в Западной, Центральной (ее западной части) и Средиземноморской Европе. Эта эпоха здесь завершилась в период, длившийся примерно с конца XIX в. (Франция) до середины XX в. (Италия, Германия). В Испании признаком ее завершения был в общем и целом безболезненный демонтаж франкистского режима, в Греции – режима «черных полковников».

Указанная временная полоса в истории Европы свидетельствовала о длительном социальном кризисе в процессе становления постиндустриального капитализма. Но в развитых странах капиталистические отношения устояли в двух мировых войнах, более того, в условиях наиболее зрелого современного капитализма социальные противоречия уже не достигают стадии неразрешимости³⁵.

В Центральной Европе процессы идеологического и политического отчуждения буржуазно-дворянского «общества» и широких слоев народа в XIX в. – начале XX в. привлекли пристальное внимание интеллигенции. Кажется парадоксальным, но именно процесс консолидации наций осознавался национальными идеологами как опасность «распада гражданской жизни» и «всякого человеческого сообщества», как угроза краха устоев самой национальной общности. В действительности в такой реакции на протекавший исторический процесс выразилась небезосновательная тревога большинства интеллигенции в преддверии социальных катаклизмов наступавшего XX в.

Данная ситуация в Центральной Европе способствовала формированию новых идейно-политических течений, ставивших себе целью «сблизить общество с народом», «засыпать пропасть» между ними путем ускоренного формирования средних слоев, уважения интересов как собственников, так и рядового («маленького») человека. Тем самым ставилась задача политически и культурно «сплотить нацию», т.е. фактически – реформировать и сплотить существующее общество. В этих условиях национализм и «социальная политика» приобретали для национальных идеологов особое значение.

Здесь мы встречаемся с явлением, в некоторой степени аналогичным уже известному нам и относящемуся к периоду кризиса феодализма, когда в среде господствующего феодального класса началась пропаганда «сближения с народом» на национальной основе посредством осуществления некоторых крайне назревших реформ (популярность «народной» одежды, обычаев, языка в ряде стран Центральной Европы; славянофильство в России). Объективно и на стадии перехода от феодализма к капитализму, и в период, который является предметом рассмотрения в

данной главе, содержанием отмеченных явлений был процесс становления наций.

В Чехии подобные воззрения давали о себе знать уже в 60-70-е годы XIX в.³⁶, в южнославянских землях Австро-Венгрии они распространились с конца XIX в., в Венгрии и Королевстве Польском – особенно с 70-80-х годов XIX в.³⁷. Все эти даты примерно совпадают с этапом завершения (в основном) процесса складывания наций.

В конце XIX в. в Австро-Венгрии обнаружилось себя одно из новых течений – «реализм» или «прогрессизм». Его формирование произошло при сильном влиянии идей чешского профессора Т. Г. Масарика³⁸. Постепенная демократизация политической жизни, расширение избирательного права, антиклерикализм, устранение из общества одиозных остатков прошлого, прежде всего элементов сословного неравноправия крестьянства, социальная и политическая модернизация деревни, социальное (рабочее) законодательство, привлечение к общенациональному сотрудничеству социал-демократии, в среде которой преобладало центристское направление, – такова либерально-демократическая программа «реализма». Среди южных славян «реалисты» отстаивали сотрудничество между словенским, хорватским и сербским национальными движениями, некоторые из них, как и социал-демократы, были адептами теории единого южнославянского народа.

Другое течение – католический клерикализм, окончательно оформившийся после энциклики «Рерум новарум» папы римского Льва XIII (1891 г.). В отличие от консервативного помещичье-аристократического клерикализма, активизировавшегося в 60-х годах XIX в., новое христианско-социальное крыло клерикалов проповедовало защиту интересов людей труда, прежде всего мелких хозяев (но создавались и рабочие профсоюзы), – защиту от ничем не сдерживаемого господства крупного банковского, ростовщического и промышленного капитала. В габсбургском государстве клерикалы (австронемецкие, венгерские и славянские) выступали за консолидацию монархии. Наиболее прочные позиции клерикалы имели в австронемецком и словенском обществе.

Наконец, знаменательно появление так называемого аграризма. Его сторонники декларировали первостепенное значение аграрных слоев (включая помещиков, сельскую буржуазию и зажиточное крестьянство) для будущего нации. Они утверждали, что в сельском хозяйстве существует гармония, способная превозмочь «как капитализм, так и социализм».

Как видим, все указанные течения (несмотря на противоречия между ними) стремились преодолеть кризисные общественные процессы с помощью модернизации экономики и социальных отношений.

Надо оговориться, что при всем отставании развития средних слоев от процесса социальной поляризации, эти слои в Центральной Европе укреплялись. Упомянутые выше социальные учения и практика не только способствовали этому, но и получали в данном явлении опору. От мелких городских производителей феодальной эпохи – патриархальных цеховых ремесленников и владельцев мелких мастерских – в XIX в. в условиях фабричного (инонационального) производства приходивших в упадок, по роли в обществе и процессе становления нации отличались представители «малого бизнеса», нарождавшиеся в основном с середины XIX в. и органически вписывавшиеся в структуру нации. Эти владельцы

небольших предприятий разного назначения, часто семейных (без наемных рабочих), нередко связанные производственной цепочкой с крупными фирмами. Без их активности было немыслимо развитие современного города. Они приобретали новые средства производства и транспорта – механический двигатель, грузовик и пр. Так формировался «нижний средний слой» (lower middle class) нации, часть среднего класса, придающего обществу стабильность. В передовых районах Центральной Европы эти явления приобрели особый размах в конце XIX в. – начале XX в. «Верхний средний слой» (upper middle class) – значительного достатка предприниматели, богатые адвокаты и др. Это те самые слои, слабость которых мы отмечали относительно периода раннего капитализма. Наконец, средний класс увеличивается за счет роста служащих, чиновников, рабочих высокой квалификации. Укрепление среднего класса – свидетельство полноты процесса формирования нации в XX в.

После этого необходимого отступления вернемся к особенностям развития буржуазии разных наций Центральной Европы на рубеже XIX–XX вв.

Каждая буржуазная группировка обычно объединялась вокруг «национальных», «патриотических» финансовых учреждений (банков, кредитно-сберегательных касс, кооперативов), вела конкурентную борьбу с «врагами нации», в том числе в рамках собственной нации (клерикалы против либералов), стремилась прежде всего вытеснить инациональных конкурентов и распространить свое влияние на широкие слои населения. Действительно, владельцы и акционеры банков и касс, предоставляя займы крестьянам, заставляли их голосовать на выборах за угодных данной политической группировке кандидатов. Вместе с тем «патриотические» финансисты не менее беспощадно, чем инациональные, распродавали с аукциона имущество и землю задолжавших крестьян, способствовали росту городской и сельской буржуазии. Одновременно национальная буржуазия финансировала печать и учреждения национальной культуры, т.е. выполняла прогрессивную национальную функцию.

В таких противоречивых формах в регионе осуществлялось сплочение наций гражданского общества.

Буржуазия отдельных наций региона спланивалась в общенациональном масштабе первоначально не столько на основе внутреннего промышленного рынка, сколько на базе создания сети кредитно-сберегательных (финансовых) учреждений и развития национального денежного рынка. Объектом ее эксплуатации при этом выступал главным образом мелкий производитель, прежде всего крестьянин. Лишь на последующей стадии значительной силой становилась национальная промышленная буржуазия. Поэтому полем конкуренции буржуазии разных наций первоначально становился денежный рынок, на котором шла борьба банков и сберегательных касс за вкладчиков и должников (займополучателей). Основным источником буржуазного накопления и формирования национальной буржуазии, особенно в менее развитых в промышленном отношении областях, даже в начале XX в. оставалось ростовничество, приобретавшее общенациональную организацию в виде сети сберегательно-кредитных касс. Вместе с тем этот капитал уже переливался в промышленность. Именно последнее дает основание говорить о зрелости национального процесса³⁹. Не случайно именно в начале XX в. обостряется борьба на рынке промышленных изделий. Это относится как к

Центральной, так и Юго-Восточной Европе (о чем свидетельствуют предпринятые Болгарией и Сербией меры по защите отечественной промышленности).

После ликвидации устоев феодализма в идеях общенационального сплочения, распространявшихся в дворянском и буржуазном (а затем в «дворянско-буржуазном») обществе, все большее внимание стало уделяться крестьянству и мелким производителям вообще. Первоначально однако «национальные идеологи» не шли дальше программ просвещения крестьян. Лишь по мере углубления социальных антагонизмов, связанных с обеднением большинства деревни, появляются разного рода социальные программы, как правило, направленные на модернизацию земледелия, ускорение роста слоя фермеров и арендаторов, развитие сельской кредитно-сбытовой кооперации.

Вслед за буржуазией и рабочим классом на поле политической борьбы вступили крестьяне. Политическая активизация зажиточного крестьянства проявилась, в частности, в упрочении его влияния в клерикальном лагере в Словении, в возникновении ряда крестьянских партий. Так, в Хорватии крестьянская партия (1905 г.) подчеркивала, что именно «простой народ», в основном состоящий из крестьян, и является нацией, и вокруг крестьянства должны сплотиться остальные слои, в том числе рабочие, а «господа» (дворянство, буржуазия, чиновничество и пр.) во имя национального единства должны отказаться от своекорыстной политики. Здесь крестьянское понимание нации пришло на смену дворянскому и буржуазному, в котором в лучшем случае господствовал принцип «покровительства» простым людям. В Польше крестьян в центр своего внимания ставила партия Стронництво людове» (людовцы, 1895 г.)⁴⁰. Крестьянские партии повсеместно выступали против остатков сословного неравноправия, не только ударявшего по материальным интересам крестьян, но и унижавшего их человеческое достоинство.

Подобного рода идейные концепции в разных странах свидетельствуют о том, что, проникаясь национальным самосознанием и особенно становясь участником общественно-политического национального движения, каждый слой общества искал в нем удовлетворения своего социального интереса, обычно выдаваемого за общенациональный, в требованиях разных слоев (имеются в виду угнетенные, неполноправные нации) национальный интерес в весьма разной мере действительно получал выражение.

Итак, в основе созревания нации находился главным образом не процесс становления буржуазной структуры многонационального общества региона или многонационального государства вообще, а прежде всего созревание национальных (по языку, культуре, самосознанию) классов общества. Это – один из основных критериев зрелости нации.

Однако данная констатация недостаточна для определения сформировавшейся нации. Социальный сдвиг фундаментального характера влек за собой изменения в сфере права. Утверждение принципа неприкосновенности частной собственности, защита прав личности (что имело общедемократическое прогрессивное значение), ликвидация не только юридических перегородок между сословиями, но и остатков сословного неравноправия, равенство граждан перед судом и законом, кардинальное расширение избирательного права (в конечной цели – всеобщее равное избирательное право), участие граждан в делах общества, возможность

их объединения по интересам (партии, профсоюзы и др.), – все это стало свидетельством зрелости гражданского общества и зрелости нации.

Даже неполный комплекс этих факторов, означавший утверждение буржуазно-либерального правопорядка, был присущ в XIX в. лишь немногим национально-буржуазным обществам (например, США после ликвидации рабства негров, Великобритании или Швеции после устранения всеислия земельной аристократии).

В многонациональных государствах Центральной Европы эти факторы окончательно не сформировались вплоть до 1918 г., тем не менее (хотя и не полностью, но лишь в основном и в разной степени) здесь возникли условия для завершения процесса становления ряда наций.

О том, что в условиях национального неравноправия процесс мог завершиться лишь в основном, свидетельствует весьма ограниченное участие представителей неполноправных наций в государственной жизни, в разных сферах государственного аппарата, а также в большинстве случаев неудовлетворительная (не удовлетворявшая национальное общество) система просвещения, завоевание определенных позиций в которой давалось лишь в ходе упорной борьбы. Эта борьба далеко не всегда была успешной.

Категории зрелости социальной структуры в разных регионах несколько различаются. Так, английская нация сформировалась в условиях, когда уже существовал многочисленный рабочий класс, но еще не было его классовых организаций национального масштаба (т.е. до чартистского движения). То же можно утверждать относительно других наций Западной Европы. Однако и здесь крайним рубежом может служить хотя бы начало промышленного переворота. В Центральной Европе рабочий класс, возникнув позднее, использовал опыт рабочего и социалистического движения на Западе, и здесь образование рабочих организаций близко по времени с созданием социально-культурной структуры (системы) наций. Данный сдвиг связан также с тем, что формирование национального рабочего класса в Центральной Европе в ряде случаев обгоняло появление национальной промышленной буржуазии. Еще в большей мере этот сдвиг характерен для Юго-Восточной Европы: здесь первые рабочие организации возникли задолго до завершения процесса становления наций.

Складывание зрелой (полной) социальной структуры данного народа сопровождалось становлением развернутой системы современной национальной культуры, основы которой, как отмечалось, были заложены в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В условиях национального неравноправия и угнетения строительство национальной культуры являлось не только элементом формирования нации, но одной из форм национально-освободительного движения, его составной частью наряду с иными формами – экономическими, социальными, политическими. Более того, все формы движения имели национально-политическое значение. Таким образом, для становления нации в условиях угнетения была необходима целая серия сознательных, целенаправленных действий. Культура становилась важным средством консолидации наций (прежде всего, национального самосознания), обеспечивающим активное воздействие общества на национальный процесс.

Как свидетельствуют многочисленные факты истории Центральной Европы, процесс складывания системы национальной культуры (включая

национальное самосознание), связанный со становлением структуры буржуазного общества, вместе с тем сохранял значительную самостоятельность и обгонял, подчас весьма заметно, формирование новых классов. Именно это обстоятельство побуждает некоторых историков датировать завершение процесса формирования наций (процесса в действительности комплексного) рубежами складывания культуры и особенно национального самосознания, выразительного проявления национальных чувств (прежде всего патриотизма)⁴¹. По нашему мнению, этот подход неверен, поскольку игнорирует социально-экономические факторы.

Таким образом, на интересующем нас этапе, как и ранее, мы имеем в виду «схождение» (взаимосвязь) социального и этнокультурного аспекта развития нации (в нашей монографии и в труде А. С. Мильникова они изучаются по отдельности, но в жизни всегда находятся в единстве). Их невозможно изолировать друг от друга, нельзя и абсолютизировать, как это получается в одной из западных школ при формулировании тезиса о Kulturation (т.е. о нации, которой присуща собственная развитая культура). Такой нации вне социальных (включая экономические и политические) связей вообще не существует.

Чешский ученый М. Грох неоднократно уточнял свои определения критериев завершения процесса складывания наций (имея в виду неполноправные – «малые» – народы в составе многонациональных государств)⁴². Нам кажется наиболее лаконичной и удачной следующая предложенная им формулировка: «О завершении формирования малой нации можно говорить тогда, когда она достигла «органической» классовой структуры, типичной для капиталистического общества, и создала самобытную национальную культуру»⁴³. Польский исследователь Т. Лэпковский также подчеркивает, что «современная нация... означала общность с развитой классовой социальной структурой капиталистической модели»⁴⁴.

Здесь же приведем авторитетное свидетельство, касающееся региона Западной Европы. Четко высказал свое мнение о критериях определения рубежа зрелости нации Фернан Бродель (1902-1985): «Франция становится единой не при Жанне д'Арк и даже не во время Французской революции, но только после запоздалого – и по тем временам поистине чудесного – возникновения в стране сети железных дорог и повсеместного распространения начального образования...»⁴⁵. Обращает на себя внимание со вмещение Броделем социально-экономического и культурного критериев.

В Центральной Европе для завершения (в основном) процесса складывания наций, как и на его более ранних стадиях, сохраняли значение элементы национальной государственности, автономии, самоуправления (хотя бы на части этнической территории).

Однако все формировавшиеся неполноправные нации Центральной Европы (в число которых после 1867 г. не включаются венгры) оставались в состоянии раздробленности – административной (в рамках Цислейтании, как чехи и словенцы, и в рамках Транслейтании, как словаки) или административно-политической (как хорваты, входившие в состав Австрии, Венгрии и Боснии), либо – и это наиболее трудный для складывания наций вариант – находились в пределах двух или трех государств.

Последнее обстоятельство столь важно, что, как отмечалось, служит основанием для выделения особого типа формирования наций (поляки, сербы, румыны).

Односложный ответ, сводящийся к тому, что поскольку в данных случаях не существовало единого этносоциального организма с общей социально-экономической и культурной жизнью, то не существовало и нации, удовлетворить не может. Так, в результате разделов Польши в 70-90-х годах XVIII в., нация, которая ко времени их начала уже стала складываться, не «исчезла». Действительно, следует признать, что единой нации как этносоциального организма не существовало, тем не менее процесс ее формирования в коренным образом изменившихся условиях продолжался. Об этом свидетельствуют факты не только культурной и политической, но и – хотя в ограниченной мере – социально-экономической жизни. В противном случае осталось бы невозможным и непонятным «моментальное» (в исторических масштабах) завершение процесса складывания польской нации после 1918 г.*

Сравнение формирования польской и немецкой нации, хотя отдельные части политически раздробленного немецкого этноса в XIX в. не находились под властью иностранных государств (исключение составляет небольшой район Шлезвиг-Гольштейн до 1864 г.), также побуждает видеть в возникновении наций из раздробленных частей исторический процесс, а не «единовременный» акт, якобы совпадающий с воссоединением этнической территории. Это объединение (в малогерманском варианте) лишь завершило складывание нации, причем местные субэтнические традиции устранены не были (например, в Баварии, где они подкрепляются длительной политической традицией и, как мы отмечали, наличием особого диалекта).

Аналогичная польской, но более сложная картина сложилась у сербов. Этническая территория, которую они занимали в начале XX в., вообще никогда ранее объединена не была. Здесь формирование нации полностью завершилось в рамках Югославии после 1918 г.

В условиях политической раздробленности сохранялись и развивались общенациональная культура, национальное самосознание. Что касается социально-экономической структуры, то на отдельных частях этнической территории ее развитие в основном совершалось обособленно от других частей (хотя полностью связи между этими частями не прерывались). Однако само это развитие было элементом складывания нации. Такие части политически раздробленного народа можно назвать «частичными» (парциальными) нациями. Отличие последних от обычных наций заключалось в их стремлении к воссоединению, проявлявшемся в национальном движении.

Формирование других наций Центральной Европы, находившихся в состоянии раздробленности под австро-венгерской властью, полностью завершилось также после распада монархии Габсбургов. Все сказанное ни в коей мере не преуменьшает значения того факта, что некоторые из этих наций (прежде всего, чешская) в основном сформировались значительно раньше⁴⁷. В словацкой науке высказан взгляд, что сло-

* Польский ученый К. Конколь формулирует эту проблему так: «Формирование современной нации с собственным рабочим классом, располагавшим глубоко укоренившимся национальным сознанием, было в условиях отсутствия государственности делом особенно трудным. Только государство могло объединить раздробленный до того организм»⁴⁶.

вацкая нация в основном сформировалась в Чехословацкой республике (т.е. в 20-30-ые годы XX в.), а полностью – во времена ЧССР⁴⁸.

Отмеченные выше критерии завершения процесса формирования наций в принципе действительны и для народов, обладавших государственным суверенитетом и целиком входивших в состав своего национального государства. Существенные различия между ними и народами неполноправными заключались в некоторых важных чертах национального процесса (у вторых – «национальный» характер общественного движения, его роль в национальном процессе).

* * *

Глава 3

Сословия, классы, социальные слои в процессе складывания наций

Как уже неоднократно подчеркивалось, формирование социальной структуры буржуазного общества в Центральной Европе являлось основой национального процесса. Однако становление указанной структуры и складывание наций – не тождественные процессы, зависимость второго от первого – не однозначная, т.е. при этом не было вульгарно понимаемого параллелизма.

В складывании наций существенно различие между ролью сословий феодального общества (землевладельческое дворянство, крестьянство, ремесленники, бюргерство) и классов общества капиталистического (буржуазия, рабочий класс и др.). Социальная (в узком смысле слова) роль первых проявлялась по мере их распада, т.е. обуржуазивания и пролетаризации, и вообще деклассирования их отдельных звеньев. Это означает, что (повторяем, – в узком, социальном значении), например, дворянство в Польше, Венгрии, Хорватии участвовало в становлении нации в той мере, в какой оно исчезало как *феодалное* сословие. Поскольку же оно оставалось феодальным, т.е. основывало свое существование на феодальном способе производства, оно оставалось элементом структуры феодальной народности. Место его в этой структуре и ее эволюции было исключительно важным, поскольку наличие или отсутствие полнокровного дворянства, как отмечалось, определяло тип феодальной народности (с чем было связано наличие или отсутствие государственности, развитой политической жизни, культуры и пр.), а следовательно и характерные черты формирования нации*.

Ясно, что роль традиционных сословий в национальном процессе не ограничивается их местом в социальной структуре. Как структурные компоненты народности, они в разной мере являлись носителями ее этнических черт – культуры, исторического сознания, традиций, особенностей духовного склада, хранителями языка. Это этническое наследие феодальные сословия передавали буржуазному обществу, в котором оно подвергалось существенной трансформации.

В руках феодального дворянства находились институты национальной государственности или те ее элементы (автономия, местное самоуправление), которые народность сохранила в позднефеодальную эпоху и передала по наследству зарождающейся нации. Таково Польское госу-

* Проблематика данного раздела, естественно, соприкасается с проблематикой разделов книги, посвященных типологии и периодизации.

дарство до 1795 г. и различные польские государственные образования до 1846 г., а позднее – уже под властью обуржуазивающегося дворянства и буржуазии – автономная Галиция в составе дуалистической Австрии (Цислейтании), автономное Венгерское королевство в составе Австрийской монархии и его самоуправляющаяся часть – Хорватия до революции 1848 г., а позднее – с 1867 г. – дворянско-буржуазная Венгрия и т.д.

Как отмечалось, эти формы государственности имели значение для складывания наций. В период кризиса феодализма политическая борьба дворянства в защиту национального государства – за сохранение сословных учреждений и расширение их прерогатив, рост связей дворянства с рынком – все это находило отклик во всем дворянстве и будило политическое сознание других слоев народа, не связанных своими интересами с феодальным строем.

В Польше, например, некоторые важные черты повседневного быта многочисленного дворянства*, политическая активность, кодекс шляхетской чести, личная независимость (даже несмотря на то, что в Речи Посполитой она приобретала крайний, опасный для общества характер, – например, *liberum veto*) по мере формирования внутринациональных, т.е. внесословных, связей постепенно воспринимались образованными и имущими горожанами, а после устранения феодализма – все более широкими слоями и, теряя специфические шляхетские черты (дворянскую спесь), сказывались на польском национальном характере. Таким образом, историческая роль шляхты в Польше, Венгрии, в Хорватии (в меньшей мере) в складывании наций значительна и разнообразна до такой степени, что можно говорить о классическом проявлении определенного типа национального процесса. В дальнейшем, по мере развития буржуазного общества, обуржуазивание дворянства сопровождалось длительным и упорным сохранением шляхетской идеологии и психологии** и происходило одновременно со стремлением буржуазных верхов подражать в своем быте, поведении, морали дворянству:

Все эти обстоятельства вызвали любопытную полемику в современной польской историографии. Автор крупного исследования по истории польской нации Т. Лэпковский выступил против мнения историка-экономиста В. Кули, что польская нация формировалась вследствие развития буржуазии и пролетариата, и утверждал, что она – результат исторической активности дворянства, т.е. явление более или менее исключительное***. Мы полагаем, что при всех бесспорных социальных особенностях национального процесса у ряда народов Центральной Европы в данном споре в основном прав Куля****. Ведь речь идет о буржуазной эволюции дворянства. Несомненно, что дворянство раньше других сословий про-

* Многочисленность дворянского сословия, составлявшего (соответственно) в Польше и Венгрии до 10% и 4% населения, – важная особенность феодальных народностей Центральной Европы с полной структурой¹.

** Это не в последнюю очередь было связано с наличием полуфеодальных остатков в социальных отношениях даже в XX в.

*** «К парадоксам польской истории... относится факт формирования польской буржуазной нации скорее как организма шляхетско-крестьянско-плебейского, чем буржуазно-пролетарского»².

**** «Процесс формирования буржуазии и пролетариата как в городе, так и в деревне» составлял «важнейший элемент формирования буржуазной нации»³.

никалось национальным самосознанием, но характерно, что лишь по мере отказа передовых представителей шляхетства от сословного этнического самосознания и перехода их к либерализму и даже демократизму (Г. Коллонтай, С. Сташиц и особенно А. Мицкевич, И. Лелевель, Э. Дембовский и др.) интенсивно формировалось польское национальное самосознание. Аналогичная идеологическая эволюция представителей дворянства имела место в Венгрии (Й. Хайноци, А. Баттяни, И. Сечени, Л. Кошут и т.д.).

Дело в том, что дворянство никогда не было гомогенным, а с развитием товарно-денежных отношений имущественная поляризация в его среде резко усилилась и часть дворянства вообще деклассировалась, в его среде активно пропагандировались радикальные идеи перестройки общества⁴ и соответствующие им представления о нации как внесословном сообществе.

У народов с полной феодальной структурой ослабление, размывание традиционных сословных связей и межсословных перегородок, ранее обеспечивавших социальную устойчивость личности, побуждало как дворян, так и бюргерство и часть «низов» (трудовых слоев) в новой сложной, динамичной, полной противоречий и грозящей социальными потрясениями ситуации искать иные общественные связи, способные обеспечить личности стабильность. Таковыми стали связи национальные. Их упрочение стимулировалось и развитием внутреннего рынка, обменом между городом и деревней (при этом огромную роль играла общность языка) и рынка внешнего, на котором было необходимо отстаивать «национальные» интересы.

Венгерский историк Э. Нидерхаузер отметил, что социальные внутринациональные противоречия вообще наиболее сложный, трудный аспект процесса консолидации наций⁵. Для дворянства он проявляется прежде всего в проблеме, как обеспечить участие крестьян в национальном движении, для буржуазии – участие крестьян и рабочих.

Именно в силу остроты социальных противоречий сельская масса, хотя и не заинтересованная в старом строе, медленно проникалась новым – национальным – чувством и сознанием. По-иному складывалась идеологическая обстановка в среде господствующего класса. Хотя глубокие перемены здесь происходили, как отмечалось, лишь по мере обуржуазивания дворянства, в период кризиса феодализма определенные «национальные» идеи и политические программы формулировались уже в консервативной помещичьей среде.

На ранней стадии национального движения дворянство сохраняло консервативную (в социальном смысле) тенденцию. Так, в 80-х годах XVIII в. венгерское дворянство выступало против реформ австрийского просвещенного абсолютизма, в защиту сословного строя и средневекового принципа «государственной нации» (*natio hungarica*). Т.е. программа упрочения прав Венгерского королевства в условиях австрийского централизма еще умещалась в основном в рамках идеологических представлений феодальной народности, хотя венгры уже в 1790 г. выдвинули требование признания венгерского (а не немецкого) языка официальным. Итак, угроза социальному благополучию дворянства иногда становилась источником его активности в сфере национальной. Но социальный консерватизм дворянства подчас толкал его представителей на антинациональный путь. Так, Тарговицкая конфедерация в Польше (1792 г.) стала опорой внешних врагов Польши. В 1790 г. хорватский сабор, охраняя

интересы дворянства от политики Габсбургов, передал венгерским властям ряд важных автономных прав Хорватии.

Постепенно сам консерватизм дворянства переживал эволюцию. На растание кризиса феодальных отношений побуждало дворянских идеологов искать пути смягчения социальных противоречий. Одним из средств стало выдвижение национальных программ. Появляются консервативно-реформистские или умеренно-прогрессивистские идеи. Диапазон их был значительным – от готовности взять на себя часть налогов, призывов проявлять милосердие к мужику, устраивать народные школы до смыкавшихся с либерализмом требований отмены феодальной зависимости, однако при сохранении политического полновластия помещиков. Умеренные социальные идеи совмещаются с программой решительного упрочения национальной государственности (например, хорватский граф Я. Драшкович, 1832 г.).

В иных условиях консервативный реформизм в социальной сфере мог сочетаться даже с революционностью в области национальной, несомненно, имевшей общенациональное прогрессивное значение, хотя (неизбежно) и ограниченное. Так было в Королевстве Польском во второй половине 20-х годов XIX в., где под руководством дворянства в 1830 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание.

Таким образом, в ряде случаев национальные идеи раньше всего возникли в умеренно-реформистской (в социальном смысле) дворянской среде. Импульсом для этого стала Великая Французская революция 1789 г., революции 20-х годов в Испании, Италии, Греции, наконец, революции во Франции и Бельгии 1830 г., убеждавшие все более широкие круги дворянства, что старый строй в Европе обречен на гибель. Национальные настроения в дворянской среде Венгрии и Хорватии проявлялись в интересе к народному творчеству, истории страны, в призывах отказаться от немецкого и французского языков, носить «народную» одежду и другими средствами демонстрировать этническую общность с миллионными массами населения*.

Можно сделать вывод, что в период уже начавшегося формирования гражданского общества патриотическая деятельность дворянства (от просветительских и пропагандистских акций до открытой политической борьбы, включая национально-освободительные войны в Польше и Венгрии) способствовала формированию нации. Следовательно, мы не ограничиваем место дворянства в этом процессе только изменением его роли в производственной сфере. К тому же в означенный период в той или иной мере и эта роль также несколько изменяется: обычно землевладельческое дворянство не остается целиком и полностью вне зарождающихся новых отношений и связей (это и есть начало, пусть весьма скромное, его дефеодализации).

* Аналогичные свидетельства дает отечественная история. В знаменитой пьесе А. С. Грибоедова вольнодумец Чацкий призывал московскую знать говорить по-русски, «чтоб умный бодрый наш народ хотя по языку нас не считал за немцев», и высмеивал бритье бороды (при Николае I ношение бороды дворянином и чиновником считалось признаком нелояльности правительству). Среди славянофилов некоторые (Ф. Чижов) демонстративно отрицали бороду или носили «народный» кафтан. Все это своеобразно (с позиций части дворянства) отражало процесс формирования русской нации.

Поскольку дворянство являлось не только политизированным классом, но и главным носителем образованности, дворянская интеллигенция была способна формулировать системы идей, в которых выражались потребности общества в целом. Национальное движение в Польше и Венгрии раньше, чем у народов, не имевших дворянства, стало политическим, причем проблемы культуры и языка выдвигались одновременно с национально-политическими, более того, как их компонент. По существу, политическая борьба эпохи формирования наций была непосредственно унаследована от политизированного дворянского общества периода позднего феодализма. При этом дворянство использовало традиционные сословные представительные учреждения. В связи со всем сказанным понятно, что начало процесса складывания национального самосознания было облегчено там, где имелось национально мыслившее дворянство.

Национальные устремления дворянства, особенно такое событие как польское восстание 1830-1831 гг., несомненно, способствовали распространению национального самосознания в более широких слоях формирующейся нации, хотя факт пропаганды национальных идей «господами» вызывал сложную, подчас даже отрицательную реакцию в среде крестьян*. Таким образом, дворянский национальный патриотизм уже в период кризиса феодализма имел неоднозначные последствия для национального самосознания масс народа**.

Итак, в периоды кризиса феодализма и утверждения капитализма (т.е. разрушения прежних социальных связей) относительно быстро изменялась вся идеологическая система господствующего класса. Это особенно разительно сказалось там, где эта система, в свое время созданная с целью освящения и увековечивания феодально-крепостнического строя, приобрела наиболее законченную форму («сарматская» теория в Польше, «теория завоевания» в Венгрии). В Польше идеи, предназначенные для того, чтобы аргументами, почерпнутыми даже из этнической сферы, обосновать сохранение правовой пропасти между шляхтой и крестьянством, в течение нескольких десятилетий были вытеснены польской национальной идеологией, направленной на доказательство общности интересов всех слоев польского общества.

С утверждением капитализма социальная роль дворянства в процессе складывания наций Центральной Европы постепенно затухает.

Крестьянство, народные массы вообще – основа процесса формирования нации. Хотя в позднефеодальную эпоху в среде крестьян и ремесленников уровень этнического самосознания был различным и обычно этому сознанию были присущи сословные, религиозные черты и локаль-

* Галицийские события 1846 г. были связаны с верой польских крестьян в императорскую власть, – положение крестьян после присоединения Галиции к Австрии в 1772 г. было несколько облегчено. Подлинно либеральные силы, как и в Венгрии, выходят на общественную арену в 20-40-ые годы XIX в. В Хорватии активность в сфере национальной разночинной и части дворянской интеллигенции первоначально – в 30-х годах – ограничивалась областью просвещения. Потребовалось определенное время, чтобы движение получило более широкую общественную поддержку и приобрело открыто политический характер.

** Участию венгерского крестьянства в национально-освободительной войне 1848-1849 гг. способствовала либеральная аграрная реформа, и все же умеренность последней подчас ограничивала активность крестьянства.

ная ограниченность, нередко приобретающая решающее значение, народная масса являлась носителем этнической бытовой культуры – материальной (жилище, пища, одежда) и духовной (язык, фольклор, музыка). В народной культуре отложились общенациональные традиции, идущие от периодов подъема освободительных движений, борьбы против вторжений поработителей. Таковы остатки гуситских традиций XV в. в сознании части чешского крестьянства и горожан, сохранение в памяти венгерского, сербского, хорватского и словенского народов героических эпизодов борьбы с османским нашествием XV-XVII вв. (традиции борьбы «креста» с «полумесяцем», в которых в своеобразной форме преломлялось и этническое сознание), а у венгров и словаков также традиции антигабсбургских движений XVII-XVIII вв. Особенно живо сохранялись в народной памяти крупные выступления антифеодалного характера. Так, хорватское крестьянство в XIX-XX вв. помнило о восстании 1573 г. и о его вожде Матии Губеце настолько четко, будто речь шла о недавних событиях. Поэтому далекие от революционности лидеры крестьянской партии А. и С. Радичи, отстаивая права крестьян, клялись в верности делу Губеца. Все это социально-этнические традиции феодальной эпохи.

В Центральной Европе, где в XVI-XVII вв. имело место закрепощение крестьян, крестьянство в эпоху кризиса феодализма (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) на значительной части территории (восток Австрийской монархии, Польша) сохраняло традиционный хозяйственный быт (замкнутость, узость рыночных связей, господство или абсолютное преобладание отработочной феодальной ренты) и поэтому в непосредственносоциальном плане не участвовало или мало участвовало в процессе складывания нации. Среди бедноты господствовали устремления социального антифеодалного характера, преимущественно не связанные с национальными⁶. Но ценнейшее наследие этнических традиций было использовано формирующейся нацией, национальной интеллигенцией и обогащено «национальной идеологией».

Развитие национального самосознания крестьянства, несомненно, связано с деятельностью «национальных пропагандистов» из среды светской и духовной интеллигенции. Но все же не это было главным. Зрелое национальное самосознание у крестьян формировалось позднее, чем у других классов – по мере изменения условий хозяйственной деятельности крестьянства, развития его связей с широким, даже международным рынком, начавшимся «раскрестьяниванием» патриархальной деревни, т.е. развитием фермерского хозяйства и пролетаризацией бедноты, ростом буржуазного предпринимательства, с одной стороны, отходничества – с другой, т.е. социальной и территориальной мобильности. Именно этот объективный процесс предопределял эффективность воздействия на сознание крестьянина иных факторов. Социальные сдвиги в деревне способствовали повышению уровня ее культуры, прежде всего распространению элементарной грамотности, что сделало газету доступной для крестьянина.

Патриархальность была органически связана с социальным, экономическим и обязательно с политическим неравноправием (или бесправием) крестьянства, что находилось в противоречии с основным качеством нации – бессословностью, юридическим равноправием ее членов («перед судом и законом»).

Итак, крестьянство Центральной Европы постольку активно становилось «строительным материалом» в процессе формирования нации, поскольку оно переставало быть прежним феодальным патриархальным сословием⁷.

Важность социальных перемен для формирования наций побуждает признать исключительное объективное (в большинстве случаев массами неосознанное) значение для национальных процессов антифеодальных движений крестьянства в эпоху кризиса феодализма. Они обостряли этот кризис и стали одной из причин ликвидации феодализма. С другой стороны, правительственные реформы, например, ликвидация личной зависимости чешских крестьян в 1781 г., также способствовали национальному процессу.

Наиболее значительные крестьянские выступления произошли в Чехии в 1775 г., в Трансильвании в 1783-1784 гг. (самое крупное крестьянское восстание эпохи), в Хорватии и Славонии в 1808, 1830, 1846 гг., в Буковине в 1843 г., в Галиции в 1846 г. Именно активизация крестьянства и усиление социальной напряженности в деревне (вместе с втягиванием помещичьего хозяйства в торговлю, его потребностью в кредитах и пр.), как уже отмечалось, способствовали размыванию прежней идейной сплоченности класса феодалов, в частности, распространению в его среде национальных идей.

На распространение этих идей в крестьянской среде влияло само национальное движение, в особенности, национально-революционные войны (в Польше в 1794, 1830-1831, 1848, 1863-1864 гг., в Венгрии в 1848-1849 гг.). Но слабое участие крестьянской массы в том или ином конкретном движении не может служить убедительным свидетельством отсутствия у нее национального и вообще этнического самосознания. Впрочем, и участие крестьянства в национальном восстании в тех районах, где вожди повстанцев провозглашали радикальную аграрную программу, не доказывает наличие у крестьян зрелого национального самосознания. В этих случаях с уверенностью можно говорить только о четком выраженном социальном интересе крестьянства, который, впрочем, не всегда совпадал с непосредственными целями национального движения. Несомненно однако, что широкое участие разных – городских и сельских – слоев в различных формах национального движения свидетельствует о продвинувшемся процессе национальной консолидации*.

Все приведенные выше наши рассуждения основаны на материале истории Центральной Европы и относятся прежде всего к этому региону.

В период утверждения капитализма целый ряд крестьянских выступлений социального характера приобретал национальную направленность (например, в Хорватии в 1883 и 1903 гг.) – при этом значительную роль играла агитация городских радикальных кругов. Социальное и национальное в сознании крестьянства все более сливалось, особенно когда крупновладельческие и правящие круги принадлежали к другой нации**.

* Именно с этими явлениями (наряду с созреванием социальной структуры) связывает периодизацию процесса формирования наций М. Грох.

** О политических взглядах хорватских крестьян во время волнений 1883 г. свидетельствует следующее: ворвавшись в имение графа Оршича, они потребовали от хозяина... расписки в том, что он хорват, а не мадьяр. Такие же расписки были вынуждены дать чиновники⁸.

В отличие от основных классов-сословий феодального общества характеристика места классов капиталистического общества в процессе складывания наций более однозначна. В принципе здесь нет той противоречивости, о которой говорилось выше, так как национальный процесс непосредственно связан с формированием торгово-промышленной буржуазии и фабрично-заводского (в первую очередь) рабочего класса. Определенную проблему при характеристике роли в национальном процессе буржуазии Центральной Европы, неполноправных наций в особенности, создает то обстоятельство, что в отличие от Западной Европы (Нидерланды, Англия, Франция) и Италии, а также от Юго-Восточной Европы, здесь буржуазия, будучи в целом классом прогрессивным, почти никогда не выступала по-революционному*. По большей части консервативно-реформистская или либеральная, она искала компромисса как с помещиками (национальными и инациональными), так и с правящими кругами чуженациональных государств.

Хотя «интеллигентные сословия» (духовенство, студенчество и пр.) обычно объективно отстаивали интересы национально-буржуазного развития, сама формирующаяся буржуазия на первых порах принимала в национальном движении весьма незначительное участие, как ввиду своей слабости и зависимости от властей, так и низкого уровня культуры. Крупная промышленность до конца XIX в. существовала лишь в некоторых национальных землях Австро-Венгрии и как правило принадлежала австронемецкому или итальянскому (в Приморье) капиталу. В источниках неоднократно встречаются жалобы национальных деятелей на неудовлетворительное участие «третьего сословия» в движении. Положение менялось постепенно (раньше в Чехии, позднее в югославянских землях и т.д.).

Эта ситуация тормозила развитие политической жизни, а подчас и национального самосознания (особенно проповедь лояльности монарху), способствовало затягиванию ликвидации феодального порядка или его остатков, а следовательно, отрицательно сказывалось на процессе складывания наций. Однако нет оснований преувеличивать значение данного обстоятельства. В конечном счете, не политическая ориентация буржуазии, а сам объективный процесс ее формирования играл решающую роль в становлении наций. Без национальной буржуазии нет зрелой буржуазной нации.

Социальным слоем, относительно быстро проникавшимся национальным самосознанием, являлась городская мелкая буржуазия. Она рекрутировалась преимущественно из цеховых ремесленников и торговцев, из крестьянства и, наконец, мелкого дворянства. У народов с неполной социальной структурой на заре капитализма мелкая буржуазия вслед за духовенством и нарождавшейся светской интеллигенцией – основная «национальная среда», тогда как немногочисленные крупные торговцы, обычно связанные с международным рынком, в это время нередко денационализировались либо, как мы отметили, оставались равнодушными

* Иногда она осуществляла радикальную политику – сербская буржуазия в Воеводине в 1848-1849 гг., часть буржуазных идеологов в Чехии и Хорватии после 1867 г., часть польской буржуазии в национальных восстаниях 1830, 1848 и 1863 гг. Объективно в роли крайнего левого крыла буржуазной демократии выступали демократические группы.

к национальным проблемам. Мелкая буржуазия в ряде случаев (словенцы, словаки, румыны, западные украинцы, лужицкие сербы) – главная база национального возрождения, более того, база достаточная для этого этапа процесса формирования нации (в отличие от этапа последующего). Нередко мелкие собственники и особенно малоимущая среда питали устойчивые оппозиционные землевладельческой аристократии настроения, – считали последнюю анациональной силой, а нацию видели в «простом народе». Случалось, что последователи мелкобуржуазных идеологов, особенно студенты, участвовали (в качестве агитаторов) в крестьянских волнениях против помещиков и чиновников (особенно сборщиков налогов, шедших в казну «чужого» государства).

Вообще, интерес к собственной национальности был присущ тем общественным слоям, которые в условиях товарно-денежного, а затем капиталистического хозяйства (и связанного с этими условиями обострения социальных противоречий) видели в борьбе «за национальность» путь отстаивания своих социальных, экономических и политических позиций и интересов. Всякая «идея», в том числе национальная, бессильна вне рождающегося общественного «интереса». Относительно дворянства об этом уже говорилось. Для буржуазных и мелкобуржуазных кругов борьбы за национальность, первоначально хотя бы в форме движения за прогресс языка и культуры, в конечном счете означала отстаивание своих социальных интересов в выступлениях против феодальных привилегий, далее – интересов развития определенных рыночных и производственных связей в условиях чужеземного господства и инонациональной конкуренции.

Поскольку растущая мелкая и средняя торговая буржуазия и ремесленно-промышленные слои разных национальностей уже в первой половине XIX в. испытывали давление чуженациональной бюрократии, феодального государства, абсолютистских режимов, налогового прессы и, наконец, крупного, в Центральной Европе преимущественно немецкого, капитала (торгового и промышленного), они стали проникаться национальными настроениями. Мелкую буржуазию толкала к ним крайне неустойчивая социально-экономическая ситуация и стремление подняться в более «высокие» слои.

В этих условиях происходило оживление интереса к традиционной культуре горожан, широких слоев городского трудового люда и вместе с тем трансформация старой культуры в национальную культуру Нового времени. Хотя городское население в большинстве национальных областей Центральной Европы в начале процесса формирования наций было невелико (до 1/10 населения), именно город с его наиболее интенсивно развивавшейся социальной структурой нового общества стал очагом этого процесса.

Но как и в случае с классом дворянства, в городах, в буржуазной среде первенствующее место на раннем этапе формирования наций по степени «освоения» национального самосознания занимал достаточно узкий тогда слой образованных и «полуобразованных» людей – зарождающаяся интеллигенция и «полуинтеллигенция». Их ряды первоначально пополнялись в значительной (иногда даже преимущественной) мере из духовенства, поскольку духовное образование было наиболее доступно для выходцев из малоимущей мещанской и крестьянской среды. В конечном счете, основным резервом в процессе появления национальной интеллигенции являлась народная масса.

Интеллигенция занимала центральное место в национальном процессе, в условиях отсутствия собственной государственности ее деятельность в регионе Центральной Европы охватывала все стороны общественной жизни. Представляется приемлемым распространенное определение интеллигенции, как слоя общества, профессионально занятого умственным трудом (поставляющего обществу необходимые ему результаты умственного труда). Но нет оснований ограничивать это слой, формирующийся в эпоху перехода от феодализма к капитализму, лицами, для которых умственный труд являлся основным источником существования. Они составляли лишь часть интеллигенции, «трудовую» интеллигенцию (журналисты, юристы, актеры и др.), верхняя часть которой сближалась по образу жизни с буржуазией. Но интеллигентным трудом занимались и представители основных классов и слоев – дворянства (у поляков, венгров и хорватов), формирующейся буржуазии, реже – городского мещанства и еще реже – крестьян и рабочих. Немало интеллигентов имелось среди духовенства и чиновничества. В целом, интеллигенция, как общественный слой, порожденный капитализмом, состояла из различных профессиональных групп, специализированных в областях духовной и материальной культуры⁹.

Нам кажутся достойными внимания давно уже выдвигавшиеся критерии «интеллигентности», не совпадавшие с профессиональными рамками интеллигенции как прослойки. Речь идет не просто об уровне образованности и профессиональных занятиях, но об интересе к вопросам жизни общества, к жгучим проблемам, стоящим перед человеком, народом, человечеством. Такой интерес мог проявляться в различных формах – от художественного творчества или философии до политики. Это слой людей общественно-думающих, общественно-действующих (согласно определению русского дореволюционного публициста С. Елпатьевского)¹⁰. Именно искренняя общественная активность отличает интеллигентного человека от «мещанина» (последнее – не в смысле принадлежности к городскому сословию, а в отрицательно-оценочном значении среды, замкнутой на своих личных, узких, обывательских интересах)*. Таким образом, в среде «лиц интеллигентных профессий» (иначе – «интеллигенции» по этому формальному признаку) имелось немало людей в этом смысле «не интеллигентных», т.е. чуждых общественного интереса. Но творческая деятельность великих представителей национальных культур всегда имела общественную значимость. (Так, например, творчество Дж. Верди или Ф. Шопена, непосредственно не занимавшихся политикой, имело огромное значение не только для национальной культуры, но и освободительного движения, для самосознания итальянской и польской наций). Вообще доля лиц, общественно пассивных, в среде профессиональной интеллигенции была несравненно ниже, чем в основных классах.

На ранних стадиях развития структуры буржуазного общества доминирующее положение в интеллигентной среде занимала дворянская интеллигенция (где имелось национальное дворянство), интеллигентная же часть буржуазии была невелика в силу общего относительно низкого культурного уровня первых поколений буржуазии (в основном торговой и аграрной). В дальнейшем, в ходе исторического развития,

* Политическая электризация этого слоя нередко была связана с реальной или кажущейся угрозой его устоявшемуся быту.

общественная роль дворянской интеллигенции снижалась, тогда как рост числа интеллигентных буржуа находился в зависимости от эволюции социальной структуры общества. Так, например, чехи уже в 60-х годах XIX в. имели значительную группу такого рода, – представителем ее являлся, в частности, Ф.-Л. Ригер, банкир, идеолог, публицист, политический деятель, а у хорватов такая группа появилась в начале XX в., когда в Чехии уже сформировалась новая социальная категория – производственно-техническая интеллигенция, довольно значительная к тому времени.

Все более заметную общественную роль играла сельская интеллигенция, – мы имеем в виду прежде всего потребность зажиточного и среднего крестьянства в советах агрономов и зоотехников, в услугах ветеринарных врачей, в организаторах кооперативного движения. Крестьяне-фермеры посылали детей в сельскохозяйственные училища, а, случалось, и в академии. Сельские интеллигенты (нередко спервоначала – католические и протестанские священники), организуя кредитно-сбытовую и снабженческую кооперацию, постепенно вытесняли паразитов – ростовщика и скупщика урожая – и способствовали ускорению формирования все более широкого слоя продуктивных торговых хозяйств. Это был один из важных моментов сплочения нации. Сельская кооперация зародилась в Голландии, Дании, Бельгии, Англии, где со временем объединила всех сельских хозяев. Во второй половине XIX в. она стала распространяться в Центральной Европе, способствуя прежде всего развитию первоклассного хозяйства у немцев и чехов. В начале XX в. ее успехи отмечены у словенцев, затем у сербов и хорватов. Кстати, успешные шаги в этой области тогда же были сделаны и у нас в России, где действовали А. В. Чайнов и Н. Д. Кондратьев – интеллигенты, теоретики и практики кооперативного дела мирового класса.

Запоздалость и замедленные темпы развития буржуазного класса создавали условия для существования интеллигенции как особой социальной группы, слабо связанной с буржуазией и мелкой буржуазией. Слияние ее с этими основными классами ускорялось по мере подъема культурного уровня последних.

Таким образом, в эпоху складывания наций интеллигенция формировалась как весьма неоднородный по составу и взглядам слой, не только творивший национальную культуру, но и выражавший различные социальные и политические интересы, причем в наиболее последовательном, четком и систематизированном виде. При этом интеллигенты нередко выходили за рамки непосредственных интересов того или иного класса, стремились охватить национальный интерес в целом, понять судьбы нации. Несомненно поэтому некоторая (относительная) самостоятельность той или иной национальной идеологии.

Чтобы перечислить сферы активности интеллигенции в Центральной Европе, в сущности надо изложить всю историю национальных движений, развитие всех их форм – от ранних научно-просветительских кружков и издательской деятельности – до революционной борьбы и предпринимательской активности (последняя объективно занимала свое место в процессе формирования национальной общности и субъективно так и воспринималась буржуазной интеллигенцией; эта, казалось бы, совсем не идеологическая форма деятельности освящалась национальной идеологией, как дело первостепенной значимости для судеб нации).

Поэтому для национального процесса развитие интеллигентного слоя общества, как компонента структуры нации, имело огромное значение. Условием успешного развития интеллигенции было наличие системы среднего и особенно высшего образования на родном языке. В связи с этим, например, правящие круги Венгерского королевства настойчиво проводили мадьяризацию дела просвещения, препятствуя формированию словацкой и румынской (в Трансильвании) интеллигенции. В результате этого в 1918 г. имелось всего 20 учителей-словаков¹¹, тогда как в австрийской части государства чешские учителя насчитывались тысячами, функционировали чешские университет, высшее техническое училище и пр. Большое общенациональное значение приобрела польская интеллигенция Галиции, поскольку в Королевстве Польском царизм после 1864 г. проводил политику русификации, а в Познанщине осуществлялась германизация поляков.

У неполноправных народов, не имевших национального дворянства, общественное движение в ранний период складывания наций было представлено почти исключительно интеллигенцией, светской и духовной. Именно формирующаяся интеллигенция выражала в это время интересы общественного развития в сфере культуры, а затем и политики. В среде интеллигенции наиболее рано находили выражение и общественные противоречия нового общества. Но пока движение ограничивалось интеллигентной средой, ему были присущи слабость, зависимость от политики властей, нередко – стремление заручиться их поддержкой. (Иное дело, когда интеллигенция в период кризиса феодализма сразу выступала как выразитель общих интересов сильного класса дворянства).

В социально-историческом смысле рубеж, на котором в основном завершается формирование национальной интеллигенции, примерно совпадает со временем завершения процесса складывания наций вообще. Но в дальнейшем – это уже проблемы всего XX в. – получают особое значение тенденции, начавшиеся уже в изучаемую эпоху: в наиболее передовых странах интеллигенция в сущности начинает «поглощать» основные классы общества, культурные параметры которых, таким образом, претерпевают существенные изменения. В эпоху научно-технического общества конца XX в. интеллигенция все в большей мере становится основной структурной частью наиболее передовых наций. Будущее народов – возвышение до уровня «интеллигентных наций».

Но возвратимся к изучаемому периоду.

По мере созревания социальной структуры общества Нового времени интеллигенция многочисленными нитями все теснее связывалась с основными классами и социальными слоями общества. Только при учете этой связи появляется возможность понять характер ее деятельности в национальной среде, политическую ориентацию, социальные принципы.

Вообще не представители основных классов, а именно элементы общества, оказавшиеся за пределами основных классов и сословий («деклассированные»), буквально выбитые общественным развитием из основных классов часто становились носителями «национальной идеоло-

* В Королевстве Польском общественность создала подпольную сеть национальных учебных заведений. Это было воистину патриотическим делом.

гии» и национализма в его наиболее крайних формах*. Но хотя сами классы формирующегося буржуазного общества ввиду ряда причин (слабости, низкого культурного уровня, аполитичности) активно проявляют себя позднее, любая трактовка начального этапа становления национального самосознания и движения (вообще, формирования нации) как процесса, не связанного с глубинными социальными сдвигами, а только с деятельностью образованных кругов не является убедительной¹².

По мере развития буржуазии имущая интеллигенция становилась органической частью ее разных слоев не только в том смысле, что она идеологически обслуживала их интересы, но и посредством прямого участия в капиталистических производственных отношениях. Правда, «умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»¹³. Но связи «умов» с «телом» становились все более и более видимыми.

О том, что в ходе национальной консолидации господствовал «интерес», свидетельствует отбор этнических традиций, который осуществлялся представителями каждого социального слоя; национальное самосознание поэтому всегда приобретало определенную социальную окраску. В прошлом своего народа имущее и малоимущее дворянство, купечество, сельская масса и рабочие находили разные ценности, и лишь постепенно, по мере дальнейшей консолидации нации сфера общенациональных исторических ценностей расширялась – формировалась национальная культура.

Если у народов с полной феодальной структурой национальные идеи прежде всего быстро распространялись среди дворянства, приобретая при этом весьма пеструю социальную окраску, то у остальных народов их распространение связано с постепенным развитием мелкой и средней буржуазии (словенцы, словаки, сербы, румыны, украинцы). В обоих случаях ведущей силой национального движения раньше всего становился тот общественный слой, перед которым вставала задача защиты своих социальных интересов в условиях товарной, а затем капиталистической экономики. Обычно именно торговая среда была не только носителем, но – в условиях, когда средства массовой информации были слабыми (периодическая печать лишь зарождалась, а цензура ставила ей разнообразные препоны) – и непосредственным распространителем национальных идей. В начале XIX в. эти идеи разносились вместе со сведениями о событиях в окружающем мире (так, во время Великой Французской революции торговцы привозили в Австрийскую монархию французские листовки, пропагандировавшие идеи народного суверенитета, борьбы против абсолютизма и феодализма)¹⁴.

Хотя у народов, не имевших дворянства, крестьяне, противостоявшие инонациональным помещикам, казалось бы должны были раньше начать прислушиваться к национальной пропаганде, в большинстве случаев этого не произошло, поскольку в Центральной Европе национальная интеллигенция, духовная и светская, в конце XVIII в. – первой половине XIX в. придерживалась в своем большинстве умеренных просветитель-

* Это относится как к началу процесса складывания нации, так и к его завершающему этапу и, более того, проявляется в кризисные периоды общественного развития зрелых, сформировавшихся наций (националистическая активизация маргиналов, усматривающих в этой активности способ своего самоутверждения).

ских взглядов. Это было связано с политической умеренностью сформировавшейся национальной буржуазии (по преимуществу торгово-ростовщической и землевладельческой). Радикальные социальные идеи в связи с идеями национальными обычно раньше стали пропагандироваться в среде народов с полной социальной структурой, так как именно дворянская интеллигенция (как уже отмечалось) на первых порах была рассадником радикализма вообще.

Было бы необоснованным считать, что если нации формировались в процессе смены феодального строя буржуазным и в ходе антифеодальной борьбы, то чем более прогрессивную в социальном плане позицию занимал тот или иной класс, тем скорее он проникался национальными идеями. В действительности интенсификация этничности, выработка национальных взглядов и программ были связаны с множеством обстоятельств и факторов, в основе которых всегда находились социальные интересы, в конечном счете, интересы экономические. Защита этих социальных интересов, когда она направлялась против более развитой иностранной буржуазии (в Центральной Европе это по преимуществу немецкая буржуазия), имела противоречивое содержание – ей были свойственны как консервативные, так и прогрессивные черты. В Центральной Европе, наиболее активно в сфере национальной на первых порах выступали те слои, которые были связаны с товарным хозяйством (дворянство, мелкая буржуазия, но не крестьянство и рабочие). При этом в конечном счете как господствующий пробивал себе путь интерес торговой, аграрной и, наконец, промышленной буржуазии.

Национальное возрождение могло иметь место в этнической среде с неполной структурой буржуазного общества, т.е. при отсутствии национальной буржуазии. Это подтверждает история лужицких сербов, где национальное возрождение состоялось при наличии мелкой буржуазии и крестьянства. Но последующее развитие, т.е. завершение процесса складывания нации в этих условиях было невозможным, поскольку отсутствовал один из ее важнейших социальных компонентов – национальная буржуазия. Именно нация, национальная общность, обеспечивавшая относительную устойчивость буржуазной социальной структуры, создавала необходимые для буржуазии условия успешной хозяйственной и политической деятельности.

Как уже отмечалось, у народов, имевших дворянство, после ликвидации феодального порядка постепенно создавался дворянско-капиталистический слой, в котором (в бытии и в сознании) переплетались как дворянские, так и буржуазные компоненты. Обычно этот слой был носителем консервативно-реформистских и растущих умеренно-либеральных тенденций, поскольку вся эта дворянско-буржуазная амальгама эволюционировала в буржуазном направлении, переживала процесс модернизации.

Связь национального самосознания с социальным интересом наглядно прослеживается на примере национальной ориентации словацкого мелкого дворянства (земанства) в XIX в. В средневековье сословная принадлежность земанства автоматически подключала его к «нации хунгарика». Когда же, с развитием капитализма, возникла проблема сохранения социальных позиций мелкого дворянства, большинство земанства относительно быстро мадьяризовалось, и лишь некоторые его представители включились в процесс словацкого национального возрождения.

Социальные связи в рамках класса-сословия оказались в данном случае более важными, чем этнические связи (язык) с окружающим словацким крестьянством. Подобной была и судьба части мелкого украинского дворянства в Галиции: оно полонизировалось, хотя для этого, в отличие от Словакии, была необходима перемена вероисповедания (переход из униатства в католичество).

Там же, где ориентация на привилегированную нацию не сулила преимуществ, по крайней мере, часть имущих слоев присоединялась (в этническом плане) к массе местного населения (пример Далмации уже приводился). Итак, решающими во многих случаях оказывались не традиции, даже не этническое происхождение и язык, а социальные устремления.

Что касается рабочих, то они были заинтересованы в национальной свободе, национальном равноправии, присущем демократии, в устранении при найме дискриминации по языку, религии и пр. По мере развития их социального самосознания рабочие сплывались в своих организациях в общенациональном масштабе, а в полиэтничных государствах – в интернациональные организации, что отвечало интересам рабочего движения. Более того, часть рабочих разных государств тяготела к международной взаимопомощи. Формирование национального рабочего класса объективно являлось одним из основных факторов процесса складывания наций¹⁵.

Наконец, укажем, что формирование национального самосознания – от элементарного осознания принадлежности к данному народу до активности во всех сферах национальной жизни (от развития языка и культуры до экономики) было сложнейшим историческим процессом, включавшим заботу о судьбе родного народа и отечества, борьбу за их свободу, процветание и достойное место среди других народов. Но этим процесс не ограничивается. Социальные, геополитические и др. интересы разных слоев на историческом этапе формирования капиталистическо-индустриального общества питали не только тенденцию развития связей между народами, но и отчуждения (конкуренция) между ними. Последняя определялась как отмеченными реальными причинами, так и предубеждениями, предрассудками, подчас насаждавшимися в массах «сверху» (выгодный верхам или их части реакционный национализм), а иногда основанными на традициях средневековой эпохи. Две тенденции существовали в органической взаимосвязи, как две стороны медали. Несомненная связь национализма с определенным «интересом» (аристократии, буржуазии, бюрократии, мелкой буржуазии, части рабочих). Пример Западной Европы, народы которой веками враждовали друг с другом, а во второй половине XX в. быстро («мгновенно» *sub specie aeternitatis*) перешли к тесному сотрудничеству, подтверждает тезис о решающем значении для этого социально-экономического фактора (хотя он не является единственным). Центральная Европа следует в том же направлении, стремясь наверстать упущенное. Те же стремления проявляются на Востоке и Юго-Востоке континента.

В заключительной части монографии рассмотрим пример процесса формирования нации, развивавшейся в относительно неблагоприятных условиях, а именно словенцев.

* * *

Формирование словенской нации – классический пример процесса у народа с «неполной» социальной структурой

Формирование словенской нации* является классическим примером этого процесса у небольшого («малого») народа с неполной структурой феодального общества (отсутствовало национальное дворянство). Словенцы как народ не располагали ни административно-политической (как хорваты), ни культурно-церковной (как сербы в Австро-Венгрии) автономией**, в начале XIX в. их этническая территория была раздроблена между австрийскими провинциями, часть ее входила в состав Венгерского королевства (Прекомурье). Только Крайна (с центром в Любляне) была почти сплошь словенской по составу населения, в Приморье имелось южнославянское большинство (хорваты и словенцы), в Штирии и Каринтии словенцы составляли третью часть жителей. В 1866 г. с Италией воссоединилась Венецианская область, и местные словенцы в дальнейшем не участвовали в процессе складывания словенской нации, постепенно ассимилируясь. Всего словенский народ в середине XIX в. насчитывал 1,2 млн. человек¹. К благоприятным обстоятельствам можно отнести географическую компактность этнической территории и компактность самого населения², а также относительно широкое, уже в XVIII в., развитие здесь буржуазных отношений.

На политическом сознании словенцев сказалось то, что они на протяжении тысячелетия входили в состав земель под немецкой (в небольшой части – венгерской и итальянской) властью, словенской политической традиции не было; городское население говорило по-немецки или было двуязычным, с развитием торговли (примерно с XVI в.) в городской среде распространялся и итальянский язык.

Основы национальной культурной традиции (если не считать фольклора) были заложены во время Реформации XVI в., когда действовал просветитель Примож Трубар и более десяти других авторов, писавших на словенском языке. Возникла словенская протестантская церковь, которая, однако, охватывала не всю этническую территорию. Только в Крайне протестантское богослужение велось на немецком и словенском языках.

* Эта тема освещалась в статьях И. В. Чуркиной (см. Примечания).

** Словенцы – католики, так же, как их соседи – итальянцы, австрийские немцы и хорваты, а также подавляющее большинство венгров.

Начало издательской деятельности на словенском языке относится к 1550 г., когда Трубар напечатал (в Германии) «Букварь» и «Катехизис». Вскоре в своих изданиях он перешел с готического шрифта на латинский. Всего Трубар опубликовал около 25 словенских книг. «Из любви к родине» Ю. Далматин перевел на словенский язык библию (1584 г.), а А. Бохорич – создатель словенской азбуки и грамматики – издал свой труд на латыни.

С 1550 по 1595 гг. публикаторская деятельность сторонников словенской реформации была обширной: хотя протекала она в Германии, книги, несмотря на преследования властей, распространялись по всей словенской территории. В 1575-1580 гг. действовала и протестантская типография в Любляне. Реформация заложила основу словенского литературного языка. Протестанты, поддержанные некоторыми дворянами, основывали словенские школы.

В Крайне, как и в других землях, господствовало провинциальное сознание и существовал этноним «крайинцы», сохранявшийся и в XIX в. Так же называли словенцев их соседи хорваты. В Штирии и Каринтии провинциальные наименования не могли получить значения этнонима, поскольку большинство населения здесь было немецким. Местных словенцев немцы называли «вендами» вплоть до XIX в., тогда же сами словенцы не различали понятия «словенец» и «славянин». Деятели Реформации в этой ситуации писали «крайинцы и словенцы» и (ввиду наличия областных диалектов) «краинский и словенский языки», что свидетельствует об отсутствии у них полной ясности в вопросе об этнической общности словенцев, хотя такое сознание все же имело место³. Областное самосознание сохранялось примерно до третьей четверти XIX в., так как в Крайне еще писали «наши братья хорваты и словенцы».

С конца XVI в. контрреформация остановила развитие словенской литературы, хотя католическая церковь постепенно расширяла применение словенского языка. С 1615 по 1672 г. не было издано ни одной словенской книги, а позднее они выходили редко и предназначались только для духовенства. Все же культурная традиция прервалась не полностью: священники были вынуждены пользоваться переводом Библии Далматина и грамматикой Бохорича. От XVIII в. сохранилось немало рукописей на словенском языке, а в середине этого столетия появляются словенские календари для крестьян.

В XVII в. пробуждается интерес к родному краю. Наиболее значительным литературным памятником краеведения той поры было немецкое сочинение Й. В. Вальвасора «Слава герцогства Крайны» (1689 г.), содержащее описание истории, хозяйства, архитектуры, этнографические данные и др. Здесь же была помещена ода на словенском языке в честь этого труда.

XVIII век ознаменовался интенсивным развитием торговли на Адриатике, расширением контактов Вены с морскими портами, на пути к которым находились словенские земли. На первое место среди портовых городов быстро выдвинулся Триест, расположенный на рубеже словенской и итальянской этнической территории и ставший главным портом государства. Триест оказывал влияние на хозяйство всех словенских земель, в частности на развитие здесь гужевого (а позднее железнодорожного) транспорта.

Оживилось горное дело, плавка металлов, лесобработка, производство стекла, полотна, разнообразных изделий из железа (от иглодок до

ружей) в небольших мануфактурах, все шире распространялась рассеянная мануфактура и раздача работы кустарям. 28% вывоза через Триест составляли изделия из Крайны. Словенцы уходили наниматься на крупные мануфактуры («фабрики») Триеста, которых в 1792 г. насчитывалось 64⁴. В начале XIX в. здесь появились паровые машины: в 1819 г. был установлен первый паровой котел на мельнице. К 1848 г. в Словении их насчитывалось уже 25.

В течение XIX в. словенская буржуазия заняла заметное место в торговле, особенно внутренней, тогда как в промышленности словенский капитал даже к XX в. составлял не более 10% всех капиталовложений в Словении.

Социально-экономический подъем XVIII столетия выдвинул на первый план австронемецких и итальянских купцов и предпринимателей, в том числе из местных помещиков. В связи с этим все большее распространение в обществе получили немецкий и итальянский языки. Политика правительства, направленная на германизацию управления и культуры, также способствовала оттеснению словенского языка в хижину крестьянина, ограничению сферы его применения. Между тем еще в первой половине XVIII в. словенским языком владели многие дворяне. В 1750 г. в Крайне судьи большинства городов приносили присягу на словенском языке⁵. Однако и позднее среди духовенства немало лиц считало родным словенский язык.

Обязательное изучение словенского языка в начальных сельских школах было введено указом 1774 г., в связи с чем началась подготовка учебников. Целью этой меры властей была подготовка детей к изучению немецкого языка.

Именно в то время, когда национальное будущее словенцев представлялось современникам в мрачном свете, началось словенское национальное возрождение. В 1768 г. монах М. Похлин (1735-1801), выходец из горожан Любляны, издал «Краинскую грамматику»; он призывал не поддаваться германизации и выступал за развитие национальной литературы на родном языке. (Похлин еще считал себя краинцем.) Его ученик Й. Закотник записывал народные песни. В 1779-1781 гг. последователи Похлина опубликовали три сборника стихов светского содержания – «Писанице». Тогда же в Каринтии О. Гутсман издал грамматику словенского языка (1777 г.) и заявлял о стремлении писать так, чтобы его понимали не только в Каринтии, но и в Штирии и Крайне. В 1789 г. он опубликовал немецко-словенский словарь.

Итак, к 80-м годам XVIII в. в национальном самосознании ведущих представителей словенских образованных кругов происходил знаменательный процесс. Сохраняя черты областнического, оно перерастает в общесловенское. Вместе с тем ему были присущи представления об южнославянской и славянской общности. Последнее было характерно для формирующейся интеллигенции всех славянских народов.

В 90-е годы XVIII в. действовал словенский просветительский кружок барона Сигизмунда Цойса, землевладельца и предпринимателя итальянского происхождения. Цойс финансировал первую словенскую газету «Люблянске новице» (1797-1800 гг.), которую редактировал педа-

* Так деятели национального возрождения стали называть словенскую этническую территорию примерно с 30-х годов XIX в.

гог Валентин Водник, первый словенский крупный поэт Нового времени. Член кружка Цойса чех по происхождению Антон Линхарт в 1790 г. написал словенскую пьесу «Веселый день» (по мотивам Бомарше), а в своем «Опыте истории Крайны и других южных славян Австрии» (1789, 1791 гг.; на нем. яз.) утверждал, что словенцы являются единым народом.

Стимулом для углубления словенского национального самосознания стало существование Иллирийских провинций (1809-1913 гг.), созданного Наполеоном государства, подвластного Французской империи. В состав Иллирийских провинций вошла большая часть словенской и часть хорватской территории. Здесь было введено гражданское равноправие, отменены судебные функции помещиков, расширено преподавание в школах на словенском и хорватском языках, в Задаре (Далмация) выходила южнославянская газета. В Любляне французские власти учредили высшую школу, в связи с чем австрийцы в 1812 г. открыли в Граце (Штирия) кафедру словенского языка. Поэт В. Водник сотрудничал с французскими властями, воспевал «воскрешение Иллирии», т.е. политическое объединение словенских земель, создавал учебники на словенском языке. Все эти события в дальнейшем ускорили созревание идеи о необходимости объединения и автономии Словении.

После восстановления власти Габсбургов в словенском обществе идейно господствовали консервативно-реформистские круги, преобладающее влияние в среде которых принадлежало духовенству. Даже сопротивление германизации и деятельность по распространению в обществе словенского языка они аргументировали необходимостью воспрепятствовать влиянию немецкого либерализма и укреплять верность монарху. Но хотя интеллигенцию преимущественно представляло духовенство, большинство выдающихся деятелей того времени были из светской среды⁶.

Дальнейшему развитию национального самосознания словенцев способствовала филологическая школа Е. Копитара. Еще в 1809 г. в «Грамматике славянского языка Крайны, Каринтии и Штирии» он доказал, что несмотря на ряд диалектов существует единый словенский язык, подтвердив тем самым мысль Линхарта о едином словенском народе. В 1817 г. в Люблянском лицее была учреждена кафедра словенского языка.

В 30-е годы в Словении возникла небольшая группа прогрессивных литераторов во главе с замечательным поэтом Франце Прешерном (1800-1849). Этот кружок издавал альманах «Крайнская пчелка» (1830-1834). Прешерн, сочувствовавший трудовому люду, мечтал о наступлении новой свободной эпохи, утверждении национального равноправия. Своим творчеством он доказал, что на словенском языке можно создавать не только примитивные «поучительные» произведения для «простого народа» и прославлять императора, как это делали консерваторы, но и высокую поэзию. Произведения поэта уничтожались церковью. Велика заслуга группы Прешерна в создании словенского литературного языка, единого правописания и нового алфавита. При этом писатели опирались на наследие реформаторов XVI в., вместе с тем обогащая язык элементами разных диалектов Словении⁷. Кроме этого в течение XIX в. словенский язык усиленно пополнялся терминами, заимствованными из чешского, русского, польского и хорватского.

Член кружка Прешерна М. Чоп выступил с призывом вводить родной язык в культуру и науку. В 1836 г. Я. Циглар опубликовал первую

словенскую повесть. В 1845 г. на словенском языке вышло в свет первое исследование – «История Штирии» А. Кремпля, проникнутая интересом к жизни крестьян⁸.

И все же это движение вплоть до революции 1848 г. в основном включало в свои ряды формирующуюся интеллигенцию, оно едва начало проникать в торгово-ремесленную среду, которая, хотя уже ощущала конкуренцию «немецкой» промышленности, весьма медленно приобщалась к социальной активности. Подспудному созреванию национального самосознания способствовал рост товарообмена между городом и деревней и уход крестьян в города.

Школу в то время посещали главным образом дети горожан и зажиточных крестьян. «Языком преподавания был немецкий, а с крестьянскими детьми, говорившими только по-словенски, учитель также говорил по-словенски. Мы – горожане, – вспоминал о предреволюционной поре один из деятелей национального движения в Штирии, выходец из семьи зажиточного ремесленника, – в своем большинстве приходили из дому уже со знанием немецкого. Дома мы уже давно говорили между собой по-немецки, но знали и словенский. Но мы не ощущали себя ни немцами, ни словенцами, так как о народности вообще никто не думал до 1848 года, и язык для нас был лишь средством понимать друг друга»⁹.

Все же в словенской среде в 40-х годах созревало либеральное течение, среди части которого получили популярность идеи хорватского иллиризма. В языковом сближении, в слиянии с остальными южными славянами М. Маяр и другие словенские иллиры видели выход из, как им казалось, безнадёжного противостояния самих словенцев мощным соседям. В 30-40-х годах XIX в. в Германии распространялись идеи общего рынка «Срединной Европы» под господством Великой Германии. При этом вплоть до 1918 г. немецкая буржуазия не сомневалась в неизбежности германизации территории вокруг Триеста; в этих планах малому народу – словенцам здесь не было будущего, и иллиры видели в югославизме единственную надежду. Маяр даже проповедовал создание общеславянского языка. Иллиры способствовали преодолению локального самосознания в отдельных землях, но их идеи в целом встретили критику со стороны Прешерна и не укоренились в Словении. Процессу складывания нации вполне соответствовали иные взгляды – идеи равноправного сотрудничества и взаимопомощи южных славян, сформулированные в 1848 г.¹⁰.

Не задававшийся далеко идущими планами немало сделал для стимулирования национального процесса Янез Блейвейс (1808-1881) – политически весьма умеренный и лояльный режиму ветеринарный врач и землевладелец. С 1843 г. он издавал газету «Кметийске ин рокоделске новице» («Сельские и ремесленные известия»), которая распространялась по всем словенским землям (преимущественно среди сельского духовенства). Газета пропагандировала знания по агрономии, гигиене и т.д., добивалась расширения преподавания словенского языка, способствовала его стандартизации. Ее тираж в 1843 г. составил 1000 экз., в 1848 г. – 1800 экз.

Решающий толчок формированию словенской национально-политической программы дала революция 1848 г. Уже в марте М. Маяр предложил ввести словенский язык в школы и учреждения на территории Словении. Вскоре он призвал словенцев разных земель считать себя единым народом, – их еще приходилось убеждать в этом¹¹. 20 апреля

1848 г. возникшее в Вене литературное общество «Словения» выдвинуло программу объединения всего словенского народа в рамках конституционной Австрийской империи в «особое королевство Словения с собственным представительным собранием» и официальным словенским языком. Выдвигалось и требование учреждения словенского университета. В дальнейшем в Словении приобрела популярность идея создания в пределах федерализованной империи южнославянского, т.е. хорватско-сербско-словенского, государства при сохранении в его составе автономной Словении.

Программа Объединенной Словении свидетельствовала о прогрессивных сдвигах в сознании передовой интеллигенции. Ее осуществление стало целью ряда поколений, но широкую поддержку она приобрела только в периоды общественного подъема: в 60-е годы XIX в., в начале XX в.

В 60-х годах в национальное движение втягивались широкие слои города и деревни. Расширение базы национального движения и поддержка его общественностью сказались на развитии разного рода национальных организаций – от экономических до спортивных. Политическая и культурная деятельность в 60-х годах первоначально сосредоточилась в читальнях (клубах). В 1861 г. читальни возникли в Триесте, Мариборе, Любляне и Целе. В 1869 г. их насчитывалось уже 57, в том числе кое-где в селах, а число членов, по-видимому, превысило 4 тысячи человек. В конце XIX в. было примерно 80 читален. В основном их посещали представители средней и мелкой буржуазии (ремесленники, торговцы). В читальнях имелись газеты и журналы, устраивались лекции, концерты, танцы. Но словенский язык утверждался здесь лишь постепенно¹².

В 60-х годах центром культурной и политической жизни стала Любляна. В 1863 г. здесь было основано общесловенское спортивное общество «Южный сокол», в 1864 г. – Словенская матица, приступившая к изданию научных и популярных книг на словенском языке, в 1866 г. – Драматическое общество – предшественник Национального театра.

Все эти организации утверждали словенское национальное самосознание, причем уже обнаружились различия в его понимании между либералами («младословенцами») и консерваторами («старословенцами»). В 1863 г. появился либеральный политический журнал «Напрей» («Вперед»), выходивший под редакцией писателя и литературного критика Франа Левстика. Это издание сугубо светского и югославистского направления смогло однако продержаться лишь менее года. Издатель журнала М.Вилхар был арестован за статью, в которой возродил требование Объединенной Словении.

В Каринтии в гор. Целовце, фактически уже немецком Клагенфурте, в 1865-1867 гг. священник А.Эйнспилер издавал журнал «Словенец», который при всей своей умеренности приобрел значимость уже тем, что публиковал авторов из всех словенских земель.

В 60-х годах в Австрии начали функционировать ландтаги и рейхсрат. На результатах избирательной борьбы сказался процесс постепенной консолидации словенской нации. Выборы в ландтаги имели немалое значение, так как формируемые ими земельные управления, в частности, ведали школьным делом, хотя и подчинялись министерству в Вене. Словенское национальное движение первоначально добилось больших успехов в сельских районах. Даже в Крайне в более значительных городах

преобладала австронемецкая буржуазия. (Так, магистрат Любляны перешел в руки словенцев только в 1882 г.). В 1867 г., несмотря на курьезную систему выборов, предоставлявшую большие привилегии помещикам и верхам буржуазии (те и другие были немцами), словенцы получили большинство в ландтаге Крайны.

Современники расценили этот успех как событие исторического значения. Спустя столетия местная власть стала словенской. «Теперь, писала либеральная газета, мы можем свободно дышать и смеем сказать, что словенский народ действительно существует... что мы не просто этнографическое понятие»¹³. Действительно, можно считать, что в Крайне возник, хотя и весьма скромный, элемент национальной государственности. В 1867 г. словенский язык получил здесь статус одного из двух официальных языков, на котором чиновники были обязаны вести дела с гражданами.

В общем и целом состояние словенского общества в 60-х годах XIX в. позволяет считать, что словенское национальное возрождение в это время завершилось.

Однако вне Крайны, в других землях, национальная ситуация была трудной. Хотя австрийская конституция 1867 г. признала принцип национального равноправия, в землях, где словенцы были в меньшинстве, равноправие языков в учреждениях и школах достигнуто не было. За каждую школу словенцам приходилось бороться, а возможности создания словенских гимназий были незначительными вплоть до 1918 г. Первая словенская гимназия была создана епископством в Крайне в 1905 г., а единственная государственная словенская гимназия накануне мировой войны имела в Горице (Приморье)¹⁴. В нескольких гимназиях словенский язык преподавался факультативно. Языками учреждений являлись немецкий и итальянский, но нередко гражданам отвечали и по-словенски.

Для сохранения родного языка, развития национальной культуры и самосознания, для противодействия итальянизации и германизации в 1885 г. по инициативе священника И. Верховника было основано Общество Кирилла и Мефодия (в 1914 г. оно имело 265 отделений с 17 тысячами членов). Общество создавало словенские школы, противостояло деятельности аналогичных немецкой и итальянской организаций.

Условия национальной борьбы, как и в ряде других районов Австро-Венгрии с этнически смешанным, в особенности двуязычным населением, способствовали складыванию напряженной националистической атмосферы, в которой «национальные агитаторы» стремились привлечь на свою сторону людей без четкого сознания этнической принадлежности. Шла борьба «за душу» каждого человека*.

Ввиду относительно развитой (среднеразвитой в масштабах Австро-Венгрии) экономики словенских земель и самоотверженной деятельности учительства словенцы по степени грамотности (до 4/5 населения) к концу XIX в. оказались на четвертом месте среди народов государства, ус-

* Словенский общественный деятель вспоминал, что в Словении в государственных школах преподавали «наряду со словенцами немцы, чехи и немшкитары (онемеченные словенцы. – В. Ф.). Случалось, что один воодушевлял нас словенством и славянством вообще, другой убеждал стать немцами, поскольку в мире считаются только с ними... Всякая должность в школе – профессора, учителя или простого работника была объектом ожесточенной национальной борьбы»¹⁵.

тулая только немцам, чехам и итальянцам (но впереди венгров, поляков и др.), что, конечно, не могло не сказаться на прогрессе национального самосознания.

В Штирии и особенно в Каринтии во второй половине XIX в. заметные размеры приобрела ассимиляция – германизация словенцев, в Триесте – итальянизация. Это было связано с развитием экономики, приводившим к оттоку словенцев-рабочих (вчерашних крестьян) из аграрных районов на заводы и фабрики в более передовые немецкие и итальянские районы, а также с целенаправленным давлением буржуазии привилегированных наций, немецкой администрации предприятий и железных дорог.

В Триесте итальянизация прекратилась в начале XX в., накануне войны, когда сказались прогрессивные изменения в социальной структуре словенского населения крупнейшего австрийского порта, – здесь значительно упрочила свои экономические и политические позиции словенская буржуазия, а население Триеста росло в основном за счет его словенской округи¹⁶. Численность словенцев в городе превысила пятидесяти тысячное (1910 г.) население Любляны, бесспорного центра словенской экономической, политической и культурной жизни. В Приморье в целом этнические и политические позиции словенцев также постепенно упрочивались¹⁷.

В Каринтии, южная (словенская) аграрная часть которой экономически тяготела к северу, социальная структура словенского этноса оставалась отсталой, крестьянской. Не случайно здесь, в отличие от других земель, не создалось словенской либеральной политической группировки, всюду представлявшей промышленные и часть банковско-торговых кругов. Города сохраняли немецкий облик. Во второй половине XIX – начале XX в. численность словенского населения уменьшилась (сказалась значительная эмиграция бедноты)¹⁸. Местные власти пресекали попытки расширить преподавание в школах словенского языка (в Каринтии имелось три словенские начальные школы), школьников наказывали за разговор по-словенски даже вне школы, и германизация продолжалась вплоть до развала монархии Габсбургов. Но немецко-словенская этническая граница в XIX – начале XX в. лишь немного сместилась на юг, в основном в районах городов Клагенfurта и Филлаха (слов. Целовец и Беляк). В Прекмурье (в Венгрии) вообще не было словенских школ.

В отличие от Южной Каринтии словенская Южная Штирия была в торговом отношении тесно связана с Крайной и Хорватией (не случайно именно здесь еще в 40-х годах XIX в. получил влияние иллиризм). В Штирии наблюдался отток крестьян в города, но только в малых городах позиции словенцев укреплялись. Итак, перспективы национального развития словенцев наименее благоприятными были в Каринтии¹⁹.

От главной железнодорожной магистрали Цислейтании Вена-Триест в 60-80-х годах XIX в. были проложены ответвления в разные области Австрии, вместе с тем они связали между собой словенские земли и тем самым ускорили развитие внутринациональных экономических связей. Однако по своему абсолютному уровню эти связи не приобрели значительного масштаба и национальный промышленный рынок оставался слабым.

Несмотря на замедленные темпы социально-экономического развития во второй половине XIX в. Словения оставалась наиболее передовой в

этом отношении областью из всех южнославянских стран (в начале XX в. здесь насчитывалось промышленных рабочих больше, чем во всех областях, позднее вошедших в состав Югославии, вместе взятых). Встречая большую конкуренцию в промышленной сфере, словенская национальная буржуазия с 60-х годов XIX в., особенно в конце XIX в. – начале XX в., значительно усилилась в банковско-кредитной области и торговле, в сберегательных кассах и – в 1900-х годах – в сельской кооперации. Накануне мировой войны насчитывалось свыше 500 сельских кредитно-сбытовых и снабженческих кооперативов. «Союз югославянских кредитно-сберегательных касс», возникший в 1883 г., в преддверии войны 1914 г. имел сеть своих членов-филиалов по всей территории Словении. Кассы и банки стали основателями ряда промышленных предприятий.

В 90-х годах XIX в. оформились две буржуазные и социал-демократическая партии. Либеральная партия возглавлялась группой Люблянско-го банка (1900 г.)*, созданного при участии чешского капитала, и триестинского Адриатического банка (1905 г.). Партия, пользовалась относительно небольшим влиянием в народе. Клерикальная партия (с 1905 г. – Словенская народная партия) была значительно более мощным объединением. Ее левое, христианско-социальное, крыло во главе с Я. Креком опиралось на созданную им сеть сельской кооперации и христианские профсоюзы, а правое – во главе с И. Шуштершичем представляло часть банковской буржуазии и по преимуществу аграриев. В 1910 г. клерикалы основали Краинский банк, находившийся под контролем земельных властей.

В 1910 г. в Словении (в границах ее нынешней территории) насчитывалось 86 тыс. промышленных рабочих, в огромном большинстве словенцев (среди квалифицированных рабочих было много немцев); кроме того, в Триесте – 41 тыс. рабочих²⁰, в основном словенцев и итальянцев. Все сказанное свидетельствовало о процессе консолидации словенской буржуазии и рабочего класса в общенациональном масштабе.

Характерно, однако, что, как и либералам, словенским социал-демократам не удалось закрепиться в Каринтии, где из словенских партий действовали только клерикалы²¹. Это свидетельствовало о застойном характере этносоциальной структуры словенского населения (население большинства городов не росло или даже уменьшалось) и ограниченности национального самосознания. Незначительной была также национальная активность в Прекмурье.

Тем не менее, можно считать, что словенская нация в основном сформировалась накануне первой мировой войны. При этом незащищенность словенского народа перед лицом германизаторских устремлений порождала среди части национальной интеллигенции либо пессимистические настроения и уступчивость политике онемечения – нередко с корыстной целью (так называемое немшкуртарство), либо радикализацию югославистских тенденций – планы политического объединения с другими южнославянскими землями в составе империи или вне ее.

Другим фактором, побуждавшим словенцев к югославянскому единению, являлась экспансия Италии во время войны 1914-1918 гг., особенно в период развала монархии Габсбургов.

* Он имел филиалы в Триесте, Горице, Целе, Клагенфурте, а также в Далмации (Сплит) и Боснии (Сараево).

Возникновение Югославского государства в 1918 г. положило конец германизации и устранило угрозу этническому будущему словенцев, однако часть их территории была захвачена Италией и освобождена лишь во время войны 1941-1945 гг. Словенцам удалось достроить систему просвещения и науки на родном языке: были учреждены гимназии, в 1919 г. – Люблянский университет, в 1938 г. – Словенская академия наук и искусств. Все это имело важное значение для упрочения нации. После победы над немецкими и итальянскими фашистскими захватчиками в составе ФНРЮ была создана Н. Р. Словения (позднее – Социалистическая республика). Однако национально-политическое развитие после 1918 г. и после 1945 г. было преисполнено конфликтов. Возникло и укреплялось стремление к национальному суверенитету (еще в первой половине XX в. этого стремления не было ввиду опасения перед сильными соседями, но в настоящее время в Центральной Европе нет угрозы агрессии со стороны сильных государств): независимая Республика Словения была провозглашена в 1991 г.

* * *

ВЫВОДЫ

Среди разных критериев типологизации процесса формирования наций наиболее существенными являются два: принадлежность народа к определенному региону и социальная структура народа «на старте» процесса (так называемые полные и неполные структуры). В конечном счете, имеются в виду стержневые, системообразующие условия региона. Но не следует преуменьшать значение иных названных в монографии критериев. Последние вообще тесно связаны и в каждом конкретном случае составляют неповторимое единство.

Каждому региону Европы присуще особое соотношение критериев типологизации национальных процессов. Это дает возможность сравнивать различные регионы.

Периодизация процесса формирования наций определяется этносоциальным развитием народов, формированием национальных культур и самосознания. При более благоприятных условиях (целостность национальной территории) сознание принадлежности к данному народу достигает более или менее значительного уровня уже на стадии феодальной народности, особенно накануне возникновения буржуазных связей – на основе развития простого товарного производства и рынка.

Понятие «национальное возрождение» (или «пробуждение») применимо в основном к народам с неполной этносоциальной структурой позднефеодального общества. Время достижения процессом формирования наций стадии зрелости определяется уровнем социального, политического и культурного развития народа, складыванием гражданского общества.

Роль разных социальных слоев в национальном процессе определяется не только их местом в общественном производстве (данный момент мы рассматриваем как важнейший), но и активностью в политической и культурной сферах.

Наконец, история словенского народа свидетельствует о том, что и при весьма неблагоприятных «стартовых» условиях во второй половине XVIII в. этносоциальная динамика, даже относительно замедленная, обеспечила процесс становления наций.

* * *

Примечания

Введение

1. **Исламов Т. М.** От «нацио хунгарика» к венгерской нации // *У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 1984. С. 42.
2. **Бромлей Ю. В.** Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С.32-33; **Он же.** Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.74.
3. **Smith A. D.** National Identity. London, 1991. P.14.
4. **Ibid.** P.69.
5. **Ibid.** P.14, 40. В труде приведены материалы дискуссий по проблеме «нация» в западной науке.
6. **Геллнер Э.** Нации и национализм. М., 1991. С.126. *Подробное рассмотрение концепции Э. Геллнера см.: Коротеева В. В.* «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке // *Этнографическое обозрение*. 1993, № 3. С.154-165.
7. **Фрейдзон В. И.** Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70-80-е годы // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX в. – начале XX в.* М., 1991. С. 7-34.

Приводим названия некоторых трудов на русском языке по истории народов региона: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Литература эпохи формирования наций. М., 1982; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984; Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989; Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984; Краткая история Румынии. М., 1987; Краткая история Чехословакии. М., 1988; Краткая история Венгрии. М., 1991.

Глава 1. Типология процесса

1. **Исламов Т. М., Фрейдзон В. И.** Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // *Новая и новейшая история*, 1986, № 1. С.85.
2. **Мыльников А. С., Фрейдзон В. И.** Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Вопросы истории*, 1987, № 8.
3. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т.26, ч.II. С.354.
4. В настоящее время в Уэльсе 30% населения говорит на языке, отличающемся от английского. См.: **Дьюкс П.** История в современном мире // *Вопросы истории*, 1989, № 9. С.176-177. Британский историк констатирует, что «каждая национальная группа (имеется в виду население Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии – В. Ф.) очень остро ощущает свое единство, основанное на длительной и славной истории» (там же). В Шотландии лишь небольшая часть населения (около 100 тыс. человек) – горцы Севера – говорят на гэльском языке, близком староирландскому.
5. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., Т.5. С. 377-378.
6. **Martelli R.** La Nation. Paris, 1979. P.25.

7. См. Люблинская А. Д. Французские крестьяне XVI-XVII вв. *Л., 1972; Она же.* К проблеме социальной психологии французского крестьянства XVI-XVIII вв. // *Вопросы истории, 1981, № 10.*
8. Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. *Warszawa-Kraków, 1983; Hroch M.* Obrození malých evropských národů. *Praha, 1971; Idem.* Social Preconditions of National Revival in Europe. *Cambridge, 1985; Kann R. A.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848-1918. 2 vs. *New York, 1950; Niederhauser E.* The Rise of Nationality in Eastern Europe. *Budapest, 1982.* Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Bd. 1. Die wirtschaftliche Entwicklung; Bd. 2. Verwaltung und Rechtswesen; Bd. 3. Die Volker des Reiches. *Red. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1973, 1975, 1980. etc.*
9. Американский автор отмечает, что вытеснение локального сознания крестьян общезападноевропейским в «глухой» провинции – в стороне от основных торговых путей – происходило в 1870-1914 гг. См.: *Weber E.* Peasants into Frenchmen: the Modernisation of Rural France, 1870-1914. *London, 1979.* Цит. по: *Connor W.* When is a Nation // *Ethnic and Racial Studies. Vol.13, № 1 (1990). P.92-93.*
10. При всем том широкое распространение французского языка в Южной Франции относится лишь к XIX в. См.: *Шевченко Ю. Е.* Некоторые аспекты языковой ситуации у французов в XIX начале XX в. // *Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. М., 1989. С.137-145.*
11. Там же. *С.140-141.*
12. См.: Исследования, посвященные затронутым вопросам: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. *М., 1970; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981.* Об особенностях этнических процессов на Западе и в Центре Европы см.: *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. *Oxford and New York, 1986. P.129-152 e.a.*
12. Польша на путях развития и утверждения капитализма. *М., 1984. С.25.*
13. См.: *Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.329-343.*
14. *Паскалева В.* Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII-XIX в. *София, 1986.*
15. Как уже отмечалось, краткие сведения о складывании наций вне Центральной Европы приводятся с целью сравнения с процессом в изучаемом регионе. По региону Юго-Восточной Европы см.: *Postanak i razvoj srpske nacije. Beograd, 1979; Българска нация през Възраждането. София, 1980; Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII в. – начале XIX в. *М., 1963; Он же.* Этеристское движение в России. *М., 1970; Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. *М., 1979; Наумов Е. П.* Развитие социальной структуры Сербии (конец XVIII в. и первая половина XIX в.) // *Социальная структура общества в XIX в. М., 1982; Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.329-343.*
16. *Hroch M.* Obrození malých evropských národů. *Praha, 1971; Chlebowczyk J.* O prawie do bytu małych i młodych narodów. *Warszawa-Kraków, 1983.*
17. *Zwitter F.* Slovenski politični prerod XIX st. v okviru evropske nacionalne problematike // *Zgodovinski časopis, 1964. Ljubljana, 1965.*
18. *Лаптева Л. П.* О национальном возрождении лужицких сербов // *Вопросы первоначального накопления капитала и национальное движение в славянских странах. М., 1972. С.96.*
19. *Heil Fr., Pražák R.* Die Tipologie der nationalen Widergeburt in der Ländern Mittel- und Südosteuropas // *Problems of Continuity and Discontinuity in History. Prague, 1980. P.53-73.*

20. Фрейдзон В. И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. // *Вопросы истории*, 1979, № 9. С.65; Освободительные движения народов... Возникновение и развитие. С.324-325.

21. Šmerda M. K sociálnímu profilu národů habsburské monarchie před r.1848 // *Slovanské historické studie*, XIII. Praha, 1981. S.81-119; Ejusdem. K typologii národů habsburské monarchie v 1.pol. 19.st // *Hospodářské dějiny*, 7. Praha, 1981. S.31-43.

22. Topolski J. Rozwój gospodarczy a formowanie się narodu // *Kwartalnik historyczny*. Warszawa, 1975. № 3. S.531-539.

Глава 2. Проблемы периодизации

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.278.

2. На материале отечественной истории данная проблема рассмотрена в кн.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII в. – начала XX в. М., 1974. Об аналогичных процессах в Польше см.: Рутковский Я. Экономическая история Польши. М., 1953, гл. IV (материал о XVIII в.).

3. См., например: Петров В. Консолидационные процессы во всемирной истории и их национальные аспекты. *Вопросы истории*, 1977, № 9. С.56.

4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.2. Игры обмена. М., 1988. С.25-33.

5. Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952. С.160-162; История Венгрии. Т.1. М., 1971. С.381; Историја народа Југославије. Т.1. Београд, 1960. С.846, 855 и др.; Přehled dějin Československa. Т.1/2. Praha, 1982. S.221-222.

6. История Венгрии, Т.1. С.382.

7. В Польше (Речи Посполитой) зарождение элементов капиталистического уклада относится ко второй половине XVIII в. См.: Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984. С.8.

8. Фрейдзон В. И. Переход от феодальной народности к нации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Новая и новейшая история*, 1983, № 4. С.57-58.

9. Христов Х. Проблемы, достижения и задачи на исследованията за българската нация през Възраждането // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С.8-9; См. также: Тодоров Н. Българският град. XV-XIX век. София, 1972. С.184-197. Автор отмечает рост связей крестьян с городом.

10. Интерес к национальному прошлому, хотя и слабый, встречается гораздо раньше середины XVIII в. у многих просвещенных болгар. См.: Паскалева В. За понятието «нация» и образуването на българската нация през Възраждането. *Българската нация...* С.61; Она же. Предпоставки и наченки на ранното българското Възраждането // *Исторически преглед*, 1978, № 2.

11. Кожевников Ю. А. Литература Дунайских княжеств, трансильванской школы и программа просветительства // Литература эпохи формирования наций. М., 1982. С.238.

12. Обзор соответствующих трудов Г. Л. Арша см.: Фрейдзон В. И. Переход от феодальной народности к нации...

13. Более того, югославянская торговая буржуазия – выходцы из Балкан – уже во второй половине XVIII в. занималась предпринимательством в габсбургских землях – Трансильвании и др. См.: Паскалева В. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII-XIX в. София, 1986. С.32-50. В нашей литературе ставится проблема социальных процессов на «периферии капиталистической формации» в связи с развитием внешней торговли, т.е. особого значения в этом случае внешнего фактора. См.: Формации или цивилизации? (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*, 1989, № 10. С.36-37.

14. Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978. С.161.
15. Chlebowczyk J. On Small and Young Nations in Europe. *Wroclaw etc.* 1980. P.31. Ejsdem. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu. *Warszawa-Kraków*, 1975. S.29-31.
16. В этом смысле термин применяется в книге: **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. М., 1973.
17. **Łepkowski Т.** Polska – narodziny nowoczesnego narodu. *Warszawa*, 1967. S.453 etc.
18. **Hroch М.** Obrození malých evropských národů. *Praha*, 1971. S.35 (и ряд других трудов того же автора). Термином «малые народы» здесь обозначены народы с неполной структурой позднефеодального общества.
- Группа историков в качестве «критерия зрелости национального возрождения» также указывает на широкое распространение национального самосознания. См.: **Mikulka J., Šesták M., Št'astný V.** Společenské myšlení slovanských národů habsburské monarchie a buržoazní revoluce ve střední Evropě // *Československá slavistika* 1983. *Praha*, 1983. S.215.
19. **Богданова И. А.** Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры // *Культура и общество в эпоху становления наций.* М., 1974. С.68.
20. **Никольский С. В.** Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // *Литература эпохи формирования наций.* М., 1982. С.120, 121.
21. **Hroch М.** Obrození... P.35.
22. **Hroch М.** Zur Periodisierung der asynchron verlaufenden nationalen Bewegungen im Europa des 19.Jhts // *Rapports, Co-Rapports, Communications Tchecoslovaques pour le IV-e Congrès de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen.* Prague, 1979. P.198.
23. **Паскалева В.** Средна Европа и земите по долния Дунав през XVIII-XIX в. С.98-100.
24. **Дьяков В. А.** Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1977. С.26.
25. **Никольский С. В.** О некоторых задачах исследований литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций // *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1979. С.116.
26. **Никольский С. В.** Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // *Литература эпохи формирования наций.* С.98.
27. **Миллер И. С.** Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. С.430-434 (впервые опубликовано в 1977 г.).
28. **Мильников А. С.** О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы историографии // *Методологические проблемы исследования истории культуры.* Л., 1982. С.74-77.
29. См., напр.: **Мартынова М. Ю.** Хорваты. Этническая история XVIII-XIX вв. М., 1988.
30. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т.3. С.20.
31. Поскольку нация формируется как сложный комплекс взаимосвязей, мы не абсолютизируем значение промышленного переворота в национальном процессе.
32. **Куля В.** Формирование капитализма в Польше. М., 1959. С.83 и далее.
33. **Общественные движения на польских землях.** М., 1988. Гл. 2 и 3.

34. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. *Глава VIII.*

35. Об этом см.: **Замошкин Ю. А.** За новый подход к проблеме индивидуализма // *Вопросы философии*, 1989, №6. С.8. См. также: Формации или цивилизации? // *Вопросы философии*, 1989, № 10. С.57. «для капитализма... существует зона политической нестабильности, где сохраняется наибольший риск прерывания капиталистического пути... При благополучном же миновании этой зоны капитализм приобретает дополнительную устойчивость...»

36. Чешская нация на заключительном этапе формирования. *М., 1989. Главы 3 и 4.*

37. Общественные движения на польских землях. *Главы 1-3.*

38. Краткая история Чехословакии. *М., 1988. Гл. IX. С.264-265.*

39. Подробнее об этом (с цифровыми данными) см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. С.398 и далее.

40. Общественные движения на польских землях. С.151-161.

41. См., напр.: История СССР. 1986, № 5. С.61-62.

42. Об одном из таких определений см. в кн.: Чешская нация на заключительном этапе формирования. С.7-8.

43. **Hroch M.** Evropská národní hnutí v 19.století. Společenské předpoklady vzniku novodobých národů. *Praha, 1986. S.286-287.*

44. **Łepkowski T.** Polska – narodziny nowoczesnego narodu. Автор считает, что поляки достигли этого рубежа к 1870 г., хотя тогда не более 30-35% людей, говоривших по-польски, ясно осознавало себя поляками. В связи с этим он указывает, что некоторые народы Европы (французы, испанцы, итальянцы) считаются (в науке) сложившимися в нации, когда национальное самосознание было присуще еще меньшей части их этноса. Взгляды авторов на данную проблему различаются. Это связано с анализом различного конкретного этнического материала, рассмотрением истории народов, находившихся в разных условиях (так, например, на самосознание французов воздействовало государство, чехи же могли рассчитывать лишь на себя).

45. Это рассуждение содержится в комплексном исследовании **Ф. Броделя** «Что такое Франция?» *М., 1994. С.7-8.* Автор использовал данные источников по географии, антропологии, демографии, политической экономии, политологии, социологии, межгосударственным отношениям, исследований «культур и ментальностей» (Там же. С.11).

46. Известия. 10.11.1988 г.

47. См.: Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850-начало 70-х годов XIX в. *М., 1989.*

48. **Gosiorovský M.** Doformovanie moderného slovenského naroda. 1944-1970 // *Studia nad rozvojom narodovym Polaków, Czechów i Slowaków. Wrocław etc, 1976. S.187-197.*

Глава 3. Сословия, классы, социальные слои в процессе складывания наций

1. **Мыльников А. С., Якубский В. А.** Процесс разложения дворянства и его последствия // *Социальная структура общества...* С.315, 319 (но из всех дворян в Польше помещики-землевладельцы составляли только 4%).

2. **Łepkowski T.** Polska... P.152.

3. **Куля В.** Формирование капитализма в Польше. С.49.

4. См.: Дьяков В. А., Фрейдзон В. И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке. – *Советское славяноведение*, 1984, № 2. С.56.

5. Niederhauser E. *Op. cit.*, P.116.

6. Однако так было не всегда: сербский крестьянин юга Венгрии, живший в непосредственной близости от османских владений, где в конце XVIII в. – начале XIX в. совершалась сербская национальная – антиосманская и антифеодальная – революция, подвергался воздействию ее идей. И все же сербская беднота Воеводины в начале революции 1848 г. интересовалась только «землей» и участвовала в волнениях совместно с венгерской беднотой. См. Графа за историју српског покрета у Војводини 1848-1849. *Књ.1.[Р.Перовић].Београд. 1952. С.181 и др.* Аналогичные волнения имели место в Словении и Хорватии. Лишь в Трансильвании вспыхнуло румынское крестьянское восстание против венгерских помещиков, поддержавшее национальные требования идеологов буржуазии, которые заняли антивенгерскую (антипомещичью) позицию. Более того, в 1846 г. в польской части Галиции крестьяне подвергли разгрому «дворянские гнезда» в момент, когда шляхта готовила новое движение национально-освободительного характера. В 1848 г. в Воеводине лишь постепенно в результате репрессий как сербских, так и венгерских властей социальное движение бедноты было подавлено и на первый план выступили национальные противоречия

7. Подробнее об имущественном и начавшемся социальном расслоении крестьянства разных национальных областей монархии Габсбургов в XVIII в. – первой половине XIX в., в частности о формировании слоя зажиточных крестьян, нанимавших батраков (преимущественно в Чешских землях), см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. С.94-99; *Přehled dějin Československá. Praha, 1982. T.1/2. S.435-443, 489-491.* О польских землях см.: Куля В. Формирование капитализма в Польше. С.44-49. О Центральной Европе в целом см.: Обушенкова Л. А. Капиталистическая эволюция крестьянства // *Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С.298-311.*

8. Pavličević D. *Narodni pokret 1883. u Hrvatskoj. Zagreb, 1980. S.192.*

9. Лейкина-Свирская В. Р. Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема // *Социальная структура общества в XIX в. С.44.*

10. Там же. С.49.

11. Чепулис-Растенис Р. Формирование интеллигенции // *Социальная структура общества в XIX в. С.340.* Положение коренным образом изменилось в Чехословацкой республике (1918-1938 гг.)

12. О роли образованных кругов в зарождении национального самосознания см.: Hroch M. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968.*

13. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.33. С.147.

14. Гаврилович С. Француска револуција и Срби у Угарској // *Зборник Матице српске. Серија друштвених наука, № 26. Нови Сад, 1960.*

15. Наиболее обширные материалы, освещающие тему «формирование наций Центральной Европы» содержатся в двухтомнике «Освободительные движения народов Австрийской Империи» (М., 1980, 1981), в частности в специальной главе VII второго тома (М., 1981). Большое место в работе занимает идейно-политическая борьба, воздействие которой на национальные процессы легко проследить. Описание процесса у народа с полной структурой позднефеодального общества см.: Исламов Т. М. От «нации хунгарика» к венгерской нации // *У истоков... Очерки национального развития хорватов и сербов Австрийской империи* см. в кн.: Фрейдзон В. И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. М., 1997.

Глава 4. Формирование словенской нации – классический пример процесса у народа с «неполной» социальной структурой

1. Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. *Ljubljana, 1962. Sv. V. S.172.*
2. В 1846 г. словенцы составляли 96,9% населения словенской (южной) части Штирии, 89,4% южной части Каринтии, 91,9% населения Крайны, 93,7% – Горицы. (Grafenauer B. *Op.cit.*).
3. О Реформации в Словении см.: Историја народа Југославије. *Београд, 1960. Т.2. С.348-355.*
4. Там же. С.876, 883.
5. Чуркина И. В. Начальный этап развития словенского национального самосознания // *У истоков формирования наций в Центральной и Юго Восточной Европе. М., 1984. С.89.*
6. Grafenauer B. *Op. cit. P.183-184.*
7. Чуркина И. В. О некоторых особенностях формирования словенской нации // *Советское славяноведение, 1968, № 2. С.19.*
8. Krempf A. Dogodovšine Štajerske zemlje. *Graz, 1845.* К этому времени в Словении уже использовался весьма рациональный для пишущих латиницей славян чешский алфавит, заимствованный словенцами у хорватов («гаица»).
9. Vošnjak J. Spomini, I. *Ljubljana, 1905. S.11-12.*
10. Эти идеи стали достоянием национального движения. См.: Korunić P. Jugoslovenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. *Zagreb, 1986.*
11. Достоинно внимания, что в секретных данных австрийской переписи 1828 г. все словенское население именовалось «иллирийцами». Grafenauer B. *Op. cit. P.170.*
12. Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. *Ljubljana, 1966. S.142-143.*
13. Ibid. С.150.
14. Ibid. С.262.
15. Prepeluh A. Pripombe k naši prevratne dobi. *Ljubljana, 1938. S.20.*
16. Mihovilović I. Trst. Etnografski i ekonomski prikaz. *Zagreb, 1946. S.68-81.*
17. См.: Istra i Slovensko Primorje. *Beograd, 1952.* В Истрии с ее хорватским большинством наладилось политическое сотрудничество хорватского и словенского национальных движений.
18. Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. *Ljubljana, 1965. S.280-284.*
19. Pleterski J. Položaj Slovencev pred prvo svetovno vojno // *Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967. С.761-788; Zwitter F. Etnična struktura in politična vloga mest v Slovenskih deželah od srede XIX. do začetka XX. stoletja // Jugoslovenski istorijski časopis (Beograd). 1973.*
20. Gestrin F., Melik V. *Op. cit. P.244.*
21. Pleterski J. Narodna in politična zavest... *S.129, 44.*

* * *

Summary

V. Freidson, Nations before Nation-States: An Essay in the Historical Sociology of Central Europe, 18th to early 20th Century

The author proposes a typology of national development in Central Europe (more precisely East Central Europe) based on criteria of which two are key. The first refers to regional distinctiveness. Central Europe's social and political trajectory differed from that of Western and South Eastern Europe. Unlike in the West, feudal relations survived until the mid-19th century and civil society developed late; unlike in South Eastern Europe, however, this development proved stable and irreversible. Various parts of Central Europe developed unevenly, and often underwent crises; but all peoples in the region developed social structures permitting their consolidation in modern nations. As a result ethnic assimilation to a dominant group was not a norm, as in Western Europe.

The second key criterion of the typology refers to the social structure of peoples at the start of nation-formation, in particular whether or not peoples had their "own" dominant feudal classes. Other, related criteria are also relevant. In some cases, an ethnic community became the basis of a national identity; in others, several ethnic or territorial communities merged to form a nation. The territory of an ethnic group, whether relatively homogeneous or shared with other groups, might be an administrative unit or divided among historical provinces with varying degrees of administrative autonomy. For a long period, only peoples with complete feudal structures and their own ruling classes – Hungarians, Poles and, in part, Croats – possessed elements of statehood.

The author analyzes the periodization of national development. In some cases, ethnic awareness, a precondition of national consciousness, was already widespread in the pre-capitalist period, with the emergence of trade and simple commodity production. In the second period, so-called national revivals occurred, mostly among people with incomplete ethnosocial structures of the feudal type. National revivals centered on the gradual formation of complete ethnosocial structures expressing the new bourgeois, civil society. This period also saw the inculcation of national consciousness in the general population, the emergence of some national institutions and the start of nationalist political struggles. In the third period, nation-formation was basically completed, with major civil institutions, class structures of capitalist society and national culture and consciousness in place. However, national formation was completed only with the achievement of statehood.

Analyzing the place of various social groups in nation-formation the author considers the role of national markets in multi-national states. Contradicting generally accepted ideas, he concludes that in the early stages, not the national market but access to state-wide and external markets was particularly important in defining the "national interest" of the commercial bourgeoisie. Further, this interest was expressed in financial competition. Only in the early 20th century did the backward majority in Central Europe reach the stage in which industrial competition became central for political mobilization.

The author concludes that the activation of ethnic sentiments and consciousness in backward regions was often a reaction to the deterioration of traditional crafts and trade caused by the industrial revolution in developed areas such as Lower Austria, Bohemia and Moravia, and to railway construction. The emergence of ethnic consciousness did not necessarily follow economic progress, but was sometimes stimulated by social crisis. National ideologies spread more rapidly not in "oppressed" or "progressive" social strata, but among groups which sought to protect their interests by involvement in national movements (as among gentry in Poland and Hungary in the second and third quarters of the 19th century). Moderate or liberal positions in social and political issues could co-exist with radicalism in national matters, as in the case of L. Kossuth. The moderate social views of the gentry had contradictory consequences for national development because, for example, peasants distrusted them. These patterns do not hold for South Eastern Europe, consistent with the regional typology proposed in this book.

The formation of national culture preceded that of major classes in civil society; for nations without statehood, this was an important stimulus to national consolidation. However, it is not adequate to construct a periodization of national development on the basis only of national culture and consciousness.

The book's analysis of the formation of the Slovene nation illustrates the classic example of nation-building among a people with an incomplete feudal structure. At the start of the modern period the Slovenes did not possess any national rights and their territory was divided among several administrative units. The term "Slovenia" did not exist. Despite these unfavorable conditions, the Slovene nation was basically formed by the early 20th century.

* * *

Содержание

Введение	3
Глава 1. Типология процесса	9
1. Региональный принцип	9
2. Структурный принцип	17
3. Трансформация феодальных народностей или консолидация родственных этносов	22
4. Административно-политическая целостность или раздробленность этнической территории	24
5. Элементы национальной государственности	27
6. Заключение	32
Глава 2. Проблемы периодизации	34
1. О «преднациональном» периоде	35
2. Национальное возрождение	39
3. Период дальнейшей консолидации и завершения формирования наций	48
Глава 3. Сословия, классы и социальные слои в процессе складывания наций	61
Глава 4. Формирование словенской нации – классический пример процесса у народа с «неполной» социальной структурой	76
Выводы	86
Примечания	87
Summary	94

* * *

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

Эволюция этносоциальных структур, являвшаяся основой становления наций в восточной части Центральной Европы, рассмотрена в книге в сопоставлении с аналогичными процессами в Западной и Юго-Восточной Европе. С учетом специфики регионов и социальной структуры разных народов (т.е. этносоциальной структуры) автор предложил типологию национальных процессов в рассматриваемом регионе и их периодизацию. В книге освещена роль отдельных социальных слоев в процессе формирования наций. В заключительной части книги представлен классический пример национального процесса у народа, находившегося в весьма неблагоприятных стартовых условиях.

ISBN 5-87905-091-2

9 785879 050912 >

Издательский центр
«Феникс»
г. Дубна